

А. И. Павлов

**СТАНОВЛЕНИЕ
НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ:
«ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ» ЭНДШПИЛЬ**

Исторический очерк

Одесса
«Астропринт»
2021

УДК 94(47+57)“1985/1991”
П121

Павлов А. И.

П121 Становление независимости Украины: «перестроечный» эндшпиль : исторический очерк / А. И. Павлов. — Одесса : Астропринт, 2021. — 280 с.

ISBN 978–966–927–801–2

Каждому из современников, вольно или не вольно, рано или поздно приходится убеждаться в пользе знаний прошлого для прогнозирования и успешного выстраивания будущего.

Книга является научно-популярным изданием, основанным на различных источниках, в том числе и личных впечатлениях автора от тех событий, к которым он был причастен.

УДК 94(47+57)“1985/1991”

ISBN 978–966–927–801–2

© Павлов А. И., 2021

Содержание

<i>Пролог</i>	4
1. Не заигранная фигура (вступительное слово О. Демина)	4
2. Взгляд на шахматную доску изнутри	20
<i>Раздел 1</i>	
СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ПРЕДПОСЫЛКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ»	
1.1. М. Горбачев — человек, партийный функционер и государственный деятель	29
1.2. Советский Союз накануне «перестройки»	61
1.3. Время перемен и альтернативы «перестройки» в историческом контексте	86
1.4. Украинские социальные и национально- освободительные движения в «доперестроечный» период	108
<i>Раздел 2</i>	
«ПЕРЕСТРОЙКА» КАК КАТАЛИЗАТОР УПАДКА СОЦИАЛИЗМА И РАЗВАЛА СССР	
2.1. Сущность «перестройки» и ее периодизация	136
2.2. Украинская версия «перестройки»	163
<i>Раздел 3</i>	
РОЛЬ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В ИСТОРИИ УКРАИНЫ	
3.1. «Перестройка» как процесс суверенизации Украины	194
3.2. Специфика «перестроечных» процессов в Одесской области	219
<i>Эпилог</i>	250
1. Главные фигуры и их ставки в эндшпиле	250
2. Игра с непредсказуемым итогом	254
<i>Список использованных источников</i>	261

Пролог

По своему назначению и стилю научно-популярное издание, каковым является данный исторический очерк, несколько отличается от монографического издания. Это отличие заключается не только в их различных адресатах — для массового читателя в первом случае, и специальной аудитории, состоящей преимущественно из специалистов — во втором, а и в структуре самой книги.

Это относится в первую очередь к названиям вступительной части очерка. Так первая составляющая пролога — вступительное слово моего коллеги и сокурсника профессора О. Демина. Вторая часть пролога — изложение авторского видения предназначения и содержания книги.

1. НЕ ЗАИГРАННАЯ ФИГУРА (ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО О. ДЕМИНА)

Стойкость характера иногда приносит человеку такие радости, которые превыше всех благ судьбы.

Себастьян-Рош Николая де Шамфор

Выпуск 1973 года исторического факультета Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова отличался от других факультетских выпусков. Во-первых, в нем, в отличие от ряда предыдущих, появилось вновь гендерное неравенство: с открытием при университете военной кафедры на курс изначально было принято больше юношей, чем девушек. Во-вторых, в связи с появлением военной кафедры преимущество получили абитуриенты, уже отслужившие в армии, вследствие чего на курсе образовалась довольно многочисленная группа студентов с партийными билетами. В-третьих, вероятно, поэтому на первом курсе оказалось совсем мало одесситов, всего восемь человек, что тоже выделяло нас. В-четвертых, деканат и преподаватели считали наш курс посредственным, без ярких сильных личностей. Сейчас можно сказать, что первые три момента стали, действительно, во многом формообразующими, а четвертый был опровергнут жизнью. Уже одно только количество защищенных

докторских (3) и кандидатских (13) диссертаций, едва ли не самое большое среди всех выпусков, подтверждает это. Практически все сокурсники заняли достойное место в обществе и стали лидерами в разных сферах. К числу самых ярких личностей выпуска 1973 года принадлежит Александр Павлов (будем в дальнейшем пользоваться дозволенным в научных кругах сокращением АП).

Первоначально предполагалось, что будет написано небольшое введение достаточно общего характера. Однако ознакомление с авторскими размышлениями в тексте, возникшие у АП личные переживания, связанные со стилем подготовленной им работы, заставили по-другому посмотреть на содержание введения.

Из обстоятельного разговора с АП стала понятна обеспокоенность по поводу адекватности восприятия читателем его подхода к описываемым событиям с учетом перевернутого состояния массового сознания современного общества, подменой гуманистических моральных ценностей и введением ревизионистской методологии презентизма, оценивающей прошлое с позиций современных раскладов политических сил. Определенную роль играет и советское «происхождение» автора, имеющего за плечами многолетний опыт компартийной деятельности.

Все эти обстоятельства, в совокупности с рядом других факторов привели к переформатированию подхода к содержанию введения и появлению биографоориентированного расширенного очерка.

Основанием такого решения является то, что мы с АП не только сокурсники, а и коллеги, поддерживающие дружественные отношения на протяжении нескольких десятилетий, последующих за студенческими годами. Более того, в 2002–2009 годах работали вместе на кафедре истории нового и новейшего времени Одесского национального университета имени И. И. Мечникова.

Впрочем, это не означает, что мне достаточно полно известны биографические подробности его жизни, особенно те, которые касались годов, проведенных на партийной работе. Не имея возможности работать с письменными источниками, пришлось опираться на материалы устной истории, в первую очередь, на своего рода, экспресс-интервью, задав АП ряд вопросов. Достаточно обоснованно, опираясь на опыт общения с ним, предполагаю, что получил откровенные и исчерпывающие ответы. Однако это не означает, что излагаемое далее является воспроизведением его слов. Скорее это набросок видения жизненного и профессионального кредо коллеги,

моего современника, перешагнувшего вместе со страной из социалистической, какие эпитеты к ней ни присоединяй, к капиталистической системе.

Название этой части пролога «Не заигранная фигура» возникло после ознакомления с текстом и названием всей книги и несет определенную смысловую нагрузку, связанную с личностью АП. Речь идет не только и не столько о его потенциале как политика и не реализованных возможностях перерастания в государственного деятеля, каковым стал его коллега по компартийному лекторскому «цеху» В. Литвин. Как один из примеров его способностей отмечу, что он был в юношеские годы подававшим большие надежды футболистом и боксером. Но самое главное — предлагаемая реконструкция жизненного пути АП подразумевает, что он еще не до конца реализовал свои возможности ученого и разнопланового исследователя-практика.

Александр Иванович Павлов родился в 1949 году в Николаеве — городе адмиралов и кораблестроителей (рабочих, техников, инженеров, ученых). Безусловно, данная идентификация города является условной и далеко неполной, а также уже не вполне соответствующей (особенно относительно корабельных дел) его современному состоянию. Вместе с тем, она в значительной мере передает дух города 1950—1960-х годов — поры становления личности автора книги.

Предполагается, что место взросления человека оказывает существенное влияние на формирование его характера. Город Николаев имеет славное историческое прошлое как город революционной, боевой и трудовой славы, один из центров мирового судостроения, главная база Черноморского флота России (до середины XIX века). По-своему уникальным является место расположения города — у слияния рек Ингул и Южный Буг, над водной гладью которых простираются два огромных автомобильных моста, соединяющие разные части города-полуострова. Своеобразный колорит городу придают просторные, профессионально спланированные уличные магистрали, формирующие человеческую натуру.

В школьное время АП, пришедшееся на 50-е—60-е годы прошлого столетия, еще оставались живы многие фронтовики, включая участников десанта морской пехоты под командованием К. Ольшанского, удостоенных звания Героя Советского Союза за освобождение города, а на судостроительных заводах наряду с торговыми судами строились авианосцы и подводные лодки. Это все вместе создавало пред-

посылки для формирования чувства гордости и ответственности за принадлежность к славной когорте николаевских корабелов: почти каждая вторая семья горожан так или иначе была связана с корабельным делом.

Все это не могло не отразиться на самоощущении и широте натуры юного николаевца, который всякий раз при удобном случае демонстрировал преданность своей малой родине, подчеркивая перечисленные выше особенности и преимущества своего самого любимого города, невзирая на то, что он уже более полувека проживает в Одессе. На удивление окружающих, объясняя данный факт, АП шутя отвечает: «Я Одессу украсил, а она меня испортила».

Эта черта характера очень часто проявлялась в студенческие годы, когда заходил разговор о специфике одесских Молдаванки или Пересыпи. По его словам, эти микрорайоны «отдыхают» по сравнению с его Абиссинией (микрорайон города Николаева) с населением 10 тыс. человек, расположенной недалеко от Черноморского судостроительного завода и Лесков, имеющей официальное название — Железнодорожный поселок, с улочками без названий, ведущими к расположенным по разные стороны от него — вокзалу и через лесок — Южному Бугу. В этом поселке не только не функционировал общественный транспорт, но и не ходили чужие, а многие из его обитателей имели по одной-две тюремные ходки.

Отец автора очерков — Иван Иванович, прошедший финскую и Великую Отечественную войны, работал машинистом на местной ТЭЦ, а мать — Ольга Анисимовна была акушеркой. Именно они, часто ограничивая себя, дали возможность АП и двум другим своим детям реализоваться в жизни.

Таковой в целом была микросреда, в которой ковался характер будущего профессора. В 1968 году, выдержав конкурс в 13 человек на одно место, он поступил на исторический факультет Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова, находившийся по улице Советской армии (ныне Преображенской), 24.

Перед АП еще в школьные годы во всей ее полноте встала проблема выбора будущей профессии, среди которых футбол или бокс не рассматривались как таковые. Спорт, вопреки его повышенному травматизму, считался любительским видом деятельности. Для АП занятия тем же футболом было приятным времяпрепровождением, даже невзирая на то, что команда, капитаном которой он был, стала победителем городского первенства, а юношеские команды «Судо-

строителя» и ДСШ № 3, за которые он играл, дали немало известных футболистов.

И тогда, и в студенческие годы на первом месте стояла учеба, ради которой пришлось отказаться от выступлений за сборную университета. Однако это не мешало ему, пребывая уже на комсомольской и партийной работе, принимать участие в играх на первенство Одесской области в составе команд Коминтерновского и Ивановского районов. Последним аккордом публичного выступления на футбольном поле была игра в августе 1991 года, в день физкультурника, за ветеранскую сборную северных районов Одесской области, состоявшаяся на стадионе г. Белгорода-Днестровского. В той игре АП отметился голом в ворота сборной южных районов. Отдавая дань любимой игре, профессор А. Павлов практикует в день рождения кафедры, возглавляемой им, проведение футбольных встреч команд преподавателей (с его обязательным участием) и студентов. Не стал исключением и сентябрь 2021 года.

Не мечтал он и быть ученым. Его поступление на исторический факультет было продиктовано желанием заниматься публичной практической деятельностью, приносящей пользу своему любимому городу, его жителям. Решающую роль в данной мотивации сыграл отец, прошедший через все жизненные испытания, начав свою трудовую деятельность в 15-летнем возрасте на шахтах Донбасса, куда его забросила судьба как сына «кулака». Затем были тяжкие годы военных испытаний, из которых он вышел с орденами и тяжелыми ранениями, тем не менее не помешавшими ему дожить до 80-летнего возраста. Рассказы и наставления отца с детских лет сформировали у АП чувство повышенной социальной справедливости. С малых лет он задался целью сделать все возможное, чтобы его Николаев стал образцовым городом, а жизнь горожан счастливой. Однако судьба забросила его в Одессу, с которой большей частью связана вся его сознательная жизнь. Именно здесь со всей остротой стал вопрос определения своего места в жизни.

С первых месяцев студенческих лет АП отличался активной жизненной позицией: будь то учебный процесс, участие в научных кружках или в спортивных соревнованиях между факультетами по футболу, баскетболу или волейболу, что не обошлось без внимания со стороны студентов курса, факультета и деканата исторического факультета. На первом курсе он был избран комсоргом, а на втором — заместителем секретаря факультетского комсомольского бюро. Однако это

не давало ему права на получение льготного места в студенческом общежитии. И только участие в университетском хоре, где солировал студент Одесской консерватории, будущий народный артист Украины А. Бойко, позволило ему поселиться в общежитии № 4, которое находилось на уютной и еще не столь шумной, как сейчас, улице Довженко.

Юношеский максимализм и критическое отношение к окружающей действительности обнаружилось у АП с первых дней учебы в университете. В большей степени они проявились на семинарских занятиях по истории КПСС. На одном из них он вступил в полемику с преподавателем, впоследствии ставшим профессором, по вопросу о диктатуре пролетариата. АП доказывал противоестественность диктатуры одного из общественных классов как таковой, одновременно обосновывая неизбежность трансформации общества диктатуры пролетариата в общенародное государство. В ответ на это он услышал от ассистента строгую рекомендацию поменьше умничать, и усерднее изучать документы КПСС. Однако на этом все только начиналось: студент попросил преподавателя назвать научные работы руководителей партии и советского государства, в которых творчески развивается марксистско-ленинское учение. Реакцию на такой вопрос не трудно представить: вскоре студент АП попал в поле зрения парткома университета, а возможно, и не только его. Спустя годы, бывший секретарь университетского партийного комитета Л. Калустьян доверительно сказал ему: «Вы не представляете, сколько беспокойства доставляли нам Ваши революционные взгляды».

В студенческие годы АП проявлял интерес не только к истории, а и к философии, политической экономии и вообще к общественным наукам. В рамках научных кружков он усердно изучал работы великих французских просветителей. Так увлечение идеями Жана-Жака Руссо повлекло за собой его обвинение со стороны преподавателей-фронтвиков в том, что он вслед за французским мыслителем призывает «вернуться в лес, стать на четвереньки» (фраза доцента П. Г. Чухрия).

На старших курсах практически все свободное время он уделял изучению общей теории систем и системного подхода. Это увлечение завершилось защитой по этой проблематике дипломной работы, как следствие его специализации с третьего курса по кафедрам общественных наук. Одной из них была кафедра философии, возглавляемая известным советским ученым, профессором А. И. Уемовым. На пятом курсе АП был оформлен на половину ставки лаборанта

лаборатории системных исследований и готовился к поступлению в аспирантуру. Однако для этого необходимо было наличие партийного билета. Прием же студентов в члены КПСС не только жестко регламентировался, но и имел небольшую квоту. Да к тому же руководство факультета не считало кандидатуру мятежного студента АП достойной участи коммуниста. Поэтому после окончания университета вместо аспирантуры будущий профессор получил направление на работу в Сербковскую среднюю школу, а спустя уже полгода был избран секретарем Коминтерновского райкома Ленинского Коммунистического союза молодежи Украины (позже этот район был переименован в Лиманский, а в 2020 году перестал существовать как таковой в связи с образованием Одесского района). Спустя год после окончания университета декан факультета З. В. Першина, встретив комсомольского вожака, высказалась в его адрес язвительной фразой: «Ну что, товарищ Павлов, руководите, ну руководите».

Однако апофеозом студенческого времени автора книги стала защита дипломной работы на тему «Системный подход и его использование в исторической науке», руководителем которой был уже в то время опальный профессор А. И. Уемов.

Все моральные издержки опального статуса руководителя испытали и студенты, защищающие работы по кафедре философии (кроме АП к ним относился и Ю. Косилов, защита которого была назначена повторно, поскольку дипломник дал ответ на вопрос члена экзаменационной комиссии, который выходил за рамки установленных стандартов). С АП все было гораздо сложнее: он был обвинен в отсутствии в списке литературы последних постановлений Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и советского правительства. Но самое главное состояло в том, и это следовало из ответа дипломника, что в указанных документах напрочь отсутствовали даже упоминания о системном подходе. Решение комиссии было компромиссным — работа принята, но ее оценка будет объявлена только после внесения документов ЦК КПСС в список используемых источников. Это решение, хотя и выходило за рамки процедуры защиты дипломных работ, не было таким уж странным. Скорее всего, свою роль сыграли привходящие факторы — в то время на факультете и в университете работала киевская комиссия Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, разбиравшая, в том числе, нарушения коммунистической морали и проявления украинского национализма в работе преподавателей кафедры истории УССР. Фак-

тически эта комиссия была репетицией начавшейся вскоре идеологической чистки в масштабах всей Украины. В таких условиях проявить «идеологическую слепоту» со стороны руководства факультета было недопустимым проступком. Другое дело, что студенты не знали обо всех этих подводных камнях университетской и факультетской жизни. Поскольку автор дипломной работы категорически не принимал замечания, высказанного по его работе, а комиссия знала, с кем имеет дело, и, не желая раздувать инцидент, через несколько дней официально озвучила оценку «хорошо».

В пользу такой трактовки событий говорит и мой пример как попавшего в ту же «проработку» в том же году. На государственном экзамене по истории КПСС мне попался вопрос об отношении партии к национализму (приблизительная формулировка). Накануне я прочел статью в одном из последних номеров ведущего исторического журнала СССР «Вопросы истории», в которой писалось о диалектическом подходе к данной проблеме, с учетом времени и обстоятельств событий. Автор статьи указывал и на необходимость положительного отношения к ряду националистических движений. Это все я и изложил членам государственной комиссии. Меня изумила их реакция и дополнительных вопросов мне не задавали. Комиссия поставила оценку «хорошо», а осведомленная в делах факультета старший лаборант кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков, которую я оканчивал, И. И. Урицкая, по секрету сказала мне, что, если бы я не шел на «красный диплом», получил бы тройку.

Возвращаясь к дипломной работе АП, то из нее, по настоянию членов кафедры философии, во избежание нежелательных последствий, было удалено значительное количество приложений к работе, большая часть из которых состояла из структурно-логических схем, составленных не в духе формационного подхода, а совершенно нового (теперь он называется цивилизационным). По большому счету, если не принимать во внимание формальную сторону вопроса, эта дипломная работа по своему содержанию и новизне «тянула» на «болванку» кандидатской диссертации. Однако ее автору не суждено было стать кандидатом философских наук, он ограничился лишь сдачей кандидатских экзаменов по философской специальности. Но интерес к философским исследованиям не пропал, что проявилось не только в тематике публикаций, а и в научных подходах при изучении исторических и социально-экономических проблем.

Эпизод защиты дипломной работы стал одним из ряда принципиальных противостояний АП с существующими общественными язвами. И в дальнейшем они будут сопровождать его, вынуждая к переменам места жительства и работы, но не к изменению принципиальных позиций. Знаковым стало возвращение АП в родные места, когда он в 1977–1981 годах работал преподавателем кафедры истории КПСС Николаевского кораблестроительного института имени адмирала С. О. Макарова. В те годы ему пришлось осваивать ранее так нелюбимый предмет (на кафедре философии вакансий не было), и одновременно работать над кандидатской диссертацией о деятельности партийных организаций Украины по преодолению культурно-бытовых различий между городом и деревней. Уже тогда он подходил к теме самой диссертации, одновременно ориентируясь на междисциплинарный подход и сохраняя связь с философской проблематикой и социальной справедливостью.

Молодой преподаватель, находящийся в окружении «матерых» коллег, прошедших многолетнюю школу партийно-советской работы, сразу же оказался не на последних ролях. Его активная гражданская позиция и популярность среди студентов, в том числе и как лектора общества «Знание», оказались не всем по душе, и в первую очередь, заведующему кафедрой М. Недо, в прошлом второму секретарю Центрального райкома партии г. Николаева. Вскоре он приложил все свое «интриганское мастерство» и связи, чтобы выжить строптивного преподавателя, в котором усматривал своего конкурента на руководящее кресло.

К этому времени по-своему сошлись и другие обстоятельства, которые «перенесли» АП в 1981 году в Ивановский район Одесской области. Рассматривая личный листок по учету кадров претендента на скромную должность лектора райкома партии, один из ответственных работников Одесского обкома партии, недоумевая по поводу такого назначения, указал претенденту на рассматриваемую должность, что с такими данными он вполне мог бы рассчитывать на должность лектора того же Николаевского обкома партии, а не райкома. В ответ он услышал: «Я вернулся с тем, чтобы работать на доверенном участке работы, при этом не откладывая в долгий ящик кандидатскую диссертацию». В свою очередь, партработник, как прояснилось позже, сам в ту пору работающий над докторской диссертацией, заметил, что обком партии отрицательно относится к совмещению подобного рода деятельности. Для АП это было определенным открытием, по-

казавшим, что наука и творческая самостоятельность оказывались мало совместимыми с единомыслием и партийной дисциплиной.

Однако не все оказалось так плохо, как можно было предположить на первый взгляд. Практически новый состав аппарата Ивановского райкома партии (кадровое обновление было связано с раскрытием в районе группы расхитителей социалистической собственности, среди которых находились отдельные хозяйственные руководители и работники правоохранительных органов), возглавляемый М. Галичем, успешно справился с поставленными перед ним задачами. Спустя год АП стал заведующим отделом пропаганды и агитации Ивановского райкома партии, приложив немалые усилия к оздоровлению морально-психологического климата в районе. Опираясь на комсомольцев и молодежь района, он добился строительства в райцентре нового стадиона.

За каких-то три-четыре года в райцентре были введены в строй здания новой школы, поликлиники, гостиницы, подведен сетевой природный газ, оборудованы комнатами отдыха все животноводческие фермы. На фоне этих достижений отнюдь не случайным выглядело назначение в 1983 году М. Галича секретарем Одесского обкома партии. Не был обойден вниманием и АП, попавший в резерв лекторской группы обкома партии. И уже в сентябре 1984 года, после защиты кандидатской диссертации, АП был назначен на должность лектора Одесского обкома партии.

Можно сказать, что в целом подобная номенклатурная биография была типичной для советского партийного карьерного роста, привлекая представителей активной, харизматической части молодежи. И это присуще не исключительно советскому обществу. Во все исторические периоды, включая и современность, имеется молодежная группа или ее отдельные представители, которые делают карьеру в силу внутренней потребности к соучастию в преобразовании общества. Другое дело, что общество редко предоставляет возможность выбора моральной, гуманистической карьеры.

С позиций сегодняшнего дня, далекого от действительности коммунистической партийной жизни, не всегда просто представить ту роль и участь, которые выпали во второй половине 1980-х годов на долю лектора партийного комитета, оказавшегося на линии обстрела и «отстрела» партократов. Со слов АП, ему в ту пору доставалось больше, чем кому-либо, в силу его характера и жизненной позиции. Здесь речь идет не сколько о тяжелой ноше лектора (позже — руководителя

лекторской группы, заместителя группы лекторов и консультантов) партийного комитета, а о морально-политической атмосфере, сложившейся в обкоме и в обществе в целом. До 1987 года секретарем Одесского обкома партии по идеологии был киевский выдвигенец Г. Максименко, поведение которого характеризует один, но весьма красноречивый факт. Он настоял на рассмотрении партийным собранием работников идеологических отделов персонального дела АП, «провинность» которого заключалась в работе над докторской диссертацией и подготовке к публикации монографии. Но для субъекта персональной разборки все обошлось, поскольку сотрудники определенно представляли мотивы и причину действий секретаря и понимали ту еще большую отдачу, которую может получить партийная организация области от высокопрофессиональных сотрудников партийного аппарата.

Умение работать было одним из основных требований для сотрудников партийных структур. В те годы, по словам АП, кроме аналитической и аппаратной работы, ему приходилось выступать в различных коллективах с лекциями и беседами более 100 раз в месяц. Этому верится, ибо подтверждается и документальным материалом, и сообщениями других лиц.

Характерной для того времени была публичная лекция АП, прочитанная в ноябре 1987 года для идеологического актива области в переполненном зале Дома политпросвещения обкома партии (в первые постсоветские годы в этом здании по Пушкинской, 10 размещался банк «Порто-Франко»). Интерес преподавательского университетского и институтского состава города (они составляли костяк актива) вызвала сама тема, опосредованно касающаяся современных событий, — «Советский Союз в период перехода от капитализма к социализму». Частично интрига состояла в том, что в год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции состоялся пленум ЦК КПСС, на котором с докладом «Великий Октябрь и перестройка» выступил генеральный секретарь коммунистической партии М. Горбачев. Тогда огромный резонанс в обществе вызвал не только доклад, а и перепалка (формально по докладу, а фактически против генсека) между докладчиком и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем Московского горкома КПСС Б. Ельциным. Поэтому обстановка в зале на 700 мест была приподнятой и напряженной. Во время лекции в президиуме находился один из идеологических руководителей обкома партии. «Огня» добавил и вопрос лектора

к аудитории: что она ожидает от лекции? Исключительно публичную партийную позицию или прежде всего личную точку зрения лектора партийного комитета, имеющего научную степень и соответствующие знания по объявленной теме. Зал отозвался громким гулом голосов в пользу второго из предложенных подходов. Так незаметно пролетели не предусмотренные регламентом полтора часа. Потом наступило время ответов на многочисленные вопросы, которое растянулось почти на два часа. Вопросы были самые разные, но среди них краеугольными были три: что такого крамольного сказал на пленуме Б. Ельцин? Будут ли политически реабилитированы соратники по партии В. Ленина, пребывающие в оппозиции ее генеральному курсу? Какими могут быть последствия «перестройки»? По всем вопросам аудитория получила от лектора аргументированные ответы. Первый вопрос был самым сложным, поскольку ответ на него требовал от АП передачи содержания острого диалога двух руководителей КПСС, на что он не имел права как партийный функционер. Но непоправимые последствия кулуарной битвы в высших эшелонах власти не оставляли ему, как человеку принципа, иного выбора. Отвечая на второй вопрос, он дал, как показали принятые в 1988 году постановления Верховного Совета СССР, точный прогноз, исключив среди тех, кого ожидает реабилитация, Л. Троицкого.

По последнему вопросу лектором было высказано пессимистическое предположение о разрушительных последствиях «перестройки» в силу отсутствия четкой целевой установки «перестроечного» процесса, непоследовательности политического курса партии, пренебрежения стратегией развития страны.

Следующий вызов судьбы пришелся на лето 1990 года в процессе подготовки к изданию монографии по теме докторской диссертации АП, проявившегося в том, что директор и главный редактор головного издательства «Лыбидь» (Киев) заблокировали выход его монографии. Поводом для этого послужило использование в работе документов КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества. Безусловно, заключение руководства издательства было антиисторичным, ибо в рамках рассматриваемого исторического периода научного исследования о 50–60-х годах XX столетия она таковой и была. Для отстаивания своих гражданских и авторских прав автору рукописи монографии пришлось отправиться в Киев, где располагалась редакция головного издательства, хотя сама книга готовилась к печати на Одесской книжной фабрике. Здесь автору

прямо указали при личной встрече, что политическая атмосфера в Киеве того время весьма отлична от одесской. Подобная мотивация не только противоречила представлениям АП о существовании вопроса, но и не устраивала его с практических соображений.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы ситуация приобрела позитивный для автора выход и, в итоге, тираж монографии был распечатан, а со временем получил и право на признание в качестве научного издания. Другое дело, что к концу 1991 года книга потеряла практическую востребованность в связи с развалом СССР и прекращением функционирования специализированного ученого совета Академии общественных наук при ЦК КПСС, в котором планировалась защита докторской диссертации АП. Вместе с тем, монография и сегодня сохраняет значительный историографический интерес для исследователей.

Несколько ранее, в ноябре 1990 года АП принял решение оставить, по соображениям нравственного характера, занимаемую должность в обкоме партии и перешел на преподавательскую работу — вначале в Одесский институт низкотемпературной техники и энергетики, а затем — в Одесский институт усовершенствования учителей. По сути — это решение было связано с необходимостью переосмысления происходящего в стране на «отдалении» и необходимым вариантом продолжения трудового стажа. По большому счету работа над диссертацией отошла на второй план, однако прямые обязанности преподавательской деятельности выполнялись активно и творчески. Более того, в конце 1990-х годов была издана серия небольших по своему объему учебных пособий, которые были позитивно оценены учительской общественностью и активно используются в учебном процессе и в наши дни.

Параллельно с этой работой в начале 1990-х годов АП значительную часть своих усилий и способностей направил на обеспечение нормальных условий для жизнедеятельности своей семьи. Сегодня АП с самоиронией вспоминает, как он в одночасье превратился в типичного украинского предпринимателя переходного периода накопления капитала. На протяжении 1991–1993 годов он совершил множество (иногда по 5–6 в год) коммерческих челночных поездок в различные города Польши. Поэтому не случайно некоторые поляки, посещая местные рынки, узнавали в нем своего старого знакомого. На традиционный вопрос польских покупателей: «С чем пожаловали на этот раз», он отшучивался фразой: «Все с тем же, поскольку Лех

(Валенса) позвонил Леониду (Кравчук) и попросил, чтобы тот прислал Александра с очередной партией шнурков» (их пара оценивалась в один золотый или 10 центов в пересчете на американскую валюту и в то время пользовалась спросом, не говоря уже о других, более востребованных товарах).

Примерно в это же время стал активно осваиваться Малиновский промышленный рынок, специализирующийся на реализации товаров хозяйственного назначения. Постепенно занял на нем свою нишу и АП, реализуя лакокрасочную продукцию и строительные инструменты. На первых порах торговля велась с газет и картона, затем появились столы, а со временем и торговые павильоны. Причем на первом этапе приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы, позже появились и реализаторы. Можно представить, что испытывал по этому поводу вчерашний остепененный партработник. На это у него есть своя точка зрения: он считает, что куда более морально торговать товарами, пользующимися общественным спросом, чем своими принципами и убеждениями. Хотя он признается, что всегда испытывал неловкость, когда на рынке появлялись знакомые лица, которые в ответ на его реакцию отмечали, что не только не видят ничего зазорного в его новом облике, а и считают его решение по-человечески смелым, оправданным и правильным с точки зрения интересов семьи и времени.

Эта новая и, по сути, побочная линия деятельности в жизни автора представляемой работы завершилась только в начале 2000-х годов с его переходом на работу в университет. Но она определила вектор новых интересов АП, так как, стремясь разобраться в тонкостях предпринимательства, он начал более углубленно изучать современные научные публикации по экономической проблематике. В будущем это сыграет свою роль.

В университете, как утверждает АП, по моему совету он возобновил свою научную работу, которая приобрела высокую интенсивность с зачислением в докторантуру Одесского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины. В докторантуре им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени доктора наук по государственному управлению. Но от этого жизнь не стала легче, более того, она уготовила ему не только новые испытания, но и душевные страдания от процедуры подготовки к защите, собственно защиты и еще больше от произошедшего после этого.

Накануне защиты, назначенной на 21 февраля (день рождения АП) 2008 года у АП, мягко выражаясь, не сложились отношения с заместителем председателя специализированного совета. Это привело к тому, что за несколько часов до заседания специализированного совета его председатель предложил перенести защиту на другой срок, поскольку в этот день звезды сложились против соискателя. Но АП решил идти до конца и ничего не менять: в итоге по результатам защиты диссертации ему была присуждена искомая степень. Однако уже через месяц тот же совет отменил свое предыдущее решение, признав его ошибочность ввиду нарушения процедурных правил. Далее соискатель на протяжении полутора лет в законный способ, но безуспешно добивался отмены второго решения специализированного совета по защите диссертаций.

Не опустив рук, с потрясающей работоспособностью, параллельно АП начал работу над подготовкой новой диссертации, но уже по экономической специальности. Она была успешно защищена в мае 2010 года в Национальном научном центре «Институт аграрной экономики». В течение менее чем двух лет им по теме диссертации «Управление социально-экономическим развитием сельских территорий Украины» были опубликованы две монографии и более 20 научных статей. Эти титанические усилия АП были подкреплены поддержкой со стороны директора Института — академика НААН П. Т. Саблука, который, учитывая актуальность темы, предоставил возможность защитить работу вне очереди.

С октября 2011 года, приняв приглашение ректора Одесской национальной академии пищевых технологий Б. Егорова, автор книги руководит кафедрой экономики промышленности. В следующем году АП создал и возглавил научную экономическую школу академии. За прошедшие девять лет в рамках ее научной проблематики было подготовлено 19 докторов и 28 кандидатов экономических наук. Четыре доктора и один кандидат наук защитились непосредственно под его руководством. Принимая во внимание личный вклад и организаторский талант АП в развитие экономической науки, ученый совет академии, дважды — в 2017 и 2020 годах, выдвигал его кандидатуру для присвоения почетного звания заслуженного деятеля науки и техники Украины.

Подводя итоги характеристики АП как незаигранной фигуры в его трех ипостасях, замечу, что он не состоялся как спортсмен, так как изначально не собирался им быть, спорт, а точнее физическая

культура стала для него одним из хобби; он не собирался становиться политиком и государственным деятелем, он не планировал, но стал большим ученым.

С одной стороны, общепризнанным является вклад АП в современную науку как одного из основателей и последовательных разработчиков учения о сельском развитии, возможно, в меньшей степени — об устойчивом и безопасном развитии агропродовольственной сферы. С другой стороны, его фундаментальные научные исследования, связанные с руралистикой, брендингом сельских территорий, инклюзивным развитием, формированием континуально-конвергентных социально-пространственных образований, общинной моделью децентрализации власти и управления, новым видением публичного и государственного управления в некотором смысле опередили время и безусловно в будущем получат должное общественное признание.

У меня лично, как человека, давно знающего АП как ученого, человека с большим сердцем и открытой душой, нет сомнения в том, что по перспективности своей научной деятельности он перерос рамки ученого национального масштаба.

Уверен, что ему еще есть чем поделиться со своими читателями, свидетельством чего являются, в том числе, и этот исторический очерк. Вместе с тем, в перечисленных ипостасях АП присутствует в «неснятом» виде как человек и гражданин. Его человеческая натура сложна и многогранна, по ряду факторов противоречива и не подлежит одномерной оценке. Могу с уверенностью утверждать одно — это харизматичная и пассионарная личность с тонкой душевной организацией, столь ранимая, как и сильная, поскольку в нем не дремлет романтический холерик. Он одновременно — человек прошлых эпох и будущего времени.

Есть ряд моментов в биографии автора, которые представляют интерес для реконструкции его жизни, но я их оставляю за рамками и так растянувшегося введения, учитывая, что это не моя задача. Предоставляю ее будущим биографам АП. И как пример одной из перспективных тем этой работы приведу очень точную характеристику, данную ему старшей дочерью Татьяной: «Это человек-ледокол».

АП вне всякого сомнения — человек-государственник и гражданин своего Отечества в самом широком и высоком значении этого слова. Как человек, рожденный в СССР, он делал все возможное и невозможное, чтобы улучшить общество, в котором он появился на

свет. Однако его усилий оказалось недостаточно для этого. При этом он был и продолжает оставаться конструктивным критиком и созидателем устройства общества на гуманистических принципах.

Олег Демин,
доктор исторических наук, профессор,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
Октябрь 2021 года

2. ВЗГЛЯД НА ШАХМАТНУЮ ДОСКУ ИЗНУТРИ

Тема исторического очерка является актуальной и важной по нескольким причинам. Первая связана с трактовкой понятийного конструкта «независимость Украины», его историческим контекстом и соответственно — периодизацией данного процесса. Большая часть историков и современные политики склоняются к тому, что Украина имела независимость до 1991 года, поэтому применительно к данному периоду якобы следует вести речь не о ее становлении, а о восстановлении или возрождении. С моей точки зрения, такая позиция является не только ошибочной, а и свидетельствует об излишней политизации и идеологизации данного эволюционного исторического явления, которое имеет строго научные исторические рамки. Речь, во-первых, идет о том, что в указанный период понятие «Украина» означало единство всех этнических украинских земель с определенной долей и других этносов (поляки, венгры, румыны и др.), проживающих на указанных территориях на момент их включения в состав Украинской ССР. Во-вторых, в период национально-освободительной революции (терминология, введенная в научный оборот В. Смолием и В. Степанковым) под руководством Б. Хмельницкого и в период Украинской Народной Республики суверенитет украинских земель носил ограниченный характер, в части как полноты, так и самостоятельности власти. В-третьих, чем дальше время отдаляет нас от советского прошлого Украины, даже простое упоминание о котором вызывает по меньшей мере раздражение не только у правящего класса, но и у обывателя, тем большей героизацией обрастает борьба участников движения сопротивления с Советами в западных областях УССР, развернувшаяся в конце 1930-х — середине 1950-х годов, которые сегодня установили свое монопольное право давать те или иные

оценки нашему историческому прошлому, в том числе и в отношении сути «перестройки» и ее роли в судьбе Украины. Можно по-разному относиться к этим событиям, однако не позволительно идентифицировать украинство как таковое с одной из его немногочисленных частей, к тому же имеющей свое, отличное от большей части населения Украины, отношение к советской истории. В-четвертых, современное украинское государство, приняв ряд антикоммунистических законов, особо не утруждая себя нормами корректности при их реализации, в нарушение принципов верховенства права и приоритета прав личности и гражданина отказывает большей части населения страны в праве на историческую память. Ни одна демократическая страна мира до Украины, не считая диктаторских режимов, не демонстрировала так откровенно и беспардонно правового нигилизма, человеческого беспамятства, а следовательно — аморальности и безответственности по отношению к своему прошлому.

Учитывая указанные обстоятельства, возникла объективная потребность в уточнении значения «перестройки» в становлении независимости Украины и определения данного этапа как завершающего в процессе ее суверенизации.

Приступая к выполнению этой исследовательской задачи, я следовал наставлению Ф. Ницше, содержащемуся в его работе «Несвоевременные размышления: о пользе и вреде истории для жизни», суть которого состоит в том, чтобы освободить своего читателя от парализующего воспитательного воздействия эпохи, видящего свою выгоду в том, чтобы не позволять человеку стать зрелым, чтобы властвовать над ним.

У исследователя, поставившего перед собой подобную задачу, не остается иного выбора, кроме критического отношения к истории, которое несовместимо с представлениями о трансцендентальности субъекта, поскольку они нивелируют индивидуальное человеческое творчество.

Кроме всего прочего, я как автор исторического очерка имею очевидные преимущества перед обычным исследователем, заключающиеся в возможности взгляда на происходящие процессы изнутри, не только как свидетеля, а и как участника исторических событий, что позволяет уйти от соблазна создать обобщающую схему общественного развития.

Дело в том, что шесть лет моей трудовой биографии (сентябрь 1984 года — ноябрь 1990 года), связанные с работой в Одесском об-

коме Компартии Украины в должностях лектора, руководителя лекторской группы, заместителя руководителя группы лекторов и консультантов этого партийного комитета, приходится на исторический период, описываемый в очерке.

Сама по себе лекторская группа партийного комитета — его важное информационно-аналитическое подразделение, обеспечивающее деятельность секретарей обкома партии, работников партийного аппарата, секретарей первичных партийных организаций, партийно-хозяйственный и идеологический актив необходимыми аналитическими материалами. Большую часть среди них занимали документы, которые готовились для первого секретаря обкома партии. Выполнение указанных функций было связано с каждодневной работой с огромным количеством информационных материалов, в том числе и закрытого характера, имеющих разное происхождение. А в конце 1980-х годов мне самому приходилось осуществлять подборку актуальных и общественно значимых информационных материалов с их последующим редактированием для бюллетеня, адресованного идеологическому активу.

Повышению моей информированности о важных текущих событиях политической жизни страны способствовали встречи с секретарями ЦК КПСС, ЦК Компартии Украины, другими работниками центрального и республиканского партийных комитетов, которые происходили во время различного рода совещаний, посещения ими обкома партии во время служебных поездок. Отдельное место среди этих мероприятий занимали всесоюзные и республиканские семинары лекторов, на которых выступали известные ученые, среди которых был и академик Л. Абалкин, впоследствии занявший должность одного из руководителей правительства СССР.

Много пищи для размышлений и самоанализа давали встречи со слушателями во время выступлений перед идеологическим и партийно-хозяйственным активом области, работа в первичных, районных и городских партийных организациях во время служебных поездок.

Однако ни с чем не сравнимые впечатления оставляли идеологические «баталии» и индивидуальные диалоги с оппонентами из либерально-демократической среды, проходящие как в специальных аудиториях, так и на открытых городских площадках, при личных встречах, а также приглашения выступить с лекциями на предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях, различного рода учреждениях. Они позволяли постоянно ощущать ритм и пульс об-

щественной жизни, отношение к происходящим событиям представителей разных социальных слоев, профессий и возрастов.

В свете изложенного происходящие в стране в 1985—1991 годы события предстают как своего рода игра, сравнимая по своей интриге и сложности с шахматами, а люди, участвующие в ней, сопоставимы с шахматными фигурами, одной из которых, по жребию судьбы, выпало быть и мне. Не уверен, что моя роль в этой игре была значимой (все зависит от индивидуального восприятия масштаба игры и понимания роли личности в ней), но однозначно я не играл в поддавки.

Вопрос иного характера, но не выходящий за шахматные образно-тематические рамки, — социальная цена результата игры, ее национальный и международный резонанс.

В отличие от книги известного американского политолога З. Бжезинского «Великая шахматная доска», посвященной обоснованию стратегий, обеспечивающих главенствующую роль в мире США, сценарий данной книги связан, с одной стороны, с падением одного из важных геополитических игроков и рождением в центре Европы нового суверенного государства, — с другой. Хотя между этими темами существует и опосредованная связь: описанная в книге З. Бжезинского стратегическая цель США в евразийском пространстве точь-в-точь воплощается спустя два десятилетия на практике в украинно-российских отношениях. Как и прогнозировал американский ученый, приход к власти в Украине прозападных политиков в значительной мере развязывает руководству США руки в борьбе против России.

В событиях, происходящих на «перестроечном» шахматном поле, выступали две главные фигуры — король (М. Горбачев) и пешка, в конце игры, набравшая «силу» короля (Л. Кравчук), все остальные, по большому счету, — это их свита, противоборствующая команда и остальные, менее значимые фигуры, сыгравшие в эпизодах, — не более чем исторический фон. Формально в роли потенциальных незаигранных фигур выступали все современники «перестройки». Помня об этом, новым поколениям украинских граждан не мешало бы извлечь из истории полезные для себя и общества уроки. Для этого, как минимум, необходимо всего-навсего обратиться к прошлому своей страны. Следующий шаг — перестать быть народными массами и стать личностями, не позволяющими распоряжаться своими судьбами случайным попутчикам, в какие бы одежды они ни рядились и какие бы роли не разыгрывали в спектакле по названию «ЖИЗНЬ».

Она у нас, у каждого одна и она наша и ничья другая. И в ней надо постараться быть хозяевами.

Политическую игру под названием «перестройка» предваряет расстановка сил, воплощенная в названии первого раздела — «Субъективный фактор и предпосылки «перестройки», который открывается оценкой М. Горбачева как человека, партийного функционера и государственного деятеля.

Трудно себе представить, чтобы человек с низкими моральными качествами, посредственными профессиональными способностями и недостаточным практическим опытом смог достичь вершин партийной и государственной власти. Если такое стало возможным, как в нашем случае с М. Горбачевым, это свидетельствует о том, что общество, в котором происходят подобные метаморфозы, является нездоровым и диагноз данной болезни имеет отношение не столько к его социально-экономической составляющей, сколько к морально-нравственной.

Не менее удивительным является первый шаг «короля», подмивший глубокий анализ состояния всех сфер общественной жизни страны надуманной оценкой предшествующего пятнадцатилетия как периода «застоя». Как показало время, данный ход преследовал цель подготовки общественного мнения к необходимости восприятия перемен, осуществляемых исключительно по усмотрению короля, оказавшегося вскоре голым.

Но историю не обманешь: с М. Горбачевым или без него, но текущее состояние общества требовало перемен, в ожидании новизны пребывали и его граждане. Однако ожидаемые общественные перемены нуждались в научном обосновании и соответствующем институциональном, политическом, организационном и научно-техническом сопровождении, воплощенном в стратегию развития. На самом же деле все осуществлялось по личному усмотрению короля и королевы (Р. Горбачевой), действующих по принципу «куда кривая выведет». Поэтому финал политической игры, завершившейся поражением короля (развал СССР), в общем-то был ожидаемым.

Нельзя сказать, что подобный исход игры привел в замешательство или поверг в состояние шока всех ее зрителей (население Советского Союза). Более того, иные, менее значимые фигуры (политические лидеры союзных республик), националистически настроенная часть их населения делали все для того, чтобы ускорить конец игры и в конечном итоге воспользоваться ее результатами для собственной

пользы. Характерно, что подобная поведенческая линия не отличалась новизной по отношению к рассматриваемому периоду, а была типичной для целого ряда игроков на шахматном политическом поле (в первую очередь это касается прибалтийских республик).

В этом плане не была исключением и Украинская ССР, в которой протестные социальные и национально-освободительные движения, проявившиеся задолго до «перестройки», на отдельных этапах ее развития оказались характерными практически для всей ее территории.

Не мудрено, что по совокупности факторов «перестройка» на поверку оказалась в руках короля катализатором упадка социализма и развала СССР.

Вся несостоятельность короля становится очевидной при анализе его видения фабулы игры (определение содержания, сущности и поэтапной реализации «перестройки»). Если в ее начале позиции короля находили поддержку со стороны менее значимых фигур (окружение М. Горбачева), поддерживали тонус командной игры (члены ЦК КПСС и правительство) и держали в напряжении зрительскую аудиторию (общественное мнение), то с ослаблением контроля короля за развитием игры в миттельшпиле партии инициатива стала переходить к противоположной стороне, использующей изменившийся расклад сил в стане соперника: игру в поддавки коня (А. Яковлев), рокировку ферзя (Б. Ельцин) и растерянность слона (Е. Лигачев).

А в это время на отдельных участках шахматной доски (в частности на украинском политическом поле) пешки (Л. Кравчук) взяли за привычку примеривать на себя королевскую корону. Но в борьбе за трон с пешечным королем и его сторонниками (суверен-коммунисты) конкурировали лукавые любители шахматной политической игры (национал-демократы), облачившиеся поначалу в одежды «перестройщиков».

О деталях указанных хитросплетений игры на украинской части политического поля читатель может узнать, ознакомившись с содержанием второго раздела книги «Перестройка» как катализатор упадка социализма и развала СССР».

В силу объективных и субъективных обстоятельств развития «перестройки» в центре и особенностей ее принятия в УССР, в середине игры данный процесс отклонился от первоначального вектора, по сути, превратившись в суверенизацию республики при сохраняющихся, но явно ослабленных властных полномочиях союзного центра. Партийные и советские органы Украинской ССР изображали

благопристойную мину при плохой игре, а их оппозиционные силы платили тем же, отдавая себе отчет в том, что в одиночку против Москвы им не устоять.

Процесс суверенизации Украины имел разную степень проявления по степени своей глубины и широте охвата социума: если в западных областях республики он достиг максимальных отметок по обоим параметрам, ближе к центру и северу его амплитуда ослабевала, то на востоке и юге он протекал в латентной форме.

Скажу больше, при всей внешней видимости общей озабоченности политического бомонда и общественности УССР дальнейшей судьбой союзного государства, каждый из участников политического процесса, развернувшегося в республике на фоне «перестройки», вынашивал свои далеко идущие цели, идущие в разрез с целями иных попутчиков. Л. Кравчук и ему подобные игроки жили помыслами не просто удержаться у власти, а взобраться на ее олимп вне зависимости от того, какого цвета знамена будут возвышаться над ним. Национал-демократы, несмотря на их многообразие, мечтали в большинстве своем об установлении национальной государственности. Ну а братья-хлеборобы (термин В. Липинского) надеялись на чудо. Но как показало последующее после 1991 года время — чуда не произошло. Национал-демократы остались ни с чем, суверен-коммунисты, удовлетворив свои властные амбиции и отнюдь не эфемерные аппетиты, привели к власти новых хозяев — олигархию, а хлеборобы оказались у разбитого корыта.

На одесских политических задворках играли не по общим правилам. Здесь во все времена имелись высокого класса не только настоящие гроссмейстеры, но и весьма талантливые мастера этой игры и просто свободолюбивые самоучки. Было бы сущей неправдой, если бы я пытался утверждать, что в Одесской области в рассматриваемый период, как, собственно, и сейчас, отсутствовали национально настроенные граждане. Они безусловно были, но не они играли в политической игре главную роль. Даже героических усилий таких их лидеров как В. Барладяну (украинский патриот по определению), и В. Цымбалюк (достиг национальной зрелости, будучи отставным полковником Советской Армии) было явно мало для успеха дела. Здесь больше ценилась самобытность иных протестных личностей, мысли которых были заточены не на украинской национальной идее, а на общечеловеческих ценностях. Они скорее восставали против существующих порядков, чем за установление власти украинских патрио-

тов. Отдельные их персонажи, как-то мой сокурсник Г. Павловский, увлекшийся идеей революционного переустройства общества еще в студенческие годы, в зрелом возрасте стал востребованным российским политехнологом, приложившим свои усилия для укрепления режима власти Б. Ельцина и В. Путина. Обо всем этом идет речь в третьем разделе книги «Роль «перестройки» в истории Украины».

Подведение итогов политической игры, по сюжету и сложности сопоставимой с шахматной игрой, заканчивается выводом о том, что ее главные фигуры, имеющие разные ставки в эндшпиле, сыграли каждый свою партию.

Как известно, шахматный турнир не состоит из одной партии. Сыгранная партия (события 1985–1991 годов в Советском Союзе, включая Украинскую ССР) — это только начало турнира, участникам которого предстоит жить помыслами не о реванше (возврате назад, в СССР, хотя и такие игроки еще не перевелись), а мыслями, а еще больше делами о достойном будущем современной Украины. Но для этого ее гражданам необходимо перестать быть пассивными созерцателями политической игры со всеми ее хитросплетениями и научиться правильно передвигать шахматные фигуры.

В книге есть ряд эпизодов, относящихся к разным историческим событиям, связанных непосредственно с упоминанием обо мне или же характеризующих мое участие в происходящем. Безусловно, в них присутствует соответствующая самооценка, однако выводы по ним остаются за читателем.

По своему жанру исторический очерк относится к категории научно-популярных изданий, адресатом которого является массовый читатель.

Несмотря на указанный статус, книга имеют под собой достаточное источниковедческое начало: документы ЦК КПСС, ЦК Компартии Украины, Одесского обкома Компартии Украины, статистические данные, аналитические материалы сети Интернет, научные публикации и учебно-методические издания, мемуарная литература, информационные материалы служебного характера, дневники и записи из личного архива автора.

Особое место среди источниковой базы очерков занимают книги, посвященные данной проблематике, авторами которых являются бывшие работники ЦК Компартии Украины, Одесского обкома Компартии Украины. Среди них — книги В. Литвина «Політична арена України: дійові особи та виконавці» (1994), «Президенти.

Політичне лідерство: світові реалії, українська практика» (2019), «Устроители и разрушители СССР — в одной ипостаси» (2021), Г. Крючкова «Леонид Кравчук. Испытание властью» (2020), Р. Боделана «Исповедь» (2009).

Проблемы, которым посвящен данный исторический очерк, получат свое развитие в следующей книге «Президент Украины и украинский народ: путь в три десятилетия».

Раздел 1

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ПРЕДПОСЫЛКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

1.1. М. ГОРБАЧЕВ — ЧЕЛОВЕК, ПАРТИЙНЫЙ ФУНКЦИОНЕР И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Отправной точкой оценки государственного деятеля является его биография. Если те или иные факты биографии обычного человека не представляют публичного интереса и не являются предметом специального научного исследования, то история жизни баловней судьбы и избранников народа в этом смысле подобна некоему ритуалу и выглядит во многом показательной при характеристике их личностных качеств.

При этом немаловажными в формировании будущего государственного деятеля, его судьбе являются время, место и среда, в ее широком и узком значении, рождения и воспитания.

Учитывая предложенную гипотезу исследования, приступим к анализу биографии М. Горбачева, проследим его жизненный путь от рождения (1931 год) и до его участия в 1997 году в рекламе пиццы, являющиеся определенными точками траектории жизненного полета между началом взлета и окончанием падения исторической личности, каковой был М. Горбачев.

Будь на месте М. Горбачева участником видеоролика, рекламировавшего пиццу, — обычный человек, его можно было бы считать счастливым, заработавшим за неделю около 1 млн дол. США. Однако в данном случае речь идет об исторической личности, позиционирующей себя настоящим патриотом своей страны и борцом за ее величие в мире, согласившимся реанимировать коммерческий договор семилетней давности одной из американских фирм [28].

В этом третьестепенном по своей важности событии отразилась вся сущность человека, за несколько лет до этого распоряжавшегося судьбами сотен миллионов людей.

Однако и этот факт блекнет на фоне проявления у М. Горбачева пагубных привычек, в том числе и склонности стяжательству, проявившихся еще в период его нахождения при власти. Так во время

пребывания в Южной Корее ему преподнесли 100 тыс. долларов, и они их взяли, что вызвало растерянность и изумление у всех членов делегации [129, с. 228]. В послевоенный период у всех советских руководителей выработалась привычка рассматривать государственное как личное. Но М. Горбачев по своей алчности превзошел всех кремлевских правителей. Поэтому указанное долларовое подношение, как и другие дары, полученные во время зарубежных поездок, переходили в собственность семейства Горбачевых.

В поисках истоков алчности природы М. Горбачева обратимся к основным вехам его биографии.

Наш персонаж появился на свет в разгар политики сплошной коллективизации, осуществляемой в СССР, в крестьянской семье на Ставрополье. Судя по описаниям биографов М. Горбачева, его семья не испытала на себе негативных последствий этой политики. Как никак дед будущего генсека возглавлял местный колхоз, да и сам край был богатим на природные ресурсы. Тем не менее оба деда Михаила были осуждены советской властью за уклонение от генеральной линии ВКП (б).

С началом Великой Отечественной войны отец М. Горбачева ушел на фронт, а семья оказалась на оккупированной территории. В ту пору Михаилу было 10 лет — возраст, в котором его сверстники становились сыновьями полков, участвовали в партизанском или подпольном движении. К примеру, мои земляки — пионеры-герои Витя Хоменко и Шура Кобер были связными Николаевского подпольного центра, возглавляемого советским чекистом В. Лягиным, и погибли в фашистских застенках.

Судьба пионера Миши Горбачева в годы войны не была героичной, но он отличился в те годы также, но по-своему. Приведу один из эпизодов его жизни той поры, к обнародованию которого косвенно причастен мой научный консультант — Г. Герасименко, который в конце 1980-х годов заведовал кафедрой в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Один из его близких друзей — сценарист, снимал в родном селе М. Горбачева документальный фильм о детских годах генсека. В семейном альбоме Горбачевых внимание кинематографиста привлекла фотография военных лет, на которой юный Горбачев был изображен на броне боевого немецкого танка. Со слов матери М. Горбачева, в период оккупации в их доме жили немцы, для которых ее сын потрошил кур и гусей, носил родниковую водичку, а квартиранты в благодарность за это баловали его шоколадками

[206]. В этом простодушии ставропольской крестьянки как в зеркале отражается и простодушие ее сына, которое отмечали многие из тех, кто сталкивался с ним в разные годы. Но сказать, что М. Горбачев был сама простота — означало бы самому уподобиться простодушию. Скорее он притворялся таковым, при этом всегда играя по-крупному.

Не проявив геройства на поприще борьбы с оккупантами, повзрослевший Миша Горбачев отличился уже после освобождения Ставрополя на трудовом фронте. Работая помощником комбайнера в одном экипаже со своим отцом, он добился рекордных показателей на уборке зерновых культур, за что был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Трудовой героизм его отца, демобилизованного из армии в 1944 году по ранению, был отмечен орденом Ленина.

Показательной в биографии М. Горбачева также является его ранняя партийная зрелость. Будучи десятиклассником, он в 1950 году становится кандидатом в члены КПСС. По окончании школы Михаил как орденосец имел преимущество перед сверстниками в выборе высшего учебного заведения с последующим зачислением в состав его студентов без сдачи вступительных экзаменов.

Надо быть наивным, полагая, что юный орденосец продолжит семейную традицию и выберет учебу в сельскохозяйственном институте, расположенном неподалеку от родного дома. Как бы не так. Выбор пал на столичный град с его всемирно известным университетом, носящем имя М. Ломоносова, в котором условному абитуриенту пришлось по душе юридический факультет. По всей видимости, М. Горбачеву не терпелось повторить путь к вершинам славы своего знаменитого тезки. О любви к юриспруденции как к будущей профессии не может быть и речи, поскольку ей было посвящено всего первых десять дней трудовой биографии. Юридическое образование рассматривалось скорее как способ карьерного роста и завоевания места под солнцем.

Нельзя исключать, что на такой выбор М. Горбачева повлияли близкие ему люди. Возможно, что его советчиком в выборе столицы как места обучения был его дед по материнской линии П. Гобкало, арестованный в 1930-е годы по обвинению в троцкизме, но вскоре освобожденный после февральского пленума ЦК ВКП (б) 1938 года, осудившего «перегибы» в деятельности партии. До и после ареста Пантелей Ефимович был председателем колхоза, затем заведовал районным земельным отделом.

Следует заметить, что женская линия занимала заметное место в судьбе М. Горбачева. Если в Ставрополье она имела опосредованное проявление (в лице отца матери), то в Москве — непосредственное (в результате знакомства с будущей супругой, а тогда — студенткой философского факультета МГУ Раисой Титаренко).

Ставшая несколько позже кандидатом философских наук Р. Титаренко, в 1953 году связала себя узами брака с человеком, который вошел в историю как последний генеральный секретарь ЦК КПСС и единственный Президент СССР.

Эту популярность с ним по праву разделила и его спутница по жизни, вольно и невольно выступившая не просто благоприятным фоном его успеха, а активным советчиком советского лидера. Р. Горбачева, хотя и не была горожанкой, а всего лишь жительницей пристанционных селений в силу инженерной железнодорожной профессии ее отца, она все же изначально определила свою миссию как наставника типичного сельчанина, оказавшегося по стечению обстоятельств в столичной среде.

Молодая супружеская пара не исключала из своих планов возможности трудоустройства в Москве и желательно в престижных учреждениях. Больше шансов на это имел М. Горбачев как выпускник юридического факультета. Гипотетически в качестве таких выступали Генеральная прокуратура СССР, КГБ при Совете Министров СССР. Но для этого кроме соответствующего образования необходимо было иметь незапятнанную биографию и опыт работы в низовых структурах указанных ведомств. Поэтому М. Горбачеву после окончания университета пришлось довольствоваться распределением на работу в Ставропольскую краевую прокуратуру, что не вызвало у семейной пары особого воодушевления. Раиса Максимовна рассчитывала на роль столичной музы своего избранника. Со временем она защитила кандидатскую диссертацию и стала преподавать в одном из местных вузов. Тема ее научных интересов была связана с культурой сельского быта, что соответствовала ее функции как семейного культуролога.

М. Горбачев с 5 по 15 августа 1955 года проработал в краевой прокуратуре, после чего в 24-летнем возрасте принял предложение занять должность заместителя заведующего отделом Ставропольского крайкома ВЛКСМ, которая явилась хорошим стартом для номенклатурного роста. Начало карьерного роста М. Горбачева было не совсем типичным и по причине отсутствия у него не только стажа работы по

специальности, а и опыта комсомольской работы на уровнях первичной и районной организаций. Тем не менее это не помешало ему в течение нескольких последующих лет стать руководителем краевой комсомольской организации, а марте 1962 года получить назначение на должность парторга крайкома КПСС Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления. Таким образом он вернулся к своим истокам, на фоне которых юридическое образование уже не играло ключевой роли. Более того, начинающему партийному работнику пришлось вновь стать студентом — на этот раз Ставропольского сельскохозяйственного института, экономического факультет которого он заочно окончил в 1967 году, получив специальность агронома-экономиста. На тот момент он уже успел поработать в должности заведующего отделом партийных органов крайкома партии, а в 1966 году был избран первым секретарем Ставропольского горкома КПСС.

Правда, в карьерном росте М. Горбачева возникали определенные проблемы, столкнувшись с которыми, он задумывался о смене рода деятельности: до избрания первым секретарём крайкома КПСС (апрель 1970 года) у него были попытки уйти в науку. По его собственному признанию, с этой целью были сданы кандидатские минимумы (квалификационные экзамены) и даже написана диссертация.

Такие метаморфозы в судьбе были связаны со сложными отношениями, сложившимися между ним и его непосредственным руководителем — Л. Ефремовым, переведенным в 1970 году с поста руководителя краевой партийной организации на должность первого заместителя председателя Государственного комитета СССР по науке и технике. Не отрицая определенных заслуг этого опытного партийного работника, следует указать на заинтересованное участие в отъезде Л. Ефремова в Москву тогдашнего секретаря ЦК КПСС, покровителя М. Горбачева — Ф. Кулакова. Он старался сделать восхождение М. Горбачева к вершинам власти как можно более быстрым.

Несколько ранее, в 1966 году М. Горбачев рассматривался кандидатом на должность председателя КГБ по Ставропольскому краю, но его кандидатура была отклонена тогдашним главою ведомства В. Семичастным. Имеется также информация о том, что в 1969 году Ю. Андропов рассматривал М. Горбачёва как возможного кандидата на пост заместителя председателя КГБ СССР. Если учесть, что в ту пору претендент на столь ответственный пост был всего лишь вторым секретарем крайкома партии, информация о таком назначении представ-

ляется мало достоверной. Хотя можно предположить, что разговор о такой перспективе мог иметь место в неформальной обстановке.

В 1970-е годы М. Горбачеву поступали и другие предложения: в 1973 году он отказался от должности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС; в 1976 году он был одним из претендентов на пост министра сельского хозяйства СССР (был назначен В. Месяц); в эти же годы председатель Госплана СССР Н. Байбаков предлагал ему должность своего заместителя по вопросам сельского хозяйства, а Административный отдел ЦК КПСС выдвигал его кандидатуру на пост Генерального прокурора СССР, но на это не дал своего согласия секретарь ЦК КПСС А. Кириленко.

Такое внимание со стороны партийных и государственных органов союзного уровня объясняется местом, где формировалась карьера М. Горбачева, — Ставрополем как всесоюзной здравницей и богатым на свои природные ресурсы краем. Поэтому принадлежность к его руководящим кругам открывала двери во многие столичные кабинеты, включая и известное здание на Старой площади, куда в 1978 году перебрался будущий генсек.

У М. Горбачева, как первого секретаря крайкома КПСС, была возможность познакомиться и наладить деловые связи с первыми лицами государства, руководителями министерств и ведомств, находящихся на лечении и отдыхе в Ставрополе, которой он умело воспользовался. Что касается личных качеств, заключающихся в умении услужить и прислушаться к мнению людей, от которых он находился в зависимости, ему было не занимать. Он это доказал еще в детские и юношеские годы, что позволило ему не только сохранить жизнь во время немецкой оккупации, а и поступить в партию и получить государственную награду. Да и учеба на юридическом факультете университета, если и не сделала его светилом юриспруденции, то как минимум выработала профессиональные навыки и умения выходить всегда сухим из воды. К тому же, как отмечают многие из людей, кто близко с ним был знаком, эти характеристики соответствовали его человеческой натуре.

Те положительные впечатления, которые оставались у московского политического бомонда после ни к чему не обязывающего времяпрепровождения с М. Горбачевым во время нахождения на отдыхе, только усиливались и закреплялись в памяти по приезду в Москву. Благо там находился его покровитель — Ф. Кулаков. К тому же М. Горбачев, как член ЦК КПСС, имел возможность заявить о себе и сам во время

проведения пленумов, других мероприятий государственной важности. Поэтому вполне естественно, что он сразу попал в обойму резерва высшего партийного руководства. Хотя быть в резерве — не означало автоматического занятия самой должности резервистом. Это становилось возможным при наличии вакансии. В случае с М. Горбачевым сработало правило «не было бы счастья, да несчастье помогло». Действительно, случившаяся 17 июля 1978 года беда, связанная с внезапной кончиной 60-летнего секретаря ЦК КПСС Ф. Кулакова, открывала хорошие перспективы для М. Горбачева на занятие высокой вакантной должности, на которую также претендовал 54-летний первый секретарь Полтавского обкома Компартии Украины Ф. Моргун. Но в конечном итоге выбор пал на М. Горбачева, который в ноябре того же года приступил к своим новым обязанностям. Высокопоставленным хозяевам кремлевских кабинетов уже давно хотелось нарушить сложившуюся традицию занятия высшего поста в государстве выходцами из Украины. К этому времени Л. Брежнев был уже довольно большим человеком, а в его окружении были и такие члены Политбюро ЦК КПСС, которые не забыли его роль в снятии с должности Н. Хрущева. В связи с уходом из жизни Ф. Кулакова ходили слухи, которые связывались с его противоестественной смертью, поскольку он был одним из претендентов на пост руководителя партии вместо недостаточно дееспособного Л. Брежнева. Ф. Моргун в свою очередь был лицом, приближенным к Ф. Кулакову, а также пользовавшимся поддержкой Л. Брежнева. К тому же влиятельным человеком среди членов Политбюро ЦК КПСС был украинец А. Кириленко, находящийся в близких дружественных отношениях с действующим генсеком. Только обстоятельствами, связанными с соперничеством среди партийного руководства, можно объяснить вакантную на протяжении более чем четырех месяцев должность секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Через год после вступления в должность М. Горбачев становится кандидатом, а в октябре 1980 года — членом Политбюро ЦК КПСС.

Подводя итог эволюции М. Горбачева как партийного функционера в течение 16 лет от должности парторга крайкома КПСС Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления до секретаря ЦК КПСС, отмечу, что его карьерный рост по партийной лестнице стал результатом не его человеческих и профессиональных качеств, а следствием, с одной стороны, счастливого стечения обстоятельств, и наличия сильных покровителей —

с другой стороны. Удивительным в этой истории является отсутствие у выдвиженца на высокий партийно-государственный пост не только опыта работы на ответственной хозяйственной работе и в советских органах, а и даже мало мальского стажа работы по специальности. Данный пример противоречит сложившейся практике подготовки, расстановки и воспитания кадров.

Выдвижение на ответственную работу рода людей, выделяющихся не своими высокими профессиональными и моральными качествами, а умеющих льстить и угождать сильным мира сего представляет опасность для общества, поскольку, достигнув определенных высот, они формируют собственное окружение из себе подобных, от чего в первую очередь страдает дело. Ну а если речь идет о делах государственной важности, то все чаще всего заканчивается трагедией для целых народов.

С переходом на работу в ЦК КПСС М. Горбачев не переставал оставаться партийным функционером, правда, более крупного масштаба, вплоть до выхода из партии.

Период 1978–1985 годов не сделал М. Горбачева человеком достаточно публичным. Советский обыватель даже не догадывался о его существовании, так как по большому счету он не был причастен к каким-либо значимым свершениям, как-то Продовольственная программа, или кремлевским интригам.

Тем не менее эти годы и указанные события отделили относительно молодой возраст члена Политбюро ЦК КПСС, оказавшегося в 1985 году в обойме претендентов на самую высокую вакансию в партийной иерархии. Правда, нельзя сказать, что среди других претендентов преобладали долгожители. В свое время сам Л. Брежнев при избрании на такую же должность был ненамного старше М. Горбачева.

К слову, возрастное преимущество не является столь значимым, как это принято считать, к тому же оно преходяще. В свою очередь, не есть пороком и зрелый возраст. Достаточно привести имена архитектора китайской «социалистической рыночной экономики» 78-летнего Дэн Сяопина и 81-летнего отца «немецкого чуда» канцлера ФРГ К. Аденауэра.

Смена статуса М. Горбачева с руководителя краевой организации КПСС на высокопоставленного функционера ЦК КПСС потребовала адаптации к новым условиям с соблюдением сложившихся правил и традиций. Если раньше для завоевания доверия у московских чи-

новников достаточно было продемонстрировать послушание, умение хорошо принять высоких гостей, прислушаться к их мнению, то теперь необходимо было доказывать свою состоятельность умением и настойчивостью в разрешении сложных социально-экономических и общественных проблем.

Но М. Горбачев решил для завоевания собственного авторитета среди столичной политической элиты воспользоваться старыми проверенными методами. Об этом он сам упоминает в своих воспоминаниях, приводя эпизод, когда он позвал в гости Ю. Андропова, и услышал в ответ: «Сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения» [46, с. 47].

И это при том, что у представителей центра сложилось мнение о М. Горбачеве как о человеке, на которого можно рассчитывать. В случае с Ю. Андроповым скорее всего сработала номенклатурное правило, и профессиональная привычка не давать повода для злоупотребления доверием со стороны зависящих от них людей. Одно дело принять приглашение составить компанию за приготовлением шашлыка во внеслужебное время, и совсем иной случай — руководителю КГБ встретиться в неотпускной период с вновь избранным секретарем ЦК КПСС не в служебном кабинете, а у него на дому.

Здесь была соблюдена рекомендация руководства страны, адресованная ответственным работникам партийно-советского аппарата, — не посещать друг друга на дому, иначе говоря, не дружить семьями, которая прочно вошла в практику с брежневских времен.

При Н. Хрущеве практиковались не только гостевые встречи, взаимные приемы сотрудников на дому, сопровождаемые обильным застольем, практикуемые также после совместного участия в охоте. Л. Брежнев не только не был аскетом и сдержанным в эмоциональном плане, а запомнился советскому обывателю своей привычкой раздавать пыльные поцелуи налево (женскому полу) и направо (своим соратникам и высокопоставленным зарубежным гостям мужского пола), что, однако, не мешало ему проявлять осторожность в межличностных внутрипартийных отношениях. Он, как никто другой, сыгравший одну из ключевых ролей в снятии с должности Н. Хрущева, осознавал степень угрозы, исходящую от проникновения в партийную среду неформальных отношений. В последний период своей деятельности Л. Брежнев старался строго следовать рекомендациям своего близкого окружения избегать малейших условий, ведущих к созданию питательной почвы для внутрипартийных интриг.

В связи с этим им была установлена традиция, в соответствии с которой государственным деятелям и высокопоставленным партийным и советским работникам рекомендовалось во внеслужебное время держать дистанцию между собой.

Однако такая практика отношений по «горизонтали», не только не исключала, а и даже предполагала отступление от нее по «вертикали»: на уровне служебной иерархии. Механизм подобного отступничества был прост и был следствием элементарной внутрипартийной этики, предполагающей оказание должного внимания и создания надлежащих условий «принимающей» стороной старшим по рангу работникам, прибывающим из центра на периферию в служебных или личных целях. Благодаря такой практике немало посредственных номенклатурщиков, к которым относится и М. Горбачев, совершили стремительный бег вверх по служебной лестнице.

Вместе с тем, было бы упрощением объяснять стремительный карьерный рост исключительно внешними факторами. Достаточно сопоставить его служебную поступь с переводом на работу в Москву его предшественников на посту первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС — Ф. Кулакова и Л. Ефремова, каждый из которых превосходил его по личным и деловым качествам, а также опыту работы. Ф. Кулаков, по воспоминаниям его современников отличался деловой хваткой, сильным характером и харизмой, но не был лишен таких слабостей как повышенное внимание к женскому полу и пристрастие к спиртным напиткам. Будучи на год моложе М. Горбачева на момент занятия должности заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС, он быстро приобрел популярность среди партийных руководителей среднего звена, одновременно столкнувшись с настороженным отношением со стороны ключевых фигур Политбюро ЦК КПСС — М. Суслова и А. Громыко, что объяснялось не только разницей в возрасте, а и жизненными установками. Через полтора десятка лет указанные обстоятельства сошлись в замкнутый круг, олицетворявший трагический итог бурной жизнедеятельности одного из претендентов на высший пост в партии. Л. Ефремов не был столь яркой личностью, но отличался принципиальностью. Обладая собственной точкой зрения на те или иные процессы и события партийной жизни, он проявлял достаточную гибкость и умение находить компромисс между добром и злом, что проявилось в его отношении к М. Горбачеву, которого он недолюбливал, но вынужден был считаться с лояльным отношением к будущему генсеку со стороны Ф. Кула-

кова. Собственно, для того, чтобы освободить место для М. Горбачева, 58-летний секретарь крайкома партии получил назначение на достаточно престижную должность одного из руководителей Государственного комитета СССР по науке и технике, проработав в ней без малого два десятка лет.

Несколько иным был карьерный рост другого героя закатного периода СССР — Б. Ельцина. И дело не только в том, что он начал свой путь в аппарате ЦК КПСС в 1985 году (М. Горбачев в это время был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС) с должности заведующего Отделом строительства. Уже через три месяца — в июле он становится секретарем ЦК по вопросам строительства. В отличие от М. Горбачева, за плечами у Б. Ельцина до занятия должности в ЦК КПСС был опыт руководящей хозяйственной деятельности. Правда, в конечном итоге обе эти исторические личности вошли в историю СССР не как созидатели, а разрушители, для чего, как известно, много ума не требуется.

Возвращаясь к личности М. Горбачева, замечу, что, как это ни покажется странным, он был человеком весьма противоречивым. С одной стороны, мог легко войти в доверие к первым лицам государства и одновременно попасть под влияние зависящих от него людей — с другой. При этом он не был лишен способности убеждения собеседника в правоте собственной позиции. Его современники отмечали в М. Горбачеве наличие искусства привлечения нейтрально настроенных людей на свою сторону, что отмечал в своих воспоминаниях такой интеллигент и эстет, каковым был А. Собчак [219].

Вместе с тем, он легко попадал под влияние сильных личностей, обладающих значительным научным потенциалом, к числу которых принадлежал А. Яковлев, игравший при М. Горбачеве роль серого кардинала. И делал он это, в отличие от М. Сулова, более утонченно и выборочно, концентрируясь на узловых участках общественной жизни и ее ключевых фигурах.

Вероятнее всего это можно объяснить причудливым сочетанием в его человеческой натуре сложно сочетающихся между собой двух начал — интеллекта и доверчивости: компенсацией нехватки первого избытком второго.

Важнейшим событием в карьере М. Горбачева стало его знакомство с Ю. Андроповым, произошедшее в 1969 году во время отдыха руководителя КГБ СССР в Железноводске. Его посредником тогда и в последующие годы выступал главный кремлевский врач Е. Чазов.

По мнению В. Литвина, «М. Горбачев вышел на позиции лидера СССР за счет комплекса факторов и обстоятельств: влиятельных покровителей и традиционной для послевоенной партийно-советской системы кадровой политики; умелого сочетания и использования с помощью сторонников в свою пользу сложившейся обстановки в советском руководстве; собственной целеустремленности, политической ловкости, помноженной на конъюнктуру момента; негласной, но ощутимой поддержки его кандидатуры западными политиками; незаурядным лидерским качествам и напористости, переходящей в бесцеремонность, Р. Горбачевой» [129, с. 194–195].

Особое место в формировании М. Горбачева как личности занимает его супруга Раиса Максимовна, которая вопреки ее статусу, как первой леди, пользовалась не меньшей популярностью, как в СССР, так и за его пределами, чем Михаил Сергеевич.

В этом смысле можно согласиться с мнением В. Литвина, утверждающим, что Р. Горбачева «...подняла себя на ступень выше первой леди, стала своего рода соруководителем государства. Напрямую давала поручения высшим должностным лицам, влияла на кадровые назначения, вмешивалась в деятельность даже Политбюро, установила для себя отдельный протокол — во время мероприятий в стране и за границей, непереносимое освещение в СМИ ее деятельности наравне с мужем, вынуждала его окружение к клятвам верности ему, пыталась доминировать во время зарубежных визитов Горбачева и т. п.» [129, с. 227–228].

Как отмечается в одном из новейших зарубежных изданий, посвященном разгадке феномена М. Горбачева, «...его жена была равноправным партнером и доверенным лицом. С самого начала семейной жизни у них возникла очень глубокая, естественная, внутренняя связь» [246].

Данное утверждение требует определенного комментария и уточнения. Не поддается сомнению наличие связи, возможно и глубокой, однако с трудом верится в то, что она была естественной и внутренней. Скорее всего — это была деловая связь. Судя по поведенческой линии Р. Горбачевой, она была не музой, а семейным наставником и автором ключевых инициатив Михаила Сергеевича. В этом и заключается весь парадокс феномена последнего генсека и единственного Президента СССР: инициатива исходила если не от Раисы Максимовны, то от А. Яковлева, решения принимал он, а вот доступ его супруги до их реализации был крайне ограничен. В лучшем случае она,

как правило, присутствовала на открытых публичных мероприятиях, хотя и не имела на это правовых оснований.

А в их партнерских отношениях доминировала Р. Горбачева по той простой причине, что, во-первых, в семье один из супругов является ведущим, а другой — ведомым; во-вторых, эти отношения складываются изначально, в данном случае задолго до того, как М. Горбачев стал генсеком. Поэтому Р. Горбачева сполна разделила сложную судьбу М. Горбачева с ее успехами и недостатками. Вместе с тем, горбачевская «перестройка» была творением и ЦК КПСС как коллективного органа партии, поскольку М. Горбачев был его ведущей составной частью.

Вот как характеризует его пришествие на олимп власти А. Собчак: «За несколько лет он сделал в ЦК беспрецедентную карьеру. Порученное ему сельское хозяйство, конечно, не поднял, но... И внимателен, и умен, и достаточно провинциален. А Ленина и Маркса может цитировать по любому поводу. К тому же умеет говорить без бумажки. Так, безошибочно точно, система поставила на своего разрушителя и могильщика. Хотя ни о чем подобном ни сам М. С. Горбачев, ни окружающие не могли тогда даже подумать» [219].

Но кроме системы на него ставку сделала и студентка философского факультета МГУ Р. Титаренко. Обратимся, в связи с этим, к воспоминаниям М. Горбачева, воспроизведенными А. Аузан: «Для меня очень важен факт, сообщенный Михаилом Сергеевичем в его биографических книгах, что, когда он ходил в общежитие МГУ на Стромынке в комнату, где жила Раиса Максимовна и три другие девушки, в эту же комнату ходили еще три человека: М. Мамардашвили, З. Млынарж и Ю. Левада. Молодой М. Горбачев, сельский механизатор, дошедший до аспирантуры юридического факультета, оказался в конкуренции с тремя крупнейшими будущими интеллектуалами Европы. Когда я спросил у него об этом, он очень оживился и сказал мне: — Ты знаешь, как у девчонок глаза горели, когда Мераб им про «Капитал» Маркса рассказывал? Я подумал: «Все это прочту и пойму!» Потом уже понял, что они запрещенные книжки читают, и стал читать запрещенные книжки. Видимо, именно тогда проявился тот человеческий потенциал, который потом реализовался в Капитане Перестройки. Раиса Максимовна в этом участнике конкуренции увидела человека, который способен из последнего генерального секретаря стать первым президентом» [7, с. 17].

Картина, типичная и до боли знакомая советским студентам всех поколений, проживавшим в общежитиях. Разница в городах и персонажах, а сущность совместных посиделок — одна и та же. И глаза девчонок в таких случаях горят не по причине когнитивной. Маркса они одолевали в первой половине дня, а к вечеру им были интересны Мерабы, Юрии и Михайлы как таковые.

История, как известно не любит сослагательного наклонения. Но давайте себе представим, что было бы, выбери Раиса не Михаила. Как минимум, М. Горбачев остался бы неизвестным персонажем для советской и мировой истории, а окажись на его месте кто-либо иной из оставшейся троицы — поди все обернулось бы по-другому.

По всей видимости, Р. Титаренко сделала свой выбор, руководствуясь в том числе и прагматическими соображениями, предпочтя «чистую доску» и «сырой» человеческий материал, легко поддающийся «обработке».

В пользу выдвинутого авторского предположения свидетельствует фрагмент статьи В. Мироненко: «...Мне припоминается рассказ Михаила Сергеевича о том, как он и Раиса Максимовна приняли, может быть, самое важное «политическое» решение в их жизни. У них была многолетняя привычка долго гулять вдвоем по вечерам и обсуждать прошедший день и какие-то вопросы, которые их занимали. Вечером в день избрания генеральным секретарем во время такой прогулки они обсуждали, как им себя вести теперь, когда они у всех на виду. Не без оснований беспокоились, как будут восприняты их отношения. Решение, которое они тогда приняли, действительно, на мой взгляд, было самым важным и для них, и для нас: ничего не менять в своем поведении, оставаться такими, какими они есть» [147, с. 97–98].

В приведенной цитате последнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ больше всего потешило то, что со слов М. Горбачева он принимал вместе со своей супругой важные политические решения. И тут на память пришел совет, адресованный правителям: никогда и ничего не обсуждайте с детьми, женщинами и народом, авторство которого приписывается древнегреческому мыслителю Пифагору. С детьми здесь все ясно — это новое поколение людей, начинающих жизнь «с чистого листа», истинные женщины ищут жизненную опору в мужчинах, а народ живет надеждой в доброго правителя. Народ, используя терминологию А. Дж. Тойнби, — это нетворческое инертное большинство, готовое следовать за творческим, а не просто правя-

щим меньшинством, призванным всегда находить адекватный ответ на вызовы времени [233, с. 219, 220].

Спор о том, являлся ли генсек правителем, принимая во внимание его конституционные полномочия, не представляется уместным. Можно спорить о словах, но не о их сути. И это утверждение следует принять и ортодоксам, и демократам, а само правило работает до тех пор, пока существует род человеческий. Придерживаться данного совета особенно важно в процессе осуществления кардинальных общественных преобразований.

Характеристика ролей в обычных супружеских парах априори не является предметом публичного обсуждения, но здесь случай особый. Общество имеет право знать, как распоряжается вверенной ему властью руководитель государства, как и то, под чьим влиянием он находится, принимая судьбоносные для страны решения. Учитывая данное замечание, можно согласиться с оценкой М. Горбачева, данной ему А. Кончаловским: «слаб мужик» и «за юбку держится» [101].

Было бы неоправданным и малодостоверным ограничивать личностную характеристику фоновыми значениями, не выходящими за семейные рамки. В частности представляет интерес оценка его качеств как партийного руководителя и государственного деятеля в сравнении со своими предшественниками, поскольку право на последователей он не отвоевал у истории.

Вот что пишет в своих воспоминаниях об этом А. Собчак: «Если сравнивать М. Горбачева с его предшественниками на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, такими, как Брежнев, Черненко или Андропов, то его превосходство очевидно. Единственное, в чем он уступал им — в осознании того, какой необъятной властью обладает Генеральный секретарь ЦК КПСС. Именно поэтому, а может быть в силу особенностей своего характера, он так и не научился этой властью пользоваться. Но справедливости ради нужно сказать, что этот недостаток Горбачева вполне компенсировался его женой — Раисой Максимовной, которая прекрасно знала цену власти и пользовалась ею в полном объеме» [219].

Прямо скажем, спорным и не совсем корректным является сравнение М. Горбачева с К. Черненко и Ю. Андроповым в силу их болезненного состояния и кратковременности пребывания у власти. Да и превосходством он обладал лишь одним — более молодым возрастом. В отличие от многоопытного главы КГБ М. Горбачев был излишне

говорливым, но не факт, что профессионально более подготовленным. А по большому счету они принадлежали к различным ментальным и культурным генотипам.

Современники и соратники М. Горбачева подчеркивая его человеческие качества, отмечают, что он «...как-то ухитрился сохранить душевность, природный демократизм, обаяние и другие нормальные человеческие качества, не слишком искаженные совершенно специфической атмосферой жизни советских партийных деятелей...» [219]. Красноречиво по этому поводу выразился один из авторов Программы «500 дней» С. Шаталин: «Горбачев относится к разряду людей — так, по крайней мере, кажется мне, — наделенных божьей искрой неподдельного обаяния. По отношению ко мне он это сделал на пять с плюсом» [257, с. 86].

В какой-то мере с этим утверждением можно согласиться. Безусловно он отличался от М. Суслова, А. Громыко, Ю. Андропова или К. Черненко. Но трудно оспорить и то, что тот же Л. Брежнев на раннем этапе своей деятельности был не только большим жизнелюбом, но и сердобольным человеком. Не был лишен человеческих слабостей, проявляющихся в чрезмерной эмоциональности, и Н. Хрущев. Достаточно вспомнить его постукивание ботинком, сопровождаемое «кузькиной матерью», на трибуне ООН или нецензурные выражения во время посещения выставки художников-авангардистов студии «Новая реальность» в Манеже, которые не отдаляли его от простого народа, а превращали в «своего».

Да и среди окружения М. Горбачева изредка, но все же попадались и демократы, каковым лично мне запомнился Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, имевший к тому же научную степень доктора юридических наук. Он был настоящим ученым, не в пример украинскому президенту-«профессору» В. Януковичу. Выступая на одном из совещаний, проводимых ЦК КПСС в 1989 году с участием руководителей лекторских групп обкомов, крайкомов партии и ЦК союзных республик, Анатолий Иванович ответил на один из вопросов, поступивших из аудитории, в стихотворной форме, искусно продекламировав одно из собственных произведений.

Можно поспорить и насчет естественности перечисленных человеческих качеств М. Горбачева, например, того же демократизма. Достаточно вспомнить его панибратскую манеру обращения с коллегами по Политбюро ЦК КПСС, рангом ниже, чем он. Так, на публике для него не было зазорным тыкать тому же Е. Лигачеву, который был

на десяток лет старше его. При этом он не позволял себе подобного по отношению к А. Громыко, Д. Устинову, А. Яковлеву.

Скорее всего горбачевская душевность и доброта были от лукавого. Для подтверждения приведу на этот счет мнение А. Собчака: «Горбачев так часто менял свои взгляды, так часто вступал в альянс с самыми реакционными силами, что порой казалось: а не фарисейство ли все это, не мимикрия, продиктованная сиюминутными интересами сохранения власти? ...Горбачев в полной мере усвоил аппаратные правила жизни, был мастером политической интриги, хитростью превзошел своих сотоварищей по Политбюро (иначе ему бы не удалось одного за другим отправить их на пенсию, а в апреле 1989 года он сумел за один прием отправить в отставку свыше трети ЦК — более ста человек)» [219].

Словом, М. Горбачеву не было чуждым ничто человеческое, включая и такие пороки как злопамятство и мстительность, о чем свидетельствует эволюция его взаимоотношений с Б. Ельциным, после выступления последнего на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 года. После заслушивания участниками пленума доклада М. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» слово попросил Б. Ельцин, хотя выступления по обсуждению доклада регламентом не были предусмотрены. Поднявшись на трибуну, он сказал, что не имеет замечаний и «полностью поддерживает» доклад генерального секретаря. Но, по его мнению, нужно «перестраивать работу» партии, «начиная с секретариата ЦК»: хотя с июньского пленума ЦК прошло «пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы», в том числе секретаря ЦК Егора Лигачева. «Надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года», — сказал Борис Ельцин. Призыв «все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше», по его словам, вызывает на местах «какое-то неверие в эти постановления». Кроме того, сказал первый секретарь МГК, поражения советского государства складывались из-за того, что партийная власть «отдана в одни-единственные руки, благодаря тому что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики». А в политбюро в последнее время «обозначился рост» славословия «в адрес генерального секретаря». Ельцин попросил освободить его от должности кандидата в члены политбюро; вопрос о продолжении работы в качестве первого секретаря МГК, сказал он, «будет решать уже пленум городского комитета партии» [71].

В своей речи Б. Ельцин повторил положения своего письма М. Горбачеву, написанного 12 сентября 1987 года, которое осталось без ответа — позже он сам объяснил, что в это время был на отдыхе в Крыму.

Б. Ельцин произнес речь в абсолютной тишине, его выступление было неожиданным для большинства участников Пленума. По мотивам речи Б. Ельцина на Пленуме выступают сразу 27 человек: повестка Пленума скомкана, все осудили дерзкий поступок Б. Ельцина. В ответных речах звучали резкие оценки его поступка. Выступающие использовали хлесткие выражения: «политическая провокация», «серьезный политический промах», «чистейшая клевета». В отрицательном отношении к речи Б. Ельцина высшее руководство КПСС было единодушно — от Е. Лигачева, с его ставшей крылатой фразой «Ты, Борис, неправ», до А. Яковлева.

Позиции М. Горбачева можно дать одно объяснение — заранее продуманное провоцирование Б. Ельцина на подобный шаг, отсюда — затягивание с ответом на упоминаемое письмо. Но этот холодный расчет, как показало последующее время, не только обернулся политическим просчетом М. Горбачева, но и во многом предопределил судьбу «перестройки». Но сам М. Горбачев об этом не догадывался — XIX Всесоюзная партийная конференция, ставшая рубиконом горбачевских реформ, была впереди.

Что касается Б. Ельцина, то с ним система совершила своего рода «пас в сторону» по Л. Питеру [171], сохранив как функциональную единицу, но переместив на обочину общественно-политической жизни, назначив заместителем Председателя Гостроя СССР. Таким образом было положено начало конфронтации между двумя наиболее значимыми действующими лицами «перестройки», финал которой тогда мало кто мог спрогнозировать.

Использование принципа Питера, гласящего о том, что «...в иерархии каждый служащий стремится достичь своего уровня компетентности» [171], применительно к карьерному росту М. Горбачева позволяет сделать следующее заключение: переход с одного уровня компетентности на другой, более высокий автоматически делал его кандидатом для дальнейшего повышения, последнее из которых вывело его на уровень некомпетентности. Таким образом, согласно следствию Питера, сработала тенденция, в соответствии с которой переход М. Горбачева на должность Генерального секретаря ЦК КПСС стало не чем иным, как ее замещением партийным функционером

недостаточно компетентным для выполнения своих обязанностей. И весь парадокс заключается в том, что в Политбюро ЦК КПСС не существовало должностного лица, занимающего в этой иерхической системе более высокую должность, которая бы позволяла определить уровень его компетентности, хотя номинально Политбюро являлось коллективным органом партии.

По логике вещей, служебным потолком М. Горбачева была должность отраслевого секретаря ЦК КПСС, на которую он был избран в ноябре 1978 года. Однако случилось так, что после ухода из жизни в течение менее чем двух с половиной лет трех руководителей партии и государства, освободившуюся вакансию следовало заполнить. И выбор старожиллов Политбюро ЦК КПСС пал на М. Горбачева как наиболее молодого, ничем не скомпрометировавшего себя и умеющего прислушиваться к мнению старших коллег ответственного работника.

Теперь в пору ответить на вопрос, а были ли объективные основания у правящей верхушки СССР середины 1980-х годов выдвигать М. Горбачева на высшую должность в партии и стране. Иначе говоря, были ли у него заслуги, как у партийного функционера и государственного деятеля (человеческие качества на таком уровне иерархии уже не принимались во внимание), каковым он стал в 1978 году, приступив к выполнению обязанностей секретаря ЦК КПСС.

Накануне вступления М. Горбачева в должность, 3–4 июля 1978 года состоялся пленум ЦК КПСС, на котором рассматривлся вопрос «О дальнейшем развитии сельского хозяйства», решения которого ему предстояло выполнять как отраслевому секретарю.

Следует заметить, что в разрешении как данной, так и последующих проблем, связанных с сельским хозяйством, М. Горбачев ничем особенным не отличился, поскольку свою основную задачу он видел в продвижении к вершине власти, будучи человеком самолюбивым, видевшим себя во власти. А не власть в себе.

На личной ответственности М. Горбачева как главы цековского сельскохозяйственного ведомства лежит прямая ответственность за недостатки в разработке и реализации аграрной политики КПСС 1978–1985 годов и последующего времени, когда он уже находился на посту генсека.

Речь идет первоначально о таком направлении аграрной политики партии как освоение Нечерноземья, берущее свое начало с 1974 года, когда ЦК КПСС утвердил 15-летнюю программу социально-экономического развития 29 областей и республик Центральной

России, имеющих огромные демографические проблемы в сельской местности. На основе указанной проблемы была разработана концепция «перспективных и неперспективных» деревень, которая в начале 1980-х годов поплотилась в программу ликвидации 200 тысяч «неперспективных» сел, достигшую всесоюзного масштаба.

В ее развитие были разработаны пилотные проекты экспериментально-показательных сел, 43 из которых внедрялись в Украинской ССР. Одним из них было село Шабо Белгород-Днестровского района Одесской области. Выбор этого села как экспериментально-показательного был оправдан местом его размещения в приморской зоне, на расстоянии «вытянутой руки» от исторической Белгород-Днестровской крепости, наличием на территории села совхоза-завода «Шабо», сельскохозяйственного и рыболовецкого коллективных хозяйств. По замыслу разработчиков проекта, для восприятия села как успешного и перспективного следовало построить в центре 2–3-этажные жилые дома со всеми коммунально-бытовыми удобствами с асфальтированными и освещенными уличными тротуарами, что позволило бы сделать данный населенный пункт привлекательным для молодых специалистов, приезжающих сюда на работу по направлениям высших и средних специальных учебных заведений. Но на практике такой план не принес ожидаемых результатов. Большая часть специалистов, отработав в селе установленные нормативно-правовыми актами три года, возвращалась в города.

В наши дни напоминанием неудавшегося социального эксперимента являются все те же дома, потеря рабочих мест вследствие ликвидации колхозов.

Но 7-тысячное село продолжает свою жизнь благодаря наличию в нем известного не только в Украине, а и за ее пределами, ТОВ «Промышленно-торговая компания Шабо». А его жители предпочитают проживать в индивидуальных домах усадебного типа, в полной мере используя преимущества сельского ландшафта.

Судьба села Шабо, входящего в число 20 наиболее крупных сел Украины, является не столь печальной, как небольших сел, навсегда исчезнувших с географической карты.

Нельзя отнести к успешным и такое направление аграрной политики горбачевских времен как Продовольственная программа СССР, рассчитанная на 1982–1990 годы. Ее единственными достижениями явились приостановление процесса ликвидации «неперспективных» сел и признание позитивной роли личных подсобных хозяйств в

решении продовольственного вопроса, который остается не до конца решенным и в настоящее время.

Острота продовольственного вопроса в начале 1980-х годов подтверждается увеличением импорта пшеницы более, чем в 6 раз (до 45 млн тонн) по сравнению с началом 1970-х годов. В 1981 году Советский Союз стал крупнейшим импортером мяса, доведя его ежегодную закупку до 1 млн тонн. При этом отпускная цена мяса была в 2–3 раза ниже цены его производства. В результате искусственного сдерживания цен возник дефицит продовольственных товаров.

С целью преодоления продовольственного кризиса производство пищевых продуктов планировалось увеличить к 1990 году в 2,3–2,5 раза. Реализация данной задачи была возложена на Госагропром СССР, созданный в 1985 году по инициативе М. Горбачева. В рамках этой гигантской управленческой структуры было объединено пять министерств, что привело не только к его низкой эффективности, а и к монополизации межотраслевого агропромышленного комплекса.

Согласно официальной статистике, в результате принятых управленческих решений удалось увеличить потребление: мяса и мясопродуктов в расчете на душу населения с 58 кг в 1980 году до 70 кг в 1990 году; молока и молочных продуктов — с 314 до 330 кг; яиц с 239 до 265 штук. Однако поставленные в Продовольственной программе цели в части производства продовольственных товаров не были достигнуты по причине их нереалистичности. Многие из ее показателей остаются недостижимыми спустя почти четыре десятилетия и в Украине.

Безуспешным оказалось и другое направление аграрной политики, курируемое М. Горбачевым, связанное с реализацией долговременной программы мелиорации, повышением эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны, утвержденной октябрьским 1984 года пленумом ЦК КПСС. Невыполнение этой программы следует рассматривать как позитив, поскольку ею предполагалось затратить миллиарды рублей на переброску части вод северных рек на юг: сибирских — в Среднюю Азию, европейских — в Каспий через Волгу, что было бы губительным для природы и людей. К счастью этот проект был сорван советской общественностью, в авангарде которой находились известные писатели.

Таким образом, ни по одному из рассматриваемых направлений аграрной политики деятельность секретаря ЦК КПСС М. Горбачева нельзя признать положительной.

Тем не менее, это не стало препятствием для его избрания в ноябре 1979 года членом Политбюро ЦК КПСС, когда он получил поддержку как Л. Брежнева, так и будущих генсеков — Ю. Андропова и К. Черненко. Своего рода репетицией перед его вступлением на высший пост в партии стало выступление в декабре 1984 года на совещании в ЦК КПСС с докладом «Живое творчество масс», явившимся своего рода предтечей «перестроечной» риторики.

В этом же году М. Горбачев имел контакт с одним из авторитетных европейских лидеров — премьер-министром Великобритании М. Тетчер. Отправляясь в декабре в зарубежную поездку, М. Горбачев захватил с собой секретную карту с указанием мест дислокации ядерных ракет средней дальности полета для ознакомления с нею М. Тетчер во время встречи в неформальной обстановке. После встречи британский премьер заявила Р. Рейгану: «С этим человеком можно иметь дело» [258].

По предложению одного из старейших членов Политбюро ЦК КПСС А. Громыко, 11 марта 1985 года М. Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, что было прогнозировано, учитывая что после кончины К. Черненко на заседаниях Политбюро председательствовал никто иной как М. Горбачев.

Претендентами на эту должность были также В. Гришин, первый секретарь Московского горкома КПСС, Г. Романов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Г. Алиев, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Первый из перечисленных деятелей КПСС был ровесником Ю. Андропова. Важным было то, что лидер московских коммунистов имел прочные связи со столичным бомондом и владел информацией о теневых сторонах жизни советской политической элиты. Г. Романов унаследовал традиции оппозиционера московской власти от одного из своих предшественников С. Кирова. Немаловажным было и то, что Ленинград, как колыбель революции, занимал особое место в структуре КПСС по своим современным делам и историческим традициям. К тому же речь идет о культурной столице СССР. Что касается Г. Алиева, то он представлял одну из национальных республик. На фоне перечисленных претендентов М. Горбачев имел преимущество, как выдвигенец партийных деятелей старшего поколения, как человек с периферии, как партийный функционер без загадочного партийного прошлого, наконец как человек команды, к тому же предсказуемый и учитывающий мнение авторитетных членов Политбюро.

Однако М. Горбачев оказался не таким, как представлялся. Уже 1 июня 1985 года из состава Политбюро ЦК КПСС были выведены 62-летний Г. Романов в связи с уходом на пенсию, 21 октября 1987 года его ровесник — Г. Алиев, а полутора годами ранее — 72-летний В. Гришин, проживший после этого шесть лет. Ненадолго задержались в составе высшего органа партии и его «ветераны» — Н. Тихонов (до октября 1985 года), Д. Кунаев (до января 1987 года), А. Громыко и М. Соломенцев (до сентября 1988 года),

Не были равными и доброжелательными отношения М. Горбачева с председателем Совета Министров СССР Н. Рыжковым и председателем Верховного Совета СССР А. Лукьяновым. В основе отношений со своими соратниками — секретарями ЦК КПСС А. Яковлевым, Е. Лигачевым и В. Медведевым — лежали деловой подход и холодный расчет, а не доверительность и союзничество.

С появлением М. Горбачева в ЦК КПСС к нему крайне настороженно относился высший генералитет и руководство КГБ СССР по причине его халатного обращения с документами высокой степени секретности.

Достаточно вспомнить скандальную ситуацию с двумя картами противовоздушной обороны СССР западного и северо-западного направления Генштаба Министерства обороны СССР, которые в феврале 1987 года министр обороны СССР С. Соколов был вынужден оставить М. Горбачёву по его просьбе. Спустя три месяца, в мае 1987 года состоялся загадочный пролет М. Руста над Красной площадью, позволяющий предположить, что ему было досконально известно расположение советских станций радиолокационного слежения на северо-западном направлении.

Много странностей связано с уничтожением сверхточного советского тактического ракетного комплекса «Ока». Американские эксперты оценивали подготовку адекватного ответа для нейтрализации «Оки» в размере 150 млрд долларов. М. Горбачёв эти средства одним росчерком пера подарил американцам, подписав в декабре 1987 года в Вашингтоне Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД). «Ока» по своим параметрам не попадала под действие этого Договора. Но она там оказалась. Вот как это произошло. В апреле вышеупомянутого года в Москву для согласования основных позиций Договора (РСМД) прибыл госсекретарь США Джордж Шульц. Накануне его приезда Министерство обороны СССР подготовило для М. Горбачёва меморандум, в котором указывалось на недопусти-

мость сокращения ракет СС-23, то есть «Оки». Однако на следующий день Горбачёв при встрече с Шульцем неожиданно согласился с предложением последнего о включении комплекса «Ока» в соглашение. Взамен СССР от американцев не получал ничего. После заключения соглашения М. Горбачёв объяснил принятое решение своей забывчивостью. В этой связи следует принять во внимание доверительный разговор Р. Горбачевой с Нэнси Рейган. Жена американского президента сообщила, что если ракеты СС-23 («Ока») будут включены в соглашение, то «Рони (Рональд Рейган) обеспечит М. Горбачёву присуждение Нобелевской премии», которой он был удостоен 15 октября 1990 года [258].

Его настоящим штабом стало домашнее окружение в лице его супруги — Райсы Максимовны, которая приобрела не меньшую известность и популярность, чем сам М. Горбачев. У большей части женского сообщества она вызывала зависть и раздражение из-за чрезмерной демонстрации своих часто меняющихся нарядов, которые внешне выглядели как главное достоинство первой леди СССР. Очевидное и необоснованное вмешательство Р. Горбачевой в дела государственной важности мягко выражаясь не прибавляли генсеку авторитета в глазах сильной половины человечества.

Позже практику держать личным советником члена семьи перенял в последние годы своей деятельности президент Российской Федерации Б. Ельцин, в роли которого выступала его дочь Татьяна. Правда функция ее была несколько иной, чем у Р. Горбачевой, а именно: присматривать за собственным отцом, который не всегда контролировал свое поведение после употребления спиртного.

Однако далее следует рассмотреть ключевые эпизоды деятельности М. Горбачева после вступления в должность генсека, не вдаваясь в их детали.

Бытует мнение, что первый этап «перестройки», связанный с провозглашением курса на ускорение социально-экономического развития страны своими корнями уходит в одноименную политику Ю. Андропова. Однако при этом не принимается во внимание смысловой контекст: у Ю. Андропова ускорение было производным концепции совершенствования развитого социализма, а у М. Горбачева оно выводилось из оценки предшествующего 15-летия как эпохи «застоя». Хотя суть в этих подходах одна — усиление роли человека в общественных преобразованиях, акцентирование внимания на человеке как на средстве, а не цели общественного развития. В горбачевской

политике ускорения социально-экономического развития место «лошади» (инновационные решения, базирующиеся на современных достижениях научно-технического прогресса) заняла «телега» (человеческий ресурс в его физическом измерении), в андроповских кампаниях — меры дисциплинарно-принудительного характера. Так поколению советских людей первой половины 1980-х годов хорошо запомнились рейды представителей местных властей в рабочее время в кинотеатры, другие общественные места культурных развлечений и отдыха людей с целью выявления среди них злостных нарушителей трудовой дисциплины и лиц, уклоняющихся от занятости в общественном производстве.

Нечто подобное повторилось уже при М. Горбачеве, поддержавшем инициативу Е. Лигачева о проведении антиалкогольной кампании, начавшейся 17 мая 1985 года. Именно в этот день прошла волна демонстраций молодежи, вышедшей на улицы с надписями на транспорантах «Алкоголь и социализм не совместимы» (не пьянство или алкоголизм как явления, а алкоголь как определенный продукт, монопольное право на изготовление которого принадлежит государству). Все было бы ничего, если бы далее не последовали массовая вырубка виноградников и процветание самогонварения, сопровождаемые комсомольскими «безалкогольными» свадьбами, столы на которых пестрели не бутылками с шампанским, а чайниками с самогоном и вином домашнего приготовления. Кроме огромного экономического ущерба, нанесенного стране, антиалкогольная кампания сформировала значительный протестный электорат М. Горбачева.

Спустя год, убедившись в безрезультативности рекомендаций семейного советника и предложенной академиком А. Аганбегяном концепции ускорения социально-экономического развития страны, великий реформатор провозглашает начало эпохи демократии и гласности, рассчитывая на конструктивное участие в «перестроечном» процессе широких слоев населения. Но как показало последующее время, в результате такого поворота реформы «из ванны с грязной водой был выплеснут и сам ребенок». Применительно к данному случаю лютеровское высказывание является напоминанием о том, что всегда есть опасность, критикуя что-либо, можно упустить за деталями — главное. С горбачевской демократией и гласностью случилось именно так: вместо конструктива последовала критика существующего строя, предоставившая возможность каждому обывателю в мутной воде поймать свою рыбку. Здесь как нельзя к

месту является актуальным утверждение А. Токвиля о том, что наиболее опасным моментом для плохого режима является такой, когда он начинает реформироваться [234].

Не получив ожидаемой подказки от народа, М. Горбачев в январе 1987 года приступил к реформированию КПСС. Тем самым был дан старт наступлению общества на партийную номенклатуру, частью которой был сам генсек, очищения партийного аппарата от случайных людей. Чего скрывать, таких среди партийных работников было предостаточно, но внешне все выглядело как дискредитация не просто партаппарата, а КПСС как таковой, призванной обеспечивать реализацию задач перестройки.

На практике же, в глазах здоровой части партноменклатуры генсек после его крылатой фразы: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться. Всем», — произнесенной еще в мае 1985 года на встрече с ленинградским партактивом, выглядел высокопоставленным шутком. Как раз с той поры и до XIX Всесоюзной партийной конференции 1988 года (время раскола КПСС), встречаясь поутру друг с другом в здании обкома партии, мы вместо приветствия использовали фразу: «...ты уже перестроился?» Со временем трагикомизм пустопоржней фразы «перестройка» стал понятен основной части советского общества, неискушенной в политических хитросплетениях. По сути, приступив к реформе КПСС М. Горбачев подрубил под корень сук, на котором находился сам.

В декабре 1985 года М. Горбачев инициировал избрание первым секретарем Московского горкома КПСС Б. Ельцина, впоследствии сыгравшего ключевую роль не только в крушении карьеры первого президента СССР, а и развале самой страны.

Предзнаменованием конца КПСС явилась XIX партконференция, засвидетельствовавшая раскол некогда монолитной партии коммунистов на три платформы: радикальную, возглавляемую А. Яковлевым, центристскую во главе с М. Горбачевым и консервативную, с ее лидером Е. Лигачевым.

Развал КПСС дополнился центробежными процессами, развернувшимися под националистическими лозунгами, сопровождающимися кровавыми столкновениями на межнациональной почве.

Первое из них произошло в феврале 1986 года в Якутске, где произошла драка на ледовом катке между якутской и русской молодежью, после которой был поднят лозунг «Якутия — для якутов». Как показали последующие события — это была лишь первая проба сил.

В октябре 1986 года в столице Киргизии, г. Фрунзе произошли хулиганские выступления националистического толка киргизской молодежи по отношению к обучающимся в республике русскоязычным студентам с требованием выезда «русских колонизаторов» из Средней Азии. А в адрес ЦК КПСС было направлено «Обращение киргизского народа», в котором выдвигались требования выхода Киргизии и других среднеазиатских республик из состава СССР.

Уже в декабре этого же года в Алма-Ате казахская молодежь вышла на демонстрацию в знак протеста против назначения на должность первого секретаря Компартии Казахстана не казаха, а русского Г. Колбина, работавшего до этого вторым секретарем республиканского комитета КПСС. Митингующие выступали не столько против Г. Колбина как такового, сколько против политики М. Горбачева.

Вне всякого сомнения, данный конфликт не был спонтанным, о чем свидетельствовало наличие мобильных пунктов в его очагах не только с продуктами питания, а и с горячительными напитками. Демонстрация протеста была подавлена внутренними войсками, что не помешало вступить на пост первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Н. Назарбаеву — в будущем президенту Казахстана.

Вслед за межнациональными конфликтами антирусской направленности последовали столкновения на межэтнической почве, хотя в основе многих из них лежали причины социально-экономического характера, связанные с тяжелым положением коренного населения. Так, в феврале 1988 года начался армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе. В мае—июне 1989 года в Ферганской и Наманганской областях Узбекистана произошли столкновения узбеков и турок-месхетинцев, закончившиеся погромами домов и изгнанием турок из республики. Во избежание массового кровопролития более 16 тысяч турок-месхетинцев были переселены в пять областей РСФСР. В июле 1989 года в г. Сухуми произошли столкновения между грузинами и абхазами. В мае 1990 года в узбекском городе Андижане произошел погром евреев и армян. Наиболее масштабным и кровопролитным (по некоторым данным число его жертв составило более 10 тысяч человек) было столкновение в конце мая—июне 1990 года между киргизами и узбеками в г. Оше и в других киргизских городах.

Особую угрозу для целостности советского государства имели сепаратистские движения, происходившие в республиках Прибалтики, в Украине, Молдове, Грузии, Азербайджане, участники которых выдвигали не только экономические, а и политические требования,

имеющие целью выход из состава СССР. Силовые методы подавления этих движений явно шли вразрез с демократическим форматом «перестройки» и средствами достижения ее целей.

Следует признать, что в обострившемся вопросе межнациональных отношений М. Горбачев стал жертвой сложившихся обстоятельств, при этом проявив свою полную несостоятельность как государственный деятель в его разрешении. Исторически советское государство строилось по формуле «одна нация — одна держава» (имперский принцип). И для построения такой державы необходимо было проделать огромную работу по доведению малых наций и этносов до большей нации либо нивелировать различие между ними путем формирования новой исторической общности людей (советский народ). При этом существовали риски как проявления великодержавного шовинизма, так и национализма малых наций. Эти риски усиливались нарушением принципа добровольности вступления в союзное государство и отсутствием механизма реализации конституционного права наций на самоопределение с последующим выходом из СССР.

К политическим катаклизмам добавились техногенно-природные — катастрофа на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года и землетрясение в армянском городе Спитаке в декабре 1988 года, сопровождаемые многочисленными людскими жертвами, разрушениями и радиационным загрязнением окружающей местности с огромным ущербом для здоровья людей. В этом же ряду находится и гибель 31 августа 1986 года вблизи Новороссийска пассажирского теплохода «Адмирал Нахимов», забравшая 423 человеческих жизни. Показательно, что в это время М. Горбачев, находившийся на Кубани, не посчитал нужным прибыть на место трагедии, что характеризует его как плохого лидера нации. Несмотря на многочисленные человеческие жертвы в стране не был объявлен траур.

По-своему разрушительными были сознательные действия М. Горбачева по отстранению КПСС как направляющей и руководящей силы, ядра политической системы страны от управления общественными процессами, что не только противоречило Конституции СССР (ст. 6), а логике и принципам функционирования самой советской государственной системы. Такая политика руководителя партии и государства получила поддержку в определенных слоях советского общества, издавна мечтающих приступить к дележу несметных государственных богатств, и у зарубежных критиков «империи зла». Однако в партийном аппарате, особенно на республиканском, област-

ном и районном уровнях эта деструктивная линия, мягко выражаясь, не была популярной. Многим здравомыслящим, а не карьеристски настроенным сотрудникам партийных комитетов, «перестройка» в КПСС была не по душе, поскольку раскол партии, начавшийся на XIX партконференции, был продолжен в ходе надуманной реорганизации партийного аппарата. В результате этого многие неугодные М. Горбачеву ответработники ЦК КПСС были отправлены на пенсию или переведены в республиканские и областные комитеты партии. Так летом 1988 года на должность первого секретаря Одесского обкома партии был назначен Г. Крючков, работавший до этого заместителем заведующего Организационным отделом ЦК КПСС, который, по моим личным впечатлениям, особого восторга в связи с этим не испытывал. Работники аппарата обкома партии расценивали это назначение как ссылку.

До прихода Г. Крюčkова, с легкой руки генсека, в областных комитетах партии была произведена структурная реорганизация. В частности вместо четырех идеологических отделов (пропаганды и агитации, науки и учебных заведений, культуры, международного, курируемого, как и три первых, секретарем обкома партии по идеологии) был создан один — идеологический отдел. В результате произошло банальное сокращение аппарата, а его функции мало чем изменились, была упразднена лекторская группа обкома партии — его важное аналитическое подразделение, находящееся на передних рубежах работы с населением и обеспечивающее постоянную и неразрывную связь партии с народом. Одновременно это был незаменимый партийный инструмент открытой полемики с различного рода оппонентами КПСС. Достаточно сказать, что мне, как сотруднику данного подразделения, приходилось в те годы выступать с лекциями, начиная с Дома политпросвещения обкома партии и заканчивая Одесской духовной семинарией, бесчисленное множество раз. В перечень мероприятий лекционного характера входили выступления на круглых столах Одесского философского общества, на майдане в парке имени Т. Шевченко, в большой химической аудитории университета (место проведения заседаний общества любителей украинского языка, общества «Мемориал», других общественных движений), в местах лишения свободы, перед представителями силовых структур, в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях. По этой причине я, как и мои коллеги, хорошо ощущал ритм жизни, нерв текущего момента и логику последующего общественного раз-

вития. Мы были не только востребованы, что называется нарасхват, но нас часто пытались «порвать на части». Понимая это, Г. Крючков начал с того, что восстановил лекторскую группу, в чем проявилась не только его человеческая и политическая мудрость, а и личный опыт работы руководителем лекторской группы Запорожского обкома партии (до перевода на работу в ЦК Компартии Украины). Он был единственным из трех первых секретарей обкома партии, под руководством которых мне довелось работать в течение шести лет, который не требовал от лекторов обкома целостных текстов для своих публичных выступлений.

В отличие от Г. Крюčkова, генсек пренебрег правилами аппаратной работы и в итоге к концу 1980-х годов, когда самое главное в его реформе только начиналось, по сути оказался полководцем без армии. Не мудрено, что в сложившейся ситуации он с легкостью согласился с предложением А. Яковлева о введении президентского правления. Игнорируя демократичность процедуры избрания президента страны путем проведения всесоюзного референдума, в марте 1990 года М. Горбачев был избран президентом на съезде народных депутатов СССР, сохранив за собой и пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Подобная дуальная модель власти была сформирована и на уровне союзных республик и областей, что затем пагубно сказалось на судьбе многомиллионной партии: после принятия решения о ее запрете лидеры ослепли у корыта, а рядовые члены были деморализованы.

Некоторые соратники М. Горбачева, как и немалая часть его современников, считают одним из его серьезных просчетов идею о заключении нового союзного договора. На мой взгляд, в условиях обнародования секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа, проявлений центробежной тенденции в республиках Прибалтики подобный шаг центральной власти напрашивался сам собою. Другое дело — сам способ разрешения проблемы, имеющей системные изъяны.

Ошибка М. Горбачева, как человека, не признающего компромисса с зависимыми от него людьми, но легко идущего на поводу более сильных игроков, заключалась, во-первых, в том, что он не делегировал республикам право законодательной инициативы в разработке проекта нового союзного договора, во-вторых, в критический момент (всесоюзный референдум 17 марта 1991 года) упустил шанс сохранения СССР не в форме «обновленной» федерации, а как конфедеративного государства.

Но все же фатальным для него и страны было решение о демонтаже существующей функционально-управленческой системы (устранение КПСС от власти и манипуляции с «Программой 500 дней») без предварительной подготовки и поэтапного внедрения не командно-административных методов управления общественным развитием.

Резюмируя оценку М. Горбачева как государственного деятеля, важно не поддаваться влиянию субъективных суждений, хотя практически это требование сложно соблюсти, тем более когда речь идет о переломной эпохе и крайне противоречивой личности. Каждый из нас видит в другом то, что он хочет видеть.

Постараюсь продемонстрировать данное утверждение на конкретных примерах.

В первом случае речь идет о точке зрения на историческую роль М. Горбачева, которая принадлежит авторитетному ученому В. Иноземцеву: «М. Горбачев для меня — величайший из ныне живущих людей, представитель того поколения, которое можно без преувеличения назвать советским Greatest generation. Он — человек, в сложную пору почувствовавший нерв своего времени и направление развития мира и сумевший не препятствовать тому, что рано или поздно неизбежно свершилось бы. Именно в этом я вижу талант настоящего политика. Не переламаывать мир, а понимать его и принимать его изменчивость — великое умение, и Михаил Сергеевич вполне его проявил» [86, с. 63].

Этот же автор годом ранее пришел к неоспоримому заключению о том, что «умный и нравственный народ власти не нужен» [87], тем самым опровергнув значимость М. Горбачева как величайшего реформатора и генератора идей.

На самом-то деле М. Горбачев был не просто обычным политиком, борющийся за доверие к нему электората, а государственным деятелем, добровольно взвалившим на себя непосильное ему (не по Сеньке шапка Мономаха) дело реформирования общественного строя одной из крупнейших мировых держав, закончившееся ее крахом с трагическими последствиями не только для советского, а и для европейских народов.

Что же касается народа, то ум и нравственность еще не делают его счастливым. Для этого человек должен приобрести свободу в ее понимании по Н. Бердяеву, который утверждал, что «человек может стать внутренне рабом. В этом причина того, что революции не приводят обыкновенно к созданию нового свободного общества и всегда заклю-

чают в себе возврат к старому обществу. В революциях обыкновенно бывает меньше всего свободы. Определение свободы как выбора есть еще формальное определение свободы. Это лишь один из моментов свободы. Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда, когда он сделал выбор. Тут мы приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь общества и мира» [13].

На наш взгляд, именно внутренней творческой энергии и не доставало М. Горбачеву как человеку. Поэтому у него не сложилось и с процессом творения новой общественной жизни. Размышляя по этому поводу, Л. Шевцова определяет М. Горбачева как человека «... шекспировского масштаба. Хотел перестроить систему, а закончил тем, что ликвидировал государство. И не только — создал условия для потери собственной власти. Но, конечно, именно развал СССР стал его личной трагедией. Тем не менее он дал нам возможность сделать то, что не смог сам. Но не успел гарантировать необратимость своих же преобразований. Впрочем, и не мог этого сделать» [259].

Полемизируя с этим автором, замечу, что М. Горбачев не то что не смог гарантировать необратимость своих преобразований, а и не должен был этого делать, поскольку последнее является творчеством свободных людей, а не ввергнутых в революционный поток масс.

Что же касается шекспировской аналогии, то М. Горбачев по своим нравственным устоями и интеллекту явно не дотягивал до лучших умов всех времен и народов, осознающих несоответствие как прошлого, так и настоящего идеалам гуманности. В действительности миром управляют не благие человеческие начала, а хищничество. Крылатое изречение одного из шекспировских героев Тимона Афинского: «Все в мире — вор!» — пронизывает подлинную природу человеческих отношений от эпохи Возрождения до наших дней.

Столь же нелепыми выглядят попытки сравнивать М. Горбачева с великими российскими реформаторами и государственниками — императором Александром II, графом С. Витте или П. Столыпиным. Это есть не что иное как глумление над памятью этих великих исторических личностей.

Особняком стоит вопрос об ответственности М. Горбачева не столько перед историей, сколько перед памятью десятков миллионов советских людей различных поколений, отдавших свои жизни защищая Отчизну от врагов.

1.2. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НАКАНУНЕ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Любой исторический процесс, а «перестройка» является таковым, оценивается не только по своим последствиям, а и по предпосылкам. Более того, именно анализ этих предпосылок позволяет расставить все точки над «и» по результатам последующих действий участников указанного процесса. Иначе говоря, принципиальным является то, насколько инициаторы «перестройки», ее «прорабы» и их последователи учитывали тенденции развития общества в преддверии его реформирования. Отсюда вытекает мера их ответственности за исход «перестройки».

Для установления обоснованности начатых М. Горбачевым реформ обратимся к периоду 1970–1985 годов, вошедшему в историю с легкой руки инициатора «перестройки» как «годы застоя».

Каждый человек имеет право на собственную точку зрения в оценке указанного времени. Если у молодого поколения украинских граждан отсутствует видение событий той поры изнутри, то этого нельзя сказать о людях моего поколения, проживших и переживших эти годы.

В моей личной жизни указанное 15-летие было отмечено яркими и разнообразными событиями: студенческие годы, учительство в сельской школе, комсомольская работа, офицерская служба в Советской Армии, преподавание в Николаевском кораблестроительном институте, партийная работа в райкоме и обкоме партии.

Выполняя различные социальные роли в «застойные годы», не представляя их таковыми, я сполна познал все достоинства и недостатки того времени, которые не укладываются в черно-белую гамму, имея множество красочных оттенков.

Прежде чем перейти к научному анализу общественной жизни 1970–1985 годов, акцентирую внимание на некоторых ключевых аспектах повседневной жизни, в которых, как в зеркале, отражалась целая эпоха во всем ее разнообразии.

Будучи студентом, я получал стипендию в размере 35 рублей (на старших курсах повышенная стипендия составляла 50 рублей, что равнялось почти половине ассистентского оклада). Государство не только полностью оплачивало обучение, а и предоставляло иногородним студентам места в общежитии. Желавшие могли снять жилье за 15–20 рублей (приведена одесская цена, а в городах не столь крупных она была несколько меньшей). Стоимость обеда в студенческой

столовой обходилась в 40—50 копеек. Я же предпочитал обедать в театральном кафе на улице Ленина (нынешняя Ришельевская), находящемся в 150 метрах от театра оперы и балета, или в офицерской столовой на углу улиц Дерибасовской и Карла Маркса (Екатерининская), стоимость обеда в которых составляла 1,0—1,2 руб. На завтрак и ужин продукты приобретались в магазине. Стоимость докторской колбасы составляла 2,25 руб. за 1 кг, полукопченой одесской — 2,50 руб., батона хлеба 15—20 копеек, примерно столько же стоило 0,5 литра молока или кефира. За модные и дефицитные югославские ботинки надо было выложить 35 рублей, простояв в очереди, или переплатить 15 руб. на одесском толчке. Пошив костюма обходился в среднем в 100 руб. Утолить жажду стаканом газированной можно было за 1 или 3 (с сиропом) копейки. Проезд в общественном транспорте обходился в 3—5 копеек в зависимости от его вида. Выходит, что на студенческую стипендию тогда можно было приобрести без малого 1170 трамвайных билетов (современному студенту на эти цели пришлось бы выложить 9360 грн). От Одессы до Николаева можно было доехать рейсовым автобусом за 2,30 руб. Квартплата за среднегабаритную самостоятельную квартиру, бесплатно предоставляемую государством, составляла чуть больше 10 руб.

Естественно, одной стипендии на удовлетворение элементарных потребностей иногороднего студента не хватало. Поэтому приходилось рассчитывать на помощь родителей или же подрабатывать на разгрузке вагонов и пароходов, работу в студенческих стройотрядах, в колхозе на уборке урожая, куда студенты ежегодно направлялись в сентябре. Я на 5 курсе получал полставки зарплаты в лаборатории системных исследований университетской кафедры философии.

Поэтому вопрос о хлебе насущном для советского студента не был актуальным. Основное время уделялось учебе, а также активному отдыху.

Уверен, окажись современный студент в подобной ситуации, он вряд ли был бы разочарован своей судьбой.

После окончания учебы предстояла работа по государственному распределению. Я получил направление в Сербковскую среднюю школу Коминтерновского (Лиманского; Одесского) района Одесской области, где приобрел первый педагогический опыт, умело сочетая учебную и воспитательную работу. И этот опыт не остался незамеченным: спустя полгода я был избран секретарем райкома комсомола по работе со школьной молодежью. Через два года при-

шло время отдать Родине воинский долг: получив вместе с призывом погоны старшего лейтенанта (воинское звание лейтенанта было присвоено после окончания третьего курса университета) и зарплату, равную окладу доцента. Мои знания и опыт пригодились при подготовке комсомольских работников для Вооруженных Сил СССР. После увольнения перешел на работу в институт, но уже с ассистентской зарплатой в 125 руб., которых вполне хватало на жизнь, в которой на первое место ставились духовные потребности.

В силу сложившихся обстоятельств в 1981–1984 годах пришлось поработать в Ивановском райкоме Компартии Украины Одесской области в должностях лектора и заведующего отделом пропаганды и агитации с окладом в 170 и 200 руб. соответственно. Семье была предоставлена квартира, здесь родилась младшая дочь — Ирина. Единственная трудность, с которой на первых порах столкнулась наша семья, — это адаптация после жизни в большом городе к непривычному ритму сельской жизнедеятельности с ее бытовыми и культурными издержками. Теперь о «застое» той жизни: за эти годы в поселке были построены здания новой школы, поликлиники, гостиницы, введены в строй два четырехэтажных жилых дома, подведен природный сетевой газ.

Работа в райкоме партии не помешала мне защитить в мае 1984 года кандидатскую диссертацию в Одесском госуниверситете, после чего я был включен в резерв обкома партии, куда я сентябре этого же года был переведен на должность лектора.

В январе 1985 года моя семья переехала ко мне после предоставления ей 3-комнатной квартиры полезной жилой площадью 37 кв. м. Таким образом спустя 12 лет я вернулся в Одессу, пройдя нелегкий, но счастливый отрезок жизненного пути. Я совершенно не строил планов — оказаться именно в Одессе. Спустя столетия после отъезда из родного Николаева я продолжаю испытывать к этому городу наибольшую любовь из всех мест, где мне пришлось побывать. Так сложилась жизнь, а ее период с 1970 года по 1985 год у меня язык не поворачивается назвать «застоем». Вот почему это метафорическое выражение, внедренное со временем в массовое сознание миллионов людей, следует подвергнуть аналитической проверке.

Достоверность результатов аналитики предполагает поиск весомых аргументов относительно необходимости реформирования СССР, исходя из тенденций его развития в 1970–1985 годы как «застойных».

В публицистике и в научно-исследовательской практике сложилась традиция рассматривать состояние советского общества указанного 15-летия в ретроспективе. Отсюда — объяснение всех неудач «перестройки» недооценкой реформаторами всей глубины кризиса, охватившего СССР, «подборка» и «подгонка» исторических фактов с их выстраиванием в соответствующую картину действительности.

На этом фоне все предшественники М. Горбачева выставляются как беспомощные старцы, своевременно не обнаружившие негативные общественные процессы, ведущие страну к катастрофе. Для доказательства подобных умозаключений приводились факты, подтверждающие их истинность.

Для исторического познания проблема отношения к фактам является ключевой, поскольку исторический факт — это фундамент исторической науки. Поэтому многие поколения историков следуют афоризму Л. Фон Ранке «писать, как это было на самом деле, не становясь судьей прошлого и не поучая современников» [278]. Если речь идет о давних событиях, то историку ничего не остается как полагаться исключительно на документальные источники, но в таком случае подобное повествование основывается не на самих фактах, а на их интерпретации. Следовательно, установить тождественность реальных фактов, имевших место в истории, и документов практически невозможно. Поэтому столь важна интерпретация фактов на основе научных гипотез и теорий с целью обнаружения особенного и индивидуального в потоке исторических событий. По этой причине интерес к событийной истории, к нарративу (рассказу) не ослабевал на всем протяжении существования человечества.

При этом важно, чтобы тяга к событийной истории способствовала поиску истины, а не конъюнктурному использованию прошлого для оправдания недостатков настоящего.

На этой основе в исторической науке возникло целое направление, получившее название презентизма (от англ. present — настоящее время, современность). С точки зрения презентизма, всякая история является современной историей, поскольку история — это не что иное как проекция современности на прошлое. Как в свое время утверждал К. Поппер, «...не может быть истории прошлого в том виде, в каком оно действительно имело место, возможны лишь исторические интерпретации, и ни одна из них не является окончательной. Каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, и не только имеет право, а в каком-то отношении

обязано это делать, чтобы удовлетворить свои неотложные интересы» [180, с. 310].

Советская историческая наука презентизм не только не признавала, а и противопоставляла ему веру в объективную истину. В энциклопедических изданиях презентизм трактовался как «...субъективно-идеалистическое направление в буржуазной методологии истории XX столетия, которое рассматривает историческую науку не как отображение объективных явлений, которые имели место в прошлом, а лишь как выражение идеологических отношений современности» [20, с. 515].

Вопрос о приятии или неприятии презентизма не освобождает исследователей от ответственности за достоверность научного исторического знания. Традиционно в научной литературе различаются два основных значения понятия «знание». Первое — знание как состояние сознания субъекта, то есть совокупность образов, содержащихся в индивидуальном сознании, которые имеют отношение к определенным объектам и отношениям. Второе — знание как объективное содержание мышления, что представлено в объективированных «внесубъектных» формах — понятия, идеи, гипотезы, проблемы, теории.

Однако такой подход разделения знания не является продуктивным для научного познания. Он проводит границу между знанием как индивидуальным сознанием (область философской рефлексии) и знанием как результатом познания, объективным содержанием мышления (методология науки). На самом деле процесс создания знания является более сложным и включает систему отношений не только между объектом и субъектами познания, а также отношения между субъектом-творцом знания и его адресатом (научное сообщество, широкий круг потребителей знания, не относящихся к нему).

Современное научное знание эмпирически существует в виде совокупности определенных научных текстов, или дискурса. Дискурс — это не просто набор текстов, а их значения. Поэтому задача состоит не только в выяснении способов передачи и восприятия научных текстов, но и в познании авторской мотивации.

Таким образом, на первый план выходит сознание ученого, мир его мыслей. Итак, адресатом философской рефлексии исторических явлений и процессов выступает научное сообщество, а его адресантами широкий круг человеческого сообщества. В любом случае на первый план выступает адекватность постижения и осмысления объекта научного познания, в котором активную роль играют определенные

идеалы и нормы, которые являются продуктом индивидуального и коллективного сознания, мировоззрения исследователя. При этом важно, чтобы в этом процессе не «растворился» объект познания — исторические явления и процессы.

У К. Поппера мир знаний предстает как отдельная сфера жизни, как мир смыслов, существующий вне чьего-либо сознания. Это мир коллективного знания, в котором сближаются и взаимно общаются субъективные (индивидуальные) миры. Это мир — относительно автономный, развивающийся по своей внутренней логике и являющийся творением представителей различных научных дисциплин [277, с. 40].

Отсюда уделение значительного внимания онтологическим критериям. Если раньше в их качестве рассматривалась проверка теории эмпирическими данными жизненной практики, то сейчас большое значение придается различным социальным концепциям выбора, связанным с социальным конструированием, риторикой, «беседой». Таким образом летописцы все больше упражняются не в поиске истины, а в искусстве повествования, когда форма превалирует над содержанием.

Поэтому исследователю крайне важно в потоке этих новаций за формой не утратить смысл поиска сущности происходящего, не поддаваться соблазну произвольного трактования происходящих событий в угоду правящему классу. В противном случае творчество социального конструирования действительности под политический заказ власти оборачивается сотворением исторических мифов не только о прошлом, а и о настоящем. В таком случае историческая наука играет роль служанки идеологии и политики.

Такая практика прослеживается на протяжении всей истории человечества. Естественно, в плену мифологического сознания находились и советские люди. Поэтому крайне важно беспристрастно подойти к освещению истории 1970–1985 годов, пока еще живо поколение людей родившихся в начале 1950-х годов и раньше, являющихся не только свидетелями, но и активными участниками тех событий. Их индивидуальное восприятие и понимание прожитой ими жизни формирует коллективную память последующих поколений и одновременно является мерилем исторической истины. Через каких-то 20–30 лет не останется живых свидетелей тех событий и у нового поколения появится широкое поле деятельности для собственного конструирования исторической действительности.

Чтобы читателю была понятна пагубность подобной практики, обратимся к официальной интерпретации ключевых моментов политической истории СССР. Так верные соратники вождя мирового пролетариата — Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Рыков, М. Томский во второй половине 1920-х — в 1930-е годы стали не просто оппонентами нового руководства, а и были отнесены им к врагам советской власти. Спустя десятилетия, с наступлением «перестройки», все они, за исключением Л. Троцкого, были политически реабилитированы.

В марте 1953 года вся советская страна оплакивала уход из жизни «отца» народов СССР, а уже через три года верный ленинец и сталинист Н. Хрущев произнес свою обличительную речь на главном собрании коммунистов, в которой осудил культ И. Сталина. Однако в руководстве страны нашлась небольшая группа людей (Н. Булганин, Л. Каганович, Г. Маленков, В. Молотов и примкнувший к ним Д. Шепилов), которые не только не одобрили решения по этому вопросу XX съезда КПСС, а и совершили в июне 1957 года попытку смещения с должности Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева, что обернулось потерей для них руководящих постов.

Однако через семь лет Н. Хрущев таки лишился своей должности, но уже при активном участии в этом Л. Брежнева и его ближайшего окружения.

Вышло так, что произошла лишь смена караула, а само дело И. Сталина продолжало жить в сознании многих миллионов людей, включая и некоторых представителей современного поколения украинских граждан. Все объясняется просто: был осужден культ личности, а не его предпосылки и сталинизм как общественное явление.

С приходом к власти Л. Брежнева «оттепель» сменилась «заморозками»: общественное «брожение» шестидесятников переросло в рассматриваемые в закрытых судебных заседаниях многочисленные дела диссидентов и националистов. К концу жизни сердобольного лидера страны народ сложил анекдотичную брежневиаду, в которой основными темами были его высокие награды, книги и крылатые фразы. Это было проявлением к Л. Брежневу скорее жалости, чем ненависти. Кое-кто на этом заработал народную популярность и даже государственные звания (Г. Хазанов и менее известный его коллега, ставший заслуженным артистом Украины — николаевский одессит О. Филимонов). Я хорошо помню день 12 ноября 1982 года и печальные лица санитарок, медсестер и врачей Ивановской районной больницы. Это

было одно из сотен тысяч траурных собраний советских тружеников, прошедших по всей стране в связи с кончиной генсека, на котором мне пришлось выступать от имени райкома партии. Я, как и многие мои сограждане, испытывал грусть по ушедшему из жизни человеку, с именем которого в течение 18 лет были связаны чаяния и надежды советского общества. Все мы долгие десятилетия находились в плену патерналистского сознания, а сама жизнь большинству из нас не казалась такой безысходной, как это преподносится сегодня.

Не проходит и трех лет, как вновь избранный преемник дорогого Леонида Ильича объявляет советскому обывателю, что общество находится в застойном состоянии, а еще через шесть лет сам «перестройщик» покидает олимп власти.

В свете изложенного трактовка периода 1970–1985 годов как «застойного» есть не что иное как очередная манипуляция общественным сознанием, ставшая возможной на почве исторических метаморфоз. Если М. Горбачев, с подачи А. Аганбегяна, прибег к метафоре «застой» в целях формирования собственной идеологической платформы для осуществления «перестройки», то его современные сторонники пытаются объяснить ее неудачу тяжелым историческим наследием. При этом ими используется довольно примитивная технология препарирования исходного исторического материала по заранее задуманной схеме, которая монтируется с помощью удобных фактов. Те же явления и процессы, которые не укладываются в эту схему, оказываются за ее рамками и банально замалчиваются.

Чтобы понять причины поражения горбачевской реформы, необходимо углубиться в его «корневую» систему, следовательно, прибегнуть к инверсии и рефлексии, не игнорируя логику развития рассматриваемого периода. В череде важных событий и явлений советской истории было два знаковых, которые разрушили монолитное единство партии и народа, подорвав его веру в реализацию коммунистических идеалов. Это — осуждение культа личности И. Сталина (1956 год) и принятие программы построения коммунизма (1961 год). Здесь не ставится под сомнение целесообразность самих решений и специально не анализируется процедура их рассмотрения. Задача заключается в установлении связи между этими процессами и последующим развитием СССР, состоянием идейных устоев общества.

До XX съезда КПСС в сознании большинства советских людей закрепился образ И. Сталина как продолжателя дела В. Ленина (не столь важно, каковой была цена успеха), с именем которого ассоци-

ировалась «полная» и «окончательная» победа социализма в СССР, освобождение страны и всего человечества от фашистской чумы, восстановление народного хозяйства после изурительной войны, становление мирового социализма. При этом все злоупотребления власти, незаконные аресты и гибель ни в чем не повинных людей, тяготы и лишения, пришедшиеся на годы первых пятилеток, перекладывались на врагов социализма и списывались на трудности социалистического строительства в условиях капиталистического окружения.

Поэтому антисталинская обличительная речь, прозвучавшая на партийном съезде из уст нового руководителя, имеющего прямое отношение к преступным злодеяниям сталинского режима, повергла в шок советского обывателя, беспредельно верящего в правоту политики КПСС. У большинства советских граждан зародились сомнения в идеалах, на которых они были ранее воспитаны, а немалая часть из них взяла на вооружение правило, продемонстрированное не кем-нибудь, а первым лицом государства, — жить по двойным стандартам. Пример душевного двуличия продемонстрировал сам Н. Хрущев, миссия которого в тот момент заключалась не столько в публичном покаянии, сколько в развенчании сталинских преступлений как общественного феномена.

В этом смысле можно согласиться с московским корреспондентом «Financial Times» Д. Саттером, объяснившим неоднозначность восприятия коммунистами решений XX съезда КПСС тем, что советский режим так и не взял на себя ответственность за принесенные жертвы и зловещие преступления [210, с. 67].

Однако идеологическая машина в целях реанимации пошатнувшейся веры в идеалы социализма воспроизвела очередной социальный проект, не вполне отдавая отчет в его авантюристичности, приняв в 1961 году на XX съезде КПСС программу построения коммунизма в течение последующего 20-летия.

Уже в брежневскую эпоху в реализации коммунистической мечты был сделан первый шаг: в 1967 году в Тезисах ЦК ПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» содержался вывод о построении в СССР развитого социализма [275]. Однако спустя годы наступило очередное разочарование народа, поскольку с коммунизмом на практике все оказалось не так просто, как на бумаге. Правда, с приходом к власти Ю. Андропова был найден выход из замкнутого круга: в 1983 году в одном из номеров журнала «Коммунист» появилась его статья, содержащая вывод о том, что СССР вступил в этап

совершенствования развитого социализма, «...по мере чего и будет происходить постепенный переход к коммунизму. Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который в свою очередь будет, естественно, знать свои периоды, свои степени роста. Как долго продлятся они, какие конкретные формы примут, покажут лишь опыт, живая практика» [3].

Однако могли ли предположить бывший руководитель КГБ СССР и действующий генсек, что история оставила родине социализма всего восемь лет не то что для коммунистического экспериментирования, а продолжительности жизненного цикла системы как таковой.

Вероятно, авторы концепции застоя исходили из андроповской установки постепенного перехода к коммунизму, а темпы социально-экономического развития страны в 1970–1985 годы противоречили ей.

И все же вопрос о снижающихся из года в год темпах социально-экономического развития страны был не главным. Изменились нравы коммунистов и советских людей в целом, а с ними и сами люди. Авангард пролетариата, насчитывающий при В. Ленине несколько тысяч профессиональных революционеров с его тонким лидерским слоем интеллектуалов, вышедших из обедневшего дворянства и разночинцев, в условиях социализма превратился в многомиллионную правящую партию, верхушка которой была представлена людьми от станка и сохи с дипломами выпускников Института красной профессуры. Если в 1930–1940-х годах — это были люди, беззаветно преданные делу революции и социализма, то в более позднее время на смену им пришло поколение расчетливых и прагматичных партаппаратчиков, ставящих на первое место свои карьерный рост и материальное благосостояние.

Во времена Л. Брежнева — человека добродушного и в некотором смысле сердобольного — вокруг него сформировалось довольно консервативное окружение, имеющее за своими плечами многолетний опыт руководящей деятельности и находящееся в преклонном возрасте. Часть из них вполне осознавала необходимость осуществления реформ, к числу которых относился глава правительства А. Косыгин, как и опасность непредсказуемых последствий в случае их провала.

Поэтому брежневский период вошел в историю Советского Союза как своего рода компромисс между недостаточно дееспособной властью, слабо революционизированным народом, однако еще не утратившим окончательную веру в торжество правды социализма.

Этот период, с одной стороны, сопровождался героизацией боевого и трудового пути генсека, на груди которого к концу его жизни не осталось места для наградных знаков, и ростом активности «шестидесятников», а также диссидентского движения — с другой. Система, включая ее идеологические и силовые структуры, вместо того чтобы отделить зерна от плевел и внести соответствующие коррективы в свой политический курс, сделала ставку на бескомпромиссные методы борьбы с оппонентами.

Этим обстоятельством умело воспользовался Запад, начав, по выражению А. Зиновьева [81], идеологическую атаку на СССР, которая заключалась в оперативной реакции враждебных радиостанций на факты репрессий, предавая их гласности, в издании книг неофициальных авторов, печатании статей о советских деятелях культуры и науки, вступивших в конфликт с властями.

На брежневские годы пришлась «третья волна» массовой эмиграции на Запад, начавшаяся отчасти стихийно, отчасти подогреваемая западной пропагандой, отчасти провоцируемая властями с целью избавления от неугодных. Эмигранты 1970-х годов представляли собой крайне неоднородный состав: добровольно выезжающие лица самых разных профессий, имевшие намерение лучше устроить свою жизнь; деятели науки и культуры, востребованные в западных странах; лица, насильно высылаемые властью.

Эти явления, свидетельствовавшие о несовершенной организации общественной жизни, А. Зиновьев определил как всеобщее бедствие, как самый сильный источник надвигающегося кризиса, на что «...высшее руководство страны закрывало глаза, утешая себя и сограждан ложной картиной благополучия и лозунгами. Несмотря на все это, коммунистическая организация общества устраивала подавляющее большинство советских людей, по своей природе склонных к коллективистскому образу жизни. Но они воспринимали все достоинства своей жизни как нечто само собой разумеющееся, как нечто данное от природы и всеобщее. И почти никак не связывали их именно с коммунизмом. Коммунизму же они приписывали все недостатки своей жизни, включая и те, которые не были спецификой коммунизма. Им в голову не приходило, что они могут всего этого лишиться, отказавшись от коммунизма и избрав западный путь дальнейшей эволюции. Они рассчитывали на то, что они при этом избавятся лишь от дефектов коммунизма, присоединив к тем благам, какие они имели, блага западного образа жизни — свободы и

изобилие материальных благ, какие им обещали, но не дали коммунисты» [81].

Информация о благах западного образа жизни стала общедоступной для большинства советских людей после проведения в 1975 году в Хельсинки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, основным документ которого — Заключительный акт привел к снятию «железного занавеса» и сделал отношения Запада (мир капитализма) с Востоком (мир социализма) более открытыми. Одновременно были вскрыты существенные провалы коммунистической идеологии, являющейся фундаментом советского строя.

Это признало и само руководство КПСС, принявшее в 1981 году на очередном партийном съезде решение о перестройке многих сфер и участков идеологической работы. Однако ее обновления так и не произошло, пропаганда и агитация осуществлялись посредством устаревших инструментов, а их предназначение заключалось в оправдании дискредитировавших себя идей и теорий. Повышенное внимание уделялось контрпропагандистской работе, что само по себе было важно и необходимо. Однако произошла недооценка того факта, что все проблемы СССР были связаны с эрозией общественного сознания.

Одновременно в эти годы неблагоприятно складывалась внешнеполитическая конъюнктура. «Выход» в одиночку из враждебного капиталистического окружения в довоенный период с образованием мирового социалистического содружества в 1950-е годы не снял как таковую проблему противоборства с мировым капитализмом. Более того, СССР, взяв на себя ответственность за тех, кого приручил, вынужден был нести тяжелое бремя финансовой ответственности за поддержание военно-промышленного паритета между двумя мировыми системами. С момента образования в 1955 году Варшавского договора 90 % расходов, приходящихся на поддержание обороноспособности этого военно-политического блока, приходилось на долю Советского Союза.

Больших финансовых затрат требовала и реализация планов, связанных с поддержкой политических режимов стран Азии и Африки, освободившихся в 1960-е годы от колониальной зависимости и провозгласивших своей целью построение социализма. Борьба между двумя социальными системами, которая одновременно проявлялась в их военно-промышленном и экономическом состязании, велась опосредованно за влияние на страны «третьего мира». Советское руководство, отдавая себе отчет в том, что будущее мирового соци-

ализма во многом зависит от социального выбора освободившихся стран, прилагало все усилия для того, чтобы число носителей коммунистической идеи и спутников СССР ширилось с каждым годом. Посредством такой политики количество сторонников социалистического выбора в странах «третьего мира» колебалось в пределах двух десятков.

Активное участие Советского Союза в судьбах развивающихся стран носило также коммерческий характер. Так в 1984 году СССР продал оружия почти на 25 млрд дол. США. Только его ежегодные закупки Ливией на сумму 4 млрд дол. США покрывали половину хлебного импорта [60]. Принимая во внимание данное обстоятельство, некоторые авторы пошли еще дальше в своих выводах, указывая на наличие многоступенчатого «проедания» ресурсов: страны «третьего мира» продавали сырье развитым странам и приобретали на полученные от этого средства советское вооружение, а СССР за вырученные от продажи оружия доллары покупал на Западе товары широкого потребления [104, с. 413].

После ввода в декабре 1979 года советских войск в Афганистан репутация СССР как борца за мир ослабла. В начале 1980-х годов произошел очередной кризис мировой системы социализма, связанный с приходом к власти в Польше лидера «Солидарности» Л. Валенсы — противника коммунистического режима. Дополнительным поводом для культивирования негативного имиджа Советского Союза стало крушение над его территорией в 1983 году южнокорейского самолета. Возложив ответственность за сбитый воздушный лайнер на СССР, президент США Р. Рейган объявил Советский Союз «империей зла» [279]. Данный термин, имеющий конкретный контекст, стал в дальнейшем ассоциироваться с соответствующим образом государства в целом.

Следует заметить, что в начале 1980-х годов США и СССР использовали любой мало-мальский повод для взаимных обвинений и конфронтации. Так, в 1980 году западные страны объявили бойкот XXII Олимпийским играм в Москве. В ответ социалистические страны бойкотировали следующую олимпиаду, состоявшуюся в 1984 году в США.

Апогеем противоборства сил социализма и капитализма стало размещение, после создания США противоракетной обороны, в 1983–1984 годы в ряде западных стран американских крылатых ракет, нацеленных против СССР и других стран Варшавского договора. В ответ на это Советский Союз разместил на территории Германской

Демократической Республики и Чехословакии свои ядерные ракеты средней дальности полета (СС-20).

Эти события свидетельствовали о двустороннем отказе от политики разрядки международной напряженности, сложившейся между двумя мировыми системами во второй половине 1970-х годов. Таким образом СССР и США перешли к новому витку гонки вооружений, потребовавшему значительных расходов.

Чтобы понимать последствия данного этапа гонки вооружений (преимущественно ядерных) для и без того стагнирующей советской экономики, следует учесть, что речь идет о новом поколении дорогостоящей военной техники. Ее разработка с последующим взятием на вооружение американской стороной преследовала не столько военную, сколько экономическую и политическую цели — измотав в подобном соревновании СССР, ослабить тем самым динамизм его развития и внешнюю привлекательность. Дело в том, что удельный вес военных расходов СССР в структуре ВВП страны значительно превышал подобный показатель США: соответственно 30 % и 6,5 % [6; 84]. Всего же с 1947 года по 1991 год прямые военные расходы Советского Союза составили в долларах США (по курсу 1993 года) 10 трлн 39 млрд, что равнялось 12,6 % национального дохода страны в те годы. Американцы же потратили 9 трлн 471 млрд дол. или 5,6 % своего национального дохода [10].

Таким образом, измотанный гонкой вооружений и взятыми на себя обязательствами перед союзниками по поддержанию паритета между Востоком и Западом, а также защите интересов развивающихся стран с социалистической ориентацией, СССР постепенно утрачивал способность к постоянному повышению темпов своего социально-экономического развития.

К этому времени исчерпала себя и модель «догоняющего» развития с ее ориентацией преимущественно на экстенсивный тип экономического роста и сырьевую импортную составляющую. Хотя не следует игнорировать успехи, достигнутые на пути реализации этой модели: если в 1960 году объем промышленного производств Советского Союза составлял 55 % от соответствующего показателя США, то в 1985 году — превысил 80 %. Доля СССР в мировом промышленном производстве в 1975 году составляла 12,6 % по сравнению с 1 % в 1922 году [245, с. 106].

Эти успехи были достигнуты в основном за счет развития топливно-энергетического комплекса. В 1970-е годы началось интенсивное

освоение богатств Западной Сибири: за 1970–1980-е годы добыча нефти в этом регионе выросла в 10 раз (с 31 до 312 млн т), газа — в 16,4 раза (с 9,5 до 156 млрд куб. м). К середине 1980-х годов Западная Сибирь обеспечивала 66 % общесоюзной добычи нефти и более 60 % газа. СССР в эти годы вышел на первое место в мире не только по добыче нефти и газа, а и по производству чугуна, стали, минеральных удобрений, тракторов, шерстяных и хлопчатобумажных тканей и другой продукции [176, с. 97].

Анализируя внешнеэкономическую конъюнктуру, сложившуюся на нефтяном рынке в 1970-х годах, современные авторы отмечают ее благоприятность для советской экономики в кратко- и среднесрочной перспективе. Но в долгосрочном плане привлечение нефтедолларов стало фактически антистимулом при переводе народного хозяйства на рельсы ресурсосберегающих технологий. Если скачок цен на нефть подстегнул развитие продвинутых в технико-технологическом отношении стран как основных потребителей нефти к осуществлению структурной перестройки и отходу от устаревшей индустриальной модели, то в СССР такая необходимость перемен ощущалась слабо [209, с. 514].

Такое отношение к потребностям экономического развития страны вскоре пагубно сказалось на состоянии экономики и политическом престиже Советского Союза. Ситуация осложнилась из-за влияния на процесс ценообразования политики США. Как следует из интервью советского дипломата, заведующего Международным отделом ЦК КПСС в 1988–1991-е годы В. Фалина, по предложению шефа американской разведки У. Кейси Р. Рейган принудил лидеров Саудовской Аравии, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов увеличить предложение нефти на мировом рынке с целью осложнения финансово-экономического положения СССР [48].

Поскольку руководители исламских государств — мировых добытчиков нефти были заинтересованы в ослаблении позиций СССР как одного из лидеров экспорта нефти, то их интересы совпадали с целевыми внешнеполитическими установками США.

В череде событий многолетних нефтяных войн особое место занимает день 13 сентября 1985 года, когда министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейх Имани заявил о том, что его страна радикально меняет свою нефтяную политику и перестает сдерживать добычу нефти. За первые шесть месяцев, последующих за этим заявлением, добыча нефти этой страны выросла в 4 раза. В ре-

зультате мировой рынок нефти перестал быть рынком продавца, превратившись в рынок покупателя. Соответственно монопольно высокие цены на нефть упали с 40 дол. США за баррель в 1984 году до 17–20 дол. США к осени 1986 года. При этом следует учитывать, что к началу 1980-х годов СССР занимал по добыче нефти второе место в мире после Саудовской Аравии, а пик советского экспорта нефти пришелся на 1984 год и составил 172 млн тонн. В 1981–1985 годах советский нефтекомплекс обеспечивал примерно 20 % всех поступлений в бюджет и 70–75 % всех валютных поступлений страны [93, с. 306, 412]. На тот же 1984 год пришелся и пик импорта зерна: его закупки в США и Канаде составили 26,8 млн тонн. Характерно, что до 1974 года СССР сам был экспортером зерна: в 1970 году объем его продаж составлял 3,5 млн тонн [70].

Все перечисленные неблагоприятные внешние условия негативно отразились на динамике социально-экономического развития страны, то есть на валовых показателях развития народного хозяйства, на темпах роста.

А это означает, что экономический потенциал СССР и благосостояние народа хотя и продолжали расти и в 1970–1985 годы, но уже не такими темпами как ранее. Так национальный доход страны увеличился за указанное 15-летие в 2,5 раза, объем промышленного производства — в 3 раза, а сельскохозяйственного — на 30 %. Было построено 4,2 тыс. промышленных объектов, 32 млн квартир общей площадью 1620 млн кв. м, на 60 % выросла средняя зарплата рабочих и служащих (с 122 руб. в 1970 году до 190 руб. в 1985 году), реальные доходы населения — на 90 % [265].

Однако темпы роста по основным показателям социально-экономического развития страны падали от пятилетки к пятилетке (табл. 1.1).

В таблицу 1.1 включены показатели по восьмой пятилетке, позволяющие определить степень падения темпов социально-экономического развития в последующих пятилетках.

Именно начало 1970-х годов для советской экономики итальянский историк Дж. Боффа [21] рассматривает как критическую точку, на которой кончается фаза подъема и начинается спуск, постепенно переходящий в падение.

Главная проблема того периода заключалась не в падении темпов развития, а в несостоятельности политиков, не способных адекватно реагировать на происходящие изменения.

Таблица 1.1

**Основные показатели социально-экономического развития СССР
(темпы роста по пятилеткам в %*)**

Основные показатели	1966–1970 годы (восьмая пятилетка)	1971–1975 годы (девятая пятилетка)	1976–1980 годы (десятая пятилетка)	1981–1985 годы (один- надцатая пятилетка)
Национальный доход	45,0	28,0	21,0	17,0
Производительность труда	37,0	24,0	17,0	16,5
Продукция промыш- ленности	50,0	43,0	24,0	20,0
Валовая продукция сельского хозяйства	23,0	13,0	9,0	5,5
Реальные доходы на душу населения	33,0	24,0	18,0	11,0

*Источник: данные из личного архива автора, основанные на конспекте одного из номеров Информационного бюллетеня ЦК КПСС за 1986 год.

В данном случае речь не идет о недопонимании руководством страны необходимости перехода от «экстенсивной экономики» к «экономике интенсивной»: в пользу такого подхода свидетельствовало ограничение ресурсов, используемых для поступательного развития страны. Однако диалектика такова, что одним из видов этих ресурсов были финансовые ресурсы, без наличия которых в достаточном количестве невозможен был переход на новые технологии. В таких условиях проще всего было отдать команду, совсем другое дело — добиться ее выполнения. По этой причине ни одна из брежневских пятилеток не была выполнена.

В частности произошло падение темпов роста показателей, связанных с факторами производства (табл. 1.2).

Как следует из данных, приведенных в таблице 1.2, возникли проблемы и с обеспечением опережающего вовлечения в производство трудовых ресурсов, роста основных фондов и капитальных вложений, что свидетельствовало о сбоях в функционировании экономики.

Такая ситуация была характерна не только для макроэкономики. В течение 1970–1985 годов 25–30 % предприятий страны не получали запланированных доходов [21].

Конкретные данные о снижении указанных показателей представлены в таблице 1.3.

Таблица 1.2

Характеристика темпов роста факторов производства СССР, в %*

Основные показатели	1966–1970 годы (восьмая пятилетка)	1971–1975 годы (девятая пятилетка)	1976–1980 годы (десятая пятилетка)	1981–1985 годы (один- надцатая пятилетка)
Число занятых в народном хозяйстве	3,2	2,5	1,9	0,9
Основные производственные фонды	8,1	8,7	7,4	6,4
Капитальные вложения	7,6	7,4	5,2	3,3

*Источник: данные из личного архива автора, основанные на конспекте одного из номеров Информационного бюллетеня ЦК КПСС за 1986 год.

Таблица 1.3

Динамика эффективности основных фондов и капвложений в народном хозяйстве СССР, в %*

Основные показатели	1966–1970 годы (восьмая пятилетка)	1971–1975 годы (девятая пятилетка)	1976–1980 годы (десятая пятилетка)	1981–1985 годы (один- надцатая пятилетка)
Фондоотдача	– 5,0	– 16,0	– 15,0	– 5,0
Эффективность капитальных вложений	– 10,0	– 11,0	– 2,0	– 5,0

* Источник: составлено автором по [2, с. 109, 125].

Снижение фондоотдачи означало на практике сокращение производства продукции. Например, в X пятилетке ее снижение в капитальном строительстве на 5 % обошлось экономике потерями на сумму 25 млрд руб. Особенно ошутимым было снижение фондоотдачи с ежегодным темпом 3,3 % в годы XI пятилетки, что отражало ухудшение использования инвестиций, удлинение сроков их окупаемости [30, с. 158].

Низкая эффективность капиталовложений еще в 1960-е годы стала причиной отказа от реформы, предложенной А. Косыгиным, предполагающей внедрение новых экономических методов управления, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и широкое использование инновационных приемов материального стимулирования.

Усиливались диспропорции в структуре экономики между отраслями, производящими средства производства (группа «А») и предметы потребления (группа «Б»). Так в легкой и пищевой промышленности, приходящихся на группу «Б», было сосредоточено лишь 10 % основных производственных фондов. В результате этого доля предметов потребления в 1985 году составила 25,2 % в общем объеме валовой продукции промышленности [227, с. 164]. В то же время лишь четвертая часть выпускаемой промышленной продукции соответствовала мировым стандартам. Поэтому не случайно СССР по экспорту машин и оборудования к середине 1980-х годов уже уступал некоторым развивающимся странам. Отсюда — столь высокая доля в экспортных поставках топливно-энергетических ресурсов и продовольствия.

Важным социальным последствием сложившегося «перекоса» в структуре советской экономики стала проблема дефицита потребительских товаров, которая вызвала диспропорцию между наращиванием денежных доходов населения и необеспеченностью потребительского спроса на товары народного потребления.

Усилению структурных диспропорций в экономике способствовало и гипертрофированное развитие военно-промышленного комплекса (ВПК), на который работали не только целые отрасли, а и города (в Украине — это Днепропетровск, Николаев, Харьков). В предприятия ВПК направлялись огромные финансовые средства, современные технологии, инновации, материальные и человеческие ресурсы.

Сложившиеся структурные диспропорции развития экономики вели к ухудшению состояния социальной сферы, поскольку средства на науку, образование, культуру, здравоохранение, социальную защиту населения выделялись по остаточному принципу.

Тенденция роста производства продукции при сокращении его темпов была присуща и развитию сельского хозяйства. Из пятилетки в пятилетку росло и потребление основных продуктов питания на душу населения (табл. 1.4).

В сельское хозяйство (в сопоставимых ценах) осуществлялся постоянный рост капиталовложений: в девятой пятилетке — 134,4 млрд руб., десятой — 175,2 млрд руб., одиннадцатой — 204,6 млрд руб., что составляло соответственно 23,7 %, 24,4 % и 24,4 % всех капитальных вложений, направляемых в народное хозяйство [159, с. 261, 367].

Рост инвестиций и укрепление материально-технической базы сельского хозяйства способствовал увеличению его натуральных показателей: за 1971–1985 годы среднегодовое производство мяса вы-

росло на 15 %, молока — на 8,2 %, яиц — 44,0 % [158, с. 202; 159, с. 180–181]. Но при этом не удалось увеличить производство зерна, что было связано с неблагоприятными погодными условиями, которые отрицательно повлияли на урожайность зерновых культур.

Таблица 1.4

Темпы прироста основных показателей сельского хозяйства СССР, в %*

Основные показатели	1966–1970 годы (восьмая пятилетка)	1971–1975 годы (девятая пятилетка)	1976–1980 годы (десятая пятилетка)	1981–1985 годы (один- надцатая пятилетка)
Валовая продукция сельского хозяйства	21,0	13,0	8,6	5,5
Продукция растениеводства	22,4	8,5	9,4	2,8
Продукция животноводства	20,3	8,3	7,9	7,5

*Источник: составлено автором по [157, с. 313; 158, с. 204; 159, с. 186].

Несмотря на сокращение темпов прироста совокупной валовой сельскохозяйственной продукции в годы XI пятилетки по сравнению с VIII пятилеткой в 3,8 раза, СССР оставался наибольшим мировым производителем пшеницы, ржи, ячменя, овса, сахарной свеклы, подсолнечника, льна-долгунца, картофеля, молока, яиц [88, с. 92]. Валовая продукция сельского хозяйства в середине 1980-х годов составляла 85 % соответствующей продукции США [176, с. 103–104]. Однако обеспечить потребности населения собственным продовольствием не удалось: каждый третий килограмм растительного масла, пятый — сливочного масла, десятый — мяса, второй — сахара и сухопродуктов ввозились из-за границы. Следует заметить, что продовольственные товары импортировались практически всеми развитыми странами, население большинства из которых уступало по своей численности населению СССР. К тому же Советский Союз был одним из основных мировых экспортеров продовольствия, вывоз которого приносил большие валютные поступления, направляемые на закупки современной техники и товаров народного потребления.

Главной проблемой сельскохозяйственного производства СССР была его низкая эффективность. В 1970-е годы в сельское хозяйство было направлено 383 млн руб., что составляло 20–27 % всех инвести-

ций страны (в США — 4 %). Здесь было занято 25 % самодеятельного населения, а в США — 3 %, но производительность труда была в 4–5 раз выше, чем в сельском хозяйстве Советского Союза. Острота потребности в продовольствии смягчалась за счет развития личных подсобных хозяйств населения, в которых производилось 30 % общего объема сельскохозяйственного производства. Кроме этого, государство покрывало разницу между закупочными ценами на сельскохозяйственную продукцию и розничными ценами на продовольствие в торговой сети [97]. Для удовлетворения потребности населения в хлебобулочных изделиях осуществлялись закупки зерна за рубежом, которые не прекращались и после принятия Продовольственной программы СССР.

Оценивая в целом уровень развития сельского хозяйства в 1970–1985 годы, необходимо не забывать, что за этот участок работы в ЦК КПСС нес персональную ответственность М. Горбачев.

Снижение темпов развития народного хозяйства в 1970–1985 годы отрицательно сказалось на благосостоянии населения. Потерпела фиаско не только идея построения к 1980 году коммунизма в СССР, но даже не была разрешена проблема преодоления отставания от уровня развития западных стран, более того была утрачена сама надежда на подобное достижение.

При общем росте расходов на развитие социально-культурной сферы их удельный вес в национальном доходе и государственном бюджете непрерывно сокращался. Доля расходов на жилищное строительство в общем объеме капитальных вложений на 1970–1984 годы снизилась с 17,1 % до 15,4 %, а на строительство учреждений науки, культуры, искусства и народного образования с 5,5 % до 4,6 % [35]. Высокой оставалась дифференциация обеспечения жильем, сохранялся разрыв между потребностью в жилье и возможностью ее удовлетворения. Для получения жилья многим семьям приходилось его ждать одно-два десятилетия. Но тем не менее жилье предоставлялось бесплатно. А об объемах жилищного строительства в 1970–1980-е годы в Одессе свидетельствует появление двух новых микрорайонов (поселки Таирова и Котовского), где проживает более трети населения миллионного города.

Функционирование советского государства с его плановой системой управления требовало наличия громоздкого управленческо-бюрократического аппарата. По этой причине количество общесоюзных и союзно-республиканских министерств выросло с 29 в 1965

году до 160 к середине 1980-х годов. Общая численность управленцев составила 18 млн человек (один управленец на семь работающих). На содержание такого аппарата ежегодно расходовалось более 40 млрд руб. [35].

Несмотря на это, в бюджете страны еще оставались средства для повышения благосостояния народа прежде всего посредством роста зарплаты, которая, кстати, не была единственным источником реальных доходов советских людей. С целью выравнивания возможностей различных групп населения, уменьшения неравенства, создания социальных лифтов для реализации личного потенциала через государственное финансирование образования, науки, здравоохранения, физкультуры и спорта, отдыха трудящихся и членов их семей, а также социальных выплат (пособия по нетрудоспособности, по беременности и родам, отпускные) использовались общественные фонды потребления. За счет этих фондов в конце 1980-х годов население СССР получило дополнительно около 40 % ежемесячного дохода, не считая расходов государства на строительство жилья, медицинских и образовательных учреждений (1400 руб. в год на семью) [162].

Особое место в системе доходов занимали неучтенные доходы граждан СССР, приходящиеся на теневую экономику, обороты которой к концу 1980-х годов составляли по разным оценкам от 100 до 250 млрд руб. (15–25 % национального дохода). В этой сфере было занято около 40 млн человек. Экономический и социальный урон, наносимый функционированием «теневого рынка», заключался в отчуждении его дельцами примерно седьмой части доходов трудящихся в середине 1970-х годов и 21 % — в 1985 году [201, с. 37].

Одной из составляющих «теневого экономики» была сеть специальных магазинов «Березка» и «Внешпосылторг», предназначенных для иностранцев и советских граждан, работавших за границей и получавших зарплату в твердой валюте: дипломаты, деятели искусства, журналисты, военные, техники, консультанты при правительствах иностранных государств. Они отдавали государству заработанную валюту и в обмен получали сертификаты, которые могли использовать для покупок в указанных магазинах, в которых было изобилие импортных, а также отечественных товаров высокого качества. В Одессе к этой категории относились и моряки, уходящие на суда Черноморского морского пароходства (ЧМП) в длительные заграничные плавания. Сертификаты были предметом обмена. Немалая часть населения

стремилась их приобрести, как и валюту за рубли: чаще всего подобный обмен происходил возле сети спецмагазинов (один из которых находился на пересечении проспекта Шевченко и Шампанского переулка), возле гостиниц «Лондонская», «Красная». Существовали и другие виды коммерческих услуг, предназначенных для отдельных групп населения, начиная с функционеров высокого уровня и заканчивая распродажей товаров для сотрудников отдельных учреждений и предприятий, таких как ЧМП.

Наиболее ходовые или дефицитные товары скупались самими работниками государственной торговли и затем перепродавались частным путем по более высоким ценам на одесском толчке, по месту работы или жительства, а то и просто в местах массового скопления людей. Явление это стало настолько распространенным, что в результате именно среди этой категории людей зародилась пребывающая в зародышевом состоянии система «первичного накопления» капитала. А одесские евреи умудрялись «делать деньги» и на газводе, дозируя расход сиропа и газа. Немалая часть предприимчивых одесситов зарабатывала не облагаемые налогом деньги, оказывая услуги по пошиву одежды и обуви. Наиболее успешную и достаточно массовую категорию «теневиков» составляли «цеховики», владеющие подпольным бизнесом, которые на выходные дни часто вылетали в Ташкент или Тбилиси на плов и шашлыки: благо стоимость авиабилетов колебалась в диапазоне 80–50 руб. в оба конца, на такую же сумму можно было «накрыть стол» для десятка людей.

Трудно измеримый урон воротилы теневой экономики нанесли существующему общественному строю. Они не только находились в конфликте с законом, а были кровно заинтересованы в свержении советской власти. Именно из этой социальной среды вышли ярые сторонники «перестройки», которые уже на постсоветском пространстве делают свое грязное дело, расхваливая на все лады М. Горбачева за развал СССР, благодаря чему они приобрели за бесценок богатства, созданные трудом нескольких поколений советских людей.

Поэтому неслучайно Ю. Андропов начал свою деятельность на посту генерального секретаря ЦК КПСС борьбой с «теневиками». Еще будучи председателем КГБ СССР, он стал инициатором громких судебных дел и закрытого письма ЦК КПСС партийным организациям страны о борьбе с хищениями социалистической собственности (октябрь 1981 года), в котором приводились факты хищений в крупных размерах во всех отраслях народного хозяйства. В начале 1980-х

годов самым крупным было судебное «дело Океан» — об экономических преступлениях в системе Министерства рыбного хозяйства СССР, по которому к следствию привлечлось около 12 тыс. человек, а отдельные его фигуранты попали под расстрельные статьи [70].

Конечно, было бы преувеличением рассматривать меры по борьбе с нетрудовыми доходами как альтернативу «перестройке» (точка зрения А. Лукьянова и Н. Рыжкова), но и нельзя было игнорировать первостепенность такой работы для последующего реформирования советского общества.

В свете изложенного обоснованным является вывод о том, что в 1970—1985 годы проявился кризис советского общества, который охватил все отрасли народного хозяйства и сферы общественной жизни — идейно-духовную, экономическую, социальную, политическую. К этому времени исчерпала себя как таковая мобилизационная модель развития экономики, основанная на экстенсивных факторах и внеэкономическом принуждении. Сложившаяся система хозяйствования оказалась не адаптивной к достижениям научно-технического прогресса и экономической свободе.

Исчерпали себя и административно-командные методы управления страной, имманентно присущие советской общественной системе и пронизывающие ее сверху донизу, основу которых составляли непоколебимая вера в коммунистические идеалы и руководящую роль Коммунистической партии.

Уже в середине 1950-х годов были посеяны зерна недоверия к высшему партийному руководству, к правильности избранного политического курса, что привело не только к утрате веры в возможность построения коммунизма, а и к осознанию порочности реализации подобной идеи в стране, преодолевшей капитализм не наяву, а в своих извращенных представлениях его сути.

Речь идет не только о решениях XX съезда КПСС, осудившего культ личности И. Сталина, одним из последствий которых было ослабление монолитного единства партии и народа, а и о падении среди широких слоев населения авторитета советских лидеров, ранее казавшегося незыблемым.

Вскоре после XX партийного съезда Н. Хрущев предпринимает следующий шаг, ослабивший его позицию среди руководства партии: в 1957—1962 годы он инициирует и осуществляет реформу управления народным хозяйством СССР путем создания совнархозов, как органов территориального управления экономикой. Недостатки но-

вой системы управления народным хозяйством вскоре дали знать о себе. Это — прежде всего преобладание административных методов руководства отраслями, что требовало постоянного расширения управленческого аппарата за счет отраслевых специалистов. Ситуацию не улучшили и меры, связанные с разделением обкомов партии на промышленные и сельские.

Передача контроля над экономикой страны в руки региональных ведомств и соответствующих партийных комитетов ослабляла межрегиональные связи в стране, способствовала местничеству. Но Н. Хрущев считал, что еще большей опасностью является ведомственность, то есть преобладание интересов центральной отраслевой бюрократии.

Следующий партийный лидер — Л. Брежнев, сыгравший не последнюю роль в смещении в 1964 году своего предшественника, решивший не испытывать собственную судьбу и судьбу страны, так и не предпринял за 18 лет своего правления каких-либо решительных действий по реформированию страны, хотя такая потребность была очевидной.

Ну а дальше произошла череда смены лидеров: за два с половиной года — с ноября 1982 года по март 1985 года они менялись трижды.

Как выяснилось позже, стране на ее последнем этапе развития явно не повезло с лидером, взявшим на себя тяжелое бремя реформатора, не обладая для этого не только необходимыми знаниями, а и политической волей. Хотя получили то, что должны были получить вследствие упадка общественной морали и девальвации политической элиты.

СССР подошел к своей последней черте, имея опыт общественных преобразований и исторических испытаний не менее сложных по своим задачам (политика «военного коммунизма», «новая экономическая политика», политика сплошной коллективизации и ускоренной индустриализации, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны), но этот опыт только усилил горечь поражения.

Для полноты картины того времени важно сопоставить происшедшие изменения с альтернативами «перестройке» в их историческом контексте.

1.3. ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН И АЛЬТЕРНАТИВЫ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исторический процесс, как эволюционно саморазвивающийся, скорее существует как теория, чем практика. Это означает, что в своей основе он движим не только посредством проявления общественных тенденций и закономерностей, а и влиянием на их ход внутренних и внешних факторов. Кроме различного рода социальных проектов, разрабатываемых в разные периоды советской истории руководством страны, свою заинтересованность в ее судьбе проявляли и лидеры западных стран. После неудачной попытки уничтожения СССР во Второй мировой войне фашистской Германией и ее сателлитами, уже в ее конце лидеры США приступили к реализации доктрины А. Даллеса, направленной на разрушение своего бывшего союзника по антигитлеровской коалиции изнутри. В секретном докладе ЦРУ «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», адресованном американскому конгрессу, указывалось следующее: «Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить» [151, с. 186].

Надо заметить, что этот коварный план в конечном итоге сработал, когда за такую фальшивую ценность была принята так называемая «перестройка» — псевдополитика по реформированию СССР. И главным в ней был вопрос не о том, были ли ее инициатор и «проураб» (М. Горбачев и А. Яковлев) проводниками американских интересов. Бесспорно то, что лидеры западных стран не только внимательно следили за перестановками в советском руководстве начала 1980-х годов, а и проявляли заинтересованность в приходе к власти не кого-нибудь, а именно М. Горбачева. И пальма первенства в этом вопросе принадлежит не М. Тетчер, как приятно считать (тем более, что ее первое впечатление от встречи с М. Горбачевым в Лондоне в 1984 году не было восторженным), а премьер-министру Канады П. Трюдо. Именно он был первым, кто с симпатией отнесся к М. Горбачеву во время его визита в Канаду в 1982 году, организованного тогдашним советским послом А. Яковлевым. Поразительным было то, что весной 1984 года Дж. Буш-старший сказал представителю Советского Союза на Женевской конференции по разоружению, проходившей в 1980-х годах, В. Исраэлю: «Вашим следующим лидером будет Горбачев» [160].

Куда важнее то, что в «перестройку» поверило большинство граждан Советского Союза, приняв ее за демократический способ обновления социализма. Для веры в исцеляющую миссию «перестройки» была подготовлена благоприятная психологическая атмосфера, связанная с необходимостью преодоления как «родимых» пятен социализма, так и его искажений и деформаций, допущенных в ходе практики социалистического строительства, многие из которых уже упоминались ранее.

К внешнему фактору, сопутствующему успешной реализации доктрины А. Даллеса, следует отнести и неблагоприятно складывающуюся для СССР внешнеполитическую конъюнктуру. К середине 1980-х годов, ознаменовавшихся переходом от политики холодной войны к разрядке международной напряженности, советская официальная идеология зашла в тупик, так и не найдя адекватного ответа на вызов нового времени в международных делах.

В свою очередь, идейный противник в информационной войне успешно сочетал критику недостатков советского строя с демонстрацией преимуществ западного образа жизни, в которых граждане СССР имели возможность убедиться сами во время туристических и деловых поездок в капиталистические страны.

К тому же в Советском Союзе после хрущевской «оттепели» выросло новое поколение людей, воспитанных на критическом отношении к социализму и к советской действительности, которые уже вышли из плена патерналистского сознания, готовые морально и материально к собственной гарантированной уверенности в завтрашнем дне.

Был положен конец и монолитному единству в руководстве страны и правящей партии, прежде представленном преимущественно людьми одного поколения, прошедшими через горнило трудовых и боевых сражений за идеалы социализма, и в большинстве своем не способных к кардинальным переменам в силу своих консервативных взглядов и почтенного возраста. Со временем их ряды пополнились приверженцами либеральных ценностей, но с партийными билетами в нагрудных карманах, среди которых были секретари ЦК КПСС А. Яковлев и В. Медведев, имеющие научную степень доктора наук — исторических и экономических соответственно. Но не научные степени были определяющими в поведенческой линии этих руководящих работников, а их политическое приспособленчество и отсутствие государственной позиции.

В этой связи вспоминается одно из всесоюзных совещаний 1989 года лекторов партийных комитетов, на котором в числе других было и выступление В. Медведева, который пытался убедить высококвалифицированную аудиторию, состоящую преимущественно из докторов и кандидатов наук, в том, что дело «перестройки» за малым — заменой «перекрытия» общественного здания, фундамент которого является весьма прочным. После его выступления в атмосфере зала витала мысль: то ли секретарь ЦК лукавит, то ли держит аудиторию за простачков.

Нечто иное двумя годами ранее заявил на совещании в ЦК Социалистической единой партии Германии ее секретарь К. Хагер: «Если ваш сосед переклеивает обои в квартире — неужели вы считаете, что обязаны переклеить их тоже?» [110]. Очевидно, что с помощью аллегории главный идеолог ГДР, не прибегая к прямой критике горбачёвского курса, дистанцировался от советского влияния, полагая, что гласность и реформы имеют значение только для СССР, но не для ГДР.

Сравнивая два оценочных подхода к «перестройке» со стороны ведущих идеологов СССР и ГДР, надо учитывать временной отрезок, разделяющий их. Если в случае с К. Хагером речь идет о ее начальном этапе (апрель 1987 года) и с ее не восприятием как политического курса, то ничем не обоснованный энтузиазм В. Медведева в оценке «перестройки» на этапе ее заката свидетельствует по меньшей мере о близорукости первых лиц советского государства.

Для полноты характеристики профессиональных и моральных качеств советских руководителей той поры обратимся к теоретическому наследию О. Шпенглера. Выражаясь языком немецкого философа, замечу, что среди руководителей КПСС «оказалось так мало таких, которые понимали мир и стояли вровень с ним, обладали талантом мыслителя» [262, с. 15].

Социальная система, построенная на диктате одного класса над другими, на насилии, воспроизводит соответствующий тип государственного деятеля. Если в XIX столетии среди правящего класса преобладала аристократия по крови и традициям, то в последующем веке этот класс просто исчез, а аристократы по духу, которым, по К. Ясперсу, «...было присуще чувство меры, внутренняя культура» [274, с. 95], оседали в силу искусственного отбора на нижних ступенях социальной лестницы. Среди партноменклатуры высшего звена преобладали люди среднего типа, не способные к компромиссу и то-

лерантности, отдающие приоритет насилию, если не физическому, то нравственному.

Эти люди не просто вышли из народа, а являются его частью, о чем сам народ иногда забывает. Советский народ к концу XX столетия все больше превращался в население, утрачивая свою душу, для которой характерным является внутреннее переживание «мы», так проявившееся у него в военный и послевоенный период.

Современному поколению украинских граждан следовало бы учесть замечание О. Шпенглера [263, с. 172] о том, что именно духовное единство, а не языковые, политические, зоологические признаки важны при определении морфологии народов, как и то, что политически одаренных народов не существует в природе. Есть лишь такие народы, которые крепко удерживаются в руках правящего меньшинства. А это возможно, если народ, как например, англичане, владеет традицией доверия. Поэтому политическая одаренность народа есть не что иное как доверие к руководству.

В связи с этим возникает вопрос: на чем должно быть основано такое доверие? Ответ на него в свое время дал А. Дж. Тойнби, доказав, что цивилизации развиваются через «жизненный прорыв», который переносит их от вызова через ответ к дальнейшему вызову, и это развитие имеет внутренний и внешний аспекты. Механизм развития цивилизаций — дело рук творческих индивидов или творческого меньшинства. Нетворческое большинство остается сзади до тех пор, пока первопроходцы изобретут способ подтянуть арьергард к собственным далеко выдвинутым вперед позициям. Для приведения в действие указанного механизма следовало выполнение двух универсальных условий, а именно — наличие усилий на вызов творцов новаторской идеи и усилий со стороны других, готовых к восприятию этой идеи и приспособлению к ней. Иначе говоря, важно, чтобы проявления инициативы и акты послушания сливались воедино. Активную роль в этом процессе играет творческое меньшинство, которое должно побуждать инертное большинство откликаться на его призыв. Для этого необходимо, чтобы большинство оказалось способным к мемезису (наследованию) «культурной радиации», которую генерирует меньшинство, черпающее творческую силу из мистического вдохновения (психического опыта) [233, с. 219, 220].

В контексте цивилизационной концепции «вызова—ответа» А. Дж. Тойнби социально-экономическое, политическое и духовное состояние советского общества середины 1980-х годов может быть оха-

рактировано как кризисное. Авангард этого общества (партийно-государственное руководство) не отвечал требованиям, предъявляемым к творческому меньшинству, представляя собой правящее меньшинство, к тому же не только утратившее способность к генерированию адекватных вызовам времени решений, а и утратившее доверие и поддержку со стороны нетворческого большинства (народных масс).

Не на должном уровне оказалась ведущая часть нетворческого большинства — братьев хлеборобов (интеллигенция), призванная, согласно В. Липинскому [120], обеспечивать неразрывную связь между правящей элитой и широкими слоями народа.

На самом деле, трудно представить ситуацию мимезиса без связующей роли в процессе наследования идейного вдохновения и его трансформации в практические дела, без наличия активной и интеллектуально развитой части общества. Формально советская интеллигенция существовала, выполняя роль покорной служанки КПСС, представители которой в различных уголках страны состязались между собой в искусстве прославления руководящей и направляющей роли КПСС, ведущей советский народ к коммунизму.

Рассмотрение вопроса о предопределенности исторических событий исследуемого периода в контексте назревших общественных перемен под углом зрения цивилизационного подхода предполагает проведение своего рода демаркационной линии между состоянием общественного сознания до, в период «перестройки» и спустя три десятка лет по тому. Тогда мало кто осмеливался публично поставить под сомнение социалистический характер проводившихся общественных преобразований, хотя не обошлось без лукавых и открытых противников «перестройки». Сегодня, в коренным образом изменившемся обществе, далеко не во всем и не для всех в лучшую сторону можно встретить диаметрально противоположные точки зрения на сущность трансформации советского общества в конце XX столетия. Одни считают произошедшее неизбежным результатом общественного развития. При этом инициаторы «перестройки» предстают как герои своего времени или же как злые гении. Другие демонстрируют уверенность в незыблемости дела социализма и в существовании заговора против него, а к врагам социализма относят не только руководителей западных стран, а и М. Горбачева. Но существует и третья сторона, представленная украинским руководством, которая не только не желает ничего слышать о прошлом, но и поставила его вне закона. Такую позицию мало назвать странной, она является попросту аб-

сурдной и общественно опасной. Хотя этому есть свое объяснение: не только «патриотическая» часть украинского социума, а и славянство в целом по многовековой традиции мало интересуется своим прошлым, в отличие от представителей западной цивилизации. В свое время леньность славянского ума и отсутствие здорового любопытства отмечали А. Пушкин, Н. Некрасов, другие классики русской литературы. То есть прошлое банально замалчивается, не говоря уже о поиске причин, объясняющих поступательный ход истории.

М. Блок в своих произведениях неоднократно обращал внимание не только на опасность забвения прошлого, а и постулирования причин в истории, политике или в какой-то другой сфере, их необходимо искать и устанавливать, не допуская ошибок, избегая суждений задним числом. Признавая неизбежность событий, указывал французский историк, мы забываем о действиях людей, которым приходилось принимать решения под большим давлением [14].

Давление — это не что иное как деятельность преследующих свои интересы субъектов истории и вызовы времени. Но в любом случае ответственность за судьбоносные решения лежит на высокопоставленных лицах, принимающих эти решения.

Нельзя утверждать, что советскому типу руководителя, а тем более высшего уровня, не было присуще чувство ответственности за порученный участок работы и принимаемые решения по вопросам, относящимся к их компетенции. Совсем другое дело, когда речь идет о «священной корове» — коммунистической идеологии. За ее состояние отвечали — все (Политбюро ЦК КПСС) и никто конкретно. Здесь можно согласиться М. Джиласом, который еще в 1961 году заметил, что «после Ленина и Сталина пришло то, что должно было прийти: посредственность в образе коллективного руководства... Настала эпоха практиков, новый класс был создан, но никаких новых идей у него нет» [61, с. 68, 69]. Что называется не в бровь, а в глаз — бывший член Политбюро Союза Коммунистов Югославии, а впоследствии политический заключенный, хорошо знал природу правящего класса СССР и других социалистических стран. Одно дело строго блюсти чистоту рядов коммунистов, ревниво относиться к всякого рода посягательствам на незыблемость идейных устоев коммунизма, и совсем другое дело — творчески развивать саму марксистско-ленинскую теорию. Никто из руководства партии после В. Ленина не обладал ни подобным ему уровнем теоретической подготовки, ни опытом преобразовательной деятельности (реформы И. Сталина и Н. Хрущева принесли

больше вреда, чем пользы социализму). Кроме этого, никто из советских лидеров психологически не был готов выступать в роли нового теоретика (упомянутая ранее статья Ю. Андропова о совершенствовании развитого социализма — не столько исключение из общего ряда, сколько слабое утешение от безысходности ситуации). А как известно, без теории, освещающей путь продвижения к коммунизму, общество развиваться не может. Такое положение и дало А. Зиновьеву повод для следующего умозаключения: «кризис советского общества начал созревать на высотах идеологии и власти, а не в сфере экономики» [81]. Поэтому М. Горбачеву сразу же после прихода к власти следовало бы не вызывать к себе на помощь из Сибирского отделения АН СССР А. Аганбегяна с его пресловутой концепцией «ускорения социально-экономического развития страны на базе активизации человеческого фактора», а самому взяться за дело. Бывший помощник комбайнера хотя и не был выпускником Оксфорда, но все же обучался в ведущем советском университете. Такой расчет на личностные качества нового генсека был бы вполне оправданным, если бы речь шла о человеке, неустанно работающем над собой с юных лет. А на проверку оказался молодой человек, пришедший в престижное высшее учебное заведение не за знаниями, а за дипломом, открывавшим хорошие карьерные перспективы. Правда, можно было положиться на доморожденного философа, советами которого он не брезговал, однако багаж научных знаний Р. Горбачевой ограничивался ее авторством брошюры о культуре социалистического быта сельского населения, изданной Ставропольским книжным издательством.

Коммунистическая идеология в ее советской версии, как способ овладения общественным сознанием, имела своей целью представление коммунистической идеи в виде преобразователя реальности. Этому способствовал, как считал Н. Бердяев [12], исторически сложившийся коммунальный, общинный дух, сформировавшийся задолго до появления марксизма. Поэтому коммунистическое учение, пришедшее в Россию из Европы, на самом деле не было для нее таким чужим, как казалось поначалу.

Подобного типа коммунизм в виде описанного производства реальности является ничем иным, по Ж. Бодрийяру [16], как симуляцией. Такую подмену отсутствующей реальности французский исследователь называет «симулякром» (от лат. *simulacrum* — подобие, копия) — атрибутом новой реальности, которая не содержит субстанциональной основы. Идею самоценности знаков, совокупность

которых составляет литературный текст без их привязки к определенному материальному воплощению, Д. Макклоски определяет как риторику, то есть искусство убеждения [133].

Таким образом, к 1985 году коммунизм в СССР дискредитировал себя по трем направлениям: как реальность, как идея и как искусство убеждения.

Но весь трагизм ситуации заключался в том, что ни в «предперестроечный», ни в «перестроечный» периоды никто в руководстве страны даже не поднялся до уровня понимания, постановки, а тем более разрешения этой проблемы. Как здесь не вспомнить слова великого Г. Плеханова о том, что «русская история ещё не смогла той муки, из которой будет испечён пшеничный пирог социализма».

И все же проблема не в терминах, которые передают тот или иной смысл общественных трансформаций, а в жизненных ценностях, которые отражают смысл существования человечества. В связи с этим ключевым является вопрос: большой дефицит чего испытывали отцы «перестройки» — ума или нравственности, а возможно, первого и второго?

Устои социализма как теории и практики были во многом подорваны вследствие развития на Западе во второй половине XX столетия концепции постиндустриального общества, снявшей проблему преодоления ленинской версии империализма как высшей стадии капитализма и кануна социалистической революции. Эта концепция дала также толчок дальнейшему развитию ключевого постулата теории индустриализма Р. Арона о том, что «...Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, а представляет собой единую реальность — индустриальную цивилизацию» [276, с. 42].

Р. Арон перечисляет специфические особенности советского промышленного роста. В их числе он указывает на: 1) изменение порядка развития индустрии (на Западе более простые отрасли индустрии сменялись более сложными: легкая промышленность — производством радиотехники и электроники и т. д. В СССР же были созданы сложные производства, тогда как легкая промышленность оставалась неразвитой); 2) несоразмерно низкий третичный сектор; 3) рост производства за счет потребления, в нем доминировали требования создания «экономическо-военной силы» государства, государственные интересы преобладали над частно-потребительскими. И между тем обе модели роста, западная и советская, казались ему равноценными

в смысле выполнения стоявших перед ними задач, обе они казались ему вполне рациональными (в одной — производство подчинялось законам прибыльности, в другой — плановым показателям) и одинаково работоспособными. Советская модель роста, убежден Р. Арон, будет осуждена на гибель в момент, когда советские потребители станут более требовательны и советские плановые органы столкнутся с необходимостью приспособить производство к их нуждам. Тогда они будут вынуждены обратиться к экономическому расчету, к заботам о рентабельности, и советская экономика начнет сближаться с западной. Так и произошло, революция 1991 г. была, с его точки зрения, в первую очередь революцией потребителей (а уже потом демократической, антикоммунистической, антитоталитарной и т. п.) [251].

Таким образом, советская модель перехода от отсталых форм индустриального развития к построению социализма в его стадии «совершенствования», совпавшей со вступлением наиболее развитых стран в период постиндустриального развития, содержала в себе скрытые риски, проявившиеся на завершающем этапе «перестройки» крахом самой системы. Огромные усилия, предпринятые для сохранения на прежнем уровне военно-политического паритета с мировым капитализмом, в конечном итоге не только не принесли победы над ним, а и привели к переоценке жизненных ценностей большей частью советского общества, среди которых — личная свобода и материальное благополучие, бывшие для него эфемерными на протяжении долгих десятилетий, стали приоритетными с наступлением «перестройки». Все это можно было бы зачесть М. Горбачеву в актив только при сохранении страны, которую он принес в жертву своим амбициям, не подкрепленным созидательной деятельностью на благо советского общества.

Парадигма постиндустриализма, основы которой были заложены в фундаментальном труде Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [11] и развита социологами разных идеологических направлений — консерватором У. Ростоу, умеренным либералом К. Томинатом, социалистом А. Туреном, марксистом Р. Рихтой, подтачивала основы социалистического строя с несколько иной стороны.

Крайне неудобным в идеологическом отношении для советского обществоведения был вывод Д. Белла, содержащийся в указанной книге о том, что социалистический и капиталистический миры не так уж и отличаются один от другого (рис. 1. 1).

Рис. 1.1. Модель конвергенционного развития по Д. Беллу [11]

Из приведенного рисунка следует, что различия между доиндустриальными и постиндустриальными коллективистскими странами являются более разительными по уровню их технологического развития (горизонтальная ось), чем то, что их сближает по форме собственности (вертикальная ось). В свою очередь, то, что разъединяет капиталистические и коллективистские страны по вертикальной оси, объединяет их по горизонтальной оси. Из этого следует: Советскому Союзу, как коллективистской стране для того, чтобы развиваться по пути научно-технического прогресса, следовало бы пренебречь социалистической (коллективно-государственной) формой собственности, сдерживающей ее технологический прорыв.

И в этом, с точки зрения западной социологической науки, не было ничего предосудительного. По мнению Ю. Хабермаса и Г. Маркузе, противоположные социальные системы унаследуют одна у другой как позитивные, так и негативные черты, в основе чего лежит инерционный характер общественных процессов.

Эта проблема получила детальное развитие в книге американского социолога российского происхождения П. Сорокина «Взаимное

сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960), определенному им как интегративное, маятниковое общество. По сути, в этой научной работе были заложены основы концепции конвергенции (от лат. converge — сближаюсь, схожусь). Этот термин, перешедший в социологическую науку из биологии, передает тенденцию общественного развития по сближению социализма и капитализма с их последующим синтезом в «смешанное общество», объединяющее черты и свойства каждого из них [281].

В СССР подобная идея была расценена как идеологически вредная, поэтому речь не стояла даже о том, чтобы принять во внимание самую общественную идею как таковую, не говоря уже о каком-то идейном заимствовании.

Однако данная концепция заслуживала несколько иного отношения. По меньшей мере она подталкивает исследователя, а государственного деятеля и подавно, к использованию модернизационного подхода для раскрытия сущности происходящих социальных изменений на предмет их соответствия историческим тенденциям и насущным потребностям общественного развития.

В 1980-е годы экономическая неэффективность советской модели стала очевидной для всех здравомыслящих людей: СССР проигрывал не только гонку вооружений Соединенным Штатам Америки, но и соревнование с западным сообществом в целом — в технике и технологиях, в социальном прогрессе, качестве жизни.

В связи с этим возникла необходимость осуществления социально-экономическо-технологической революции, которая позволила бы радикально изменить всю жизнь общества.

В современной литературе понятие «модернизация» употребляется в четырех значениях, как: 1) переход от традиционного общества к современному, который приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими, то, что составляет сущность концепции модернизации; 2) процесс, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед, — синоним догоняющего развития; 3) преобразования, предпринимаемые отстающими странами с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых; 4) совершенствование общества в широком смысле путем реформ и внедрения инноваций [148, с. 55–56].

Для Советского Союза актуальными были все четыре значения модернизации, но наиболее важной является первая из них, передающая сущность самой концепции модернизации.

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX столетия в условиях распада европейских колониальных империй и появления большого количества «молодых наций» в Азии, Африке и Латинской Америке (страны третьего мира). Перед последними встала проблема выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. В 1950-х — начале 1960-х годов различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее теории модернизации) на проблемы развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран третьего мира.

В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования.

В научной литературе [173, с. 147–148] выделяются четыре этапа эволюции школы модернизации: 1) вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х годов — период рождения и быстрого роста модернизационных исследований в классической версии; 2) конец 1960-х — 1970-е годы — критический период, в течение которого модернизационная перспектива подверглась значительной критике, как внутренней, так и внешней — со стороны конкурирующих теорий отсталости (зависимого развития); 3) 1980-е годы — посткритический период возрождения модернизационных исследований, в течение которого обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации, зависимости и миросистемного анализа; 4) конец 1980-х — 1990-е годы — становление неомодернизационного и постмодернизационного анализа в значительной степени под влиянием грандиозных трансформаций в странах Центральной, Восточной Европы и Евразии.

В рамках парадигмы модернизации было разработано множество моделей модернизационного процесса. Первичной среди них была линейная модель, в рамках которой процесс модернизации рассматривался как революционный, связанный с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности при переходе от традиционности к современности [173, с. 149–150]. Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники линейной модели признавали, что модернизация вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия.

В рамках линейной модели модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Сторонники линейной модели видели процесс модернизации как имманентное встраивание изменений в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, — полагали они, — это неизбежно вызывает адекватные реакции в других сферах. Линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Все общества, по мнению сторонников данной модели, можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. В рамках линейной модели процесс модернизации представлял как процесс унификации, постепенной конвергенции сообществ.

Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно не модернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, получило углубленное развитие в более поздней концепции парциальной (или частичной, «фрагментированной») модернизации [173, с. 152–154].

Парциальная модель, как и линейная, ориентировалась на изучение макромасштабных социальных явлений и процессов и осно-

вывалась на структурно-системном подходе, однако она поставила под сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации). Важнейшая характеристика линейной модели, связанная с жесткой систематизацией обществ по принципу отнесения к «традиционности» или к «современности», была основательно пересмотрена в рамках парциальной модели, сводившей традиционные и модернизированные элементы в особую взаимосвязь. При этом парциальная модель не могла выступать в качестве элементарной замены линейной модели. Ее конструирование стало реакцией на дефектность универсалистских претензий линейной модели. Созданная, так сказать, ad hoc, применительно к определенным историческим ситуациям, парциальная модель позволяла снять ряд теоретических противоречий, возникавших при исследовании с опорой на линейную модель тех случаев развития, которые блокировались слишком большими различиями между традиционными и современными (обыкновенно заимствуемыми из внешней среды) ценностями и институтами (такие ситуации нередко именуется догоняющей, неорганичной модернизацией). Ситуационно ориентированная, парциальная модель стала рассматриваться как частный, субоптимальный случай линейной модели развития.

Сталинская модернизация, имевшая характер «революции сверху», соответствовала линейной модели. Разумеется, что сталинская модернизация осуществлялась на несколько десятилетий раньше, чем появилась ее классификация как линейной. Но это не отменяет ее сущности как таковой. Опережая отношение к модернизации советских руководителей 1960–1980-х годов, укажу на то, что трактовка западными странами модернизации как антисоциалистической альтернативы для стран третьего мира стала главным тормозом ее рассмотрения как способа технологического и социального обновления социалистического общества.

Первой характерной чертой сталинской модернизации является то, что, она была «догоняющей модернизацией». Тот факт, что все попытки модернизации в России были разновидностями «революции сверху», предопределил обратную последовательность преобразований: инициативы правящего класса не были ответом на потребности гражданского общества; наоборот, они были направлены на регулирование развития гражданского общества и его потребностей.

Марксистская риторика, служившая идеологическим обеспечением сталинской модернизации, не должна вводить в заблуждение, когда сталинские преобразования преподносятся как уникальные, не имевшие аналогов в истории. Сталинская модернизация оказалась прочно связанной с подготовкой к войне, и если эта подготовка заклонила собой конечные цели преобразования («построение социализма в отдельно взятой стране» в марксистской терминологии), то на тот момент это было вполне оправданно, так как была возможность исчезновения и субъекта и объекта модернизации [68, с. 394].

В конечном итоге отказ от попытки продолжения сталинской модернизации, в некотором смысле ее завершения, привел к гибели той политической системы, которую она же и создала, и к гибели рожденной потребностями модернизации государства.

Западная историография интерпретирует российскую октябрьскую революцию 1917 года и преобразования в Советской России вплоть до 1928 года (начало реформ сталинского режима) в свете современной версии теории модернизации.

Один из представителей этого направления Т. Мартин выразил свою позицию следующим образом: «модернизация — это теория советских намерений, неотрадиционализм — это теория их незапланированных следствий» [140, с. 176]. Такую логику рассуждений сложно принять, поскольку недопустимо противопоставление идеи, ее воплощения в социальном проектировании процессу их реализации, в ходе которого, естественно, трудно избежать просчетов и ошибок. Следовало бы вести речь об успешности или неудаче того или иного социального проекта. Если рассматривать общественные преобразования в СССР, в том числе и «перестройку», как модернизацию, то надо согласиться с тем, что это был способ преодоления отставания Советского Союза от развитых западных стран реформистским способом.

В советской модернизации изначально было заложено трудноразрешимое противоречие. С одной стороны, это «догоняющая» (западные страны) модернизация, вызванная неразвитостью капитализма в предшествующий период исторического развития. С другой стороны, для решения этой задачи номинально использовались средства, чуждые капитализму: коллективистское начало, социалистическая форма собственности, административно-плановая система управления, коммунистическая идеология, нематериальные средства стимулирования. Исходя из этого, советский проект модернизации по сво-

им целевым установкам, средствам и инструментам их реализации был антиподом западной модернизации.

Можно согласиться с тем, что в те или иные периоды советской истории использовались разные модернизационные проекты [94].

Попытки их осуществления предпринимались и в послевоенный период, в котором переплелись «оттепель», хозрасчет при сохранении доминирующей роли планирования, «перестройка» с отказом от руководящей роли КПСС и плановых основ ведения народного хозяйства.

Период 1970–1985 годов явился не столько «застойным», сколько консервативным, для которого приоритетным был курс не на развитие, а на стабилизацию и удержание достигнутых позиций во внутренней и внешней политике с осуществлением оздоравливающих экономических мероприятий точечного характера с целью разрешения неотложных проблем. На фоне такого «затишья» реформы М. Горбачева поначалу казались прорывными и такими, которые не несут угрозы существующему строю.

По большому счету негативную оценку «застойному» периоду следовало бы отнести не к оценке общественного развития, а к бездеятельности руководства страны, а также к стагнации общественных наук, развивающихся исключительно в русле господствующей идеологии с ее формационными стереотипами.

Консерватизм Л. Брежнева и его окружения можно объяснить шоком, вызванным хрущевской критикой культа И. Сталина, а также неосознанием всей сложности реализации задачи построения коммунизма в обществе, испытывающем дефицит в элементарных качественных товарах народного потребления.

Отсюда, по мнению М. Антонова, — такое настороженное отношение к реформе А. Косыгина, статье профессора Харьковского инженерно-экономического института Е. Либермана «План, прибыль и премия», в которой шла речь о необходимости повышения эффективности народного хозяйства за счет отказа от системы валовых показателей и введения вместо них таких экономических категорий как прибыль и рентабельность [5, с. 331].

Следует заметить, что на самом деле с именем Е. Либермана связаны не одна, а три научные публикации, имеющие прямое отношение к проблеме эффективности советской экономической системы: две статьи в газете «Правда» (1962 и 1964 годы) и статья в журнале «Вопросы экономики» (1962 год). Не меньший общественный резонанс

имела и дискуссия, развернувшаяся в СССР и в зарубежных научных изданиях вокруг вопросов, поднятых харьковским профессором.

Свою задачу как экономиста Е. Либерман видел в том, чтобы «найти достаточно простое и вместе с тем обоснованное решение одной из важнейших задач, поставленных в Программе КПСС: построить систему планирования и оценки работы предприятий так, чтобы они были жизненно заинтересованы в наиболее высоких плановых заданиях, во внедрении новой техники и улучшении качества продукции, словом, в наибольшей эффективности производства» [119, с. 421].

Для этого им был предложен ряд мер: «1. Установить, что планы предприятий после согласования и утверждения объемно-номенклатурной программы полностью составляются самими предприятиями. 2. Чтобы гарантировать государственную добросовестность и заинтересованность предприятий в максимальной эффективности производства, установить единый фонд для всех видов материального поощрения, в зависимости от рентабельности (от прибыли в процентах к производственным фондам). 3. Централизованно утвердить в качестве нормативов длительного действия шкалы поощрения в зависимости от рентабельности для различных отраслей и групп предприятий, находящихся примерно в одинаковых естественных и технических условиях. 4. Усилить и улучшить централизованное планирование путем доведения обязательных заданий (контрольных цифр) только до совнархозов (исполкомов, ведомств). Ликвидировать практику разверстки заданий со стороны совнархозов между предприятиями по «достигнутому уровню». Обязать совнархозы на основе экономического анализа проверять, оценивать и улучшать самостоятельно разработанные предприятиями планы без изменения при этом шкал рентабельности как базы для поощрения предприятий. 5. Разработать порядок использования единых фондов поощрения из прибылей предприятий, имея в виду расширение прав предприятий в расходовании фондов на нужды коллективного и личного поощрения. 6. Установить принцип и порядок гибкого образования цен на новые изделия с таким расчетом, чтобы более эффективные изделия были рентабельны и для производителей и для потребителей, то есть для народного хозяйства в целом» [119, с. 430–431].

После появления статьей Е. Либермана западная пресса использовала термин «либерманизация» советской экономики, ассоциируя его с либерализацией административно-командных методов управления. В СССР вокруг проблем, поставленных Е. Либерманом,

в 1962—1964 годы развернулась общесоюзная экономическая дискуссия, в ходе которой идеи провинциального ученого были поддержаны не только видными советскими экономистами В. Немчиновым и С. Струмилиным, а и руководителями предприятий, специалистами Госплана.

Это объясняется ситуацией начала 1960-х годов, проявившейся в закате хрущевской «совнархозной» реформы, на фоне которого идеи Е. Либермана выглядели достаточно актуальными и новаторскими.

Однако выбор, который был далеко не простым, оставался за властью. Согласно советской доктрине, рынок являлся институтом не только чуждым социалистической системе хозяйства, но и идеологически ей враждебным. Рыночная стихия трактовалась как антипод и антагонист плано-регулируемой экономики. Любые попытки обратиться к рыночным способам регулирования экономики рассматривались как идеологически вредные, а «рыночный социализм» рассматривался сторонниками социалистической идеи как такой, что подрывал основы советского строя изнутри.

Тем не менее, вопреки этому, в постановлении сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства», принятом по докладу Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, главная идея заключалась в создании условий, которые давали бы возможность предприятиям функционировать пусть и на ограниченном, но все же рынке как самостоятельным хозяйственным единицам, которые реально соотносят затраты с полученными результатами и стараются увеличить прибыль. С этой целью, во-первых, значительно уменьшалось количество директивных плановых показателей, которые доводились до предприятия централизованно, а основная их масса переводилась в разряд расчетных, разрабатываемых самими предприятиями с целью оперативного управления своей деятельностью. Во-вторых, менялось качество оценочных показателей. Вместо показателя валовой продукции вводился показатель объема реализованной продукции. В-третьих, центральной категорией хозяйственной деятельности предприятия становилась прибыль. Она теперь перечислялась в бюджет не просто почти полностью, а в виде определенной процентной доли от стоимости производственных фондов (плата за фонды). Часть прибыли, остающаяся в распоряжении предприятия, должна была использоваться для материального поощре-

ния работников, решения социальных проблем и, что было абсолют-но новым, для накопления (фонд развития производства). Эти меры дополнялись реформой оптовых цен в промышленности с целью усилить стимулирующую роль цены за счет ослабления ее перераспределительной функции, а также намерениями развивать прямые связи между предприятиями и оптовую торговлю средствами производства вместо их централизованного распределения. Предусматривалось также повысить роль кредита, который постепенно должен был вытеснить бесплатное финансирование капиталовложений и оборотных средств.

С 1966 года начался постепенный перевод предприятий на новую систему хозяйствования. К концу следующего года реформа охватила более 7 тысяч промышленных предприятий, производивших 40 % продукции и дававших более половины всех прибылей [121, с. 441].

Однако судьба косыгинской реформы была predeterminedена не столько внешнеполитической конъюнктурой, сыгравшей против нее (события 1968 года в Чехословакии, в основе которых лежала аналогичная реформа и поднятие цен на энергоносители на мировых рынках в начале 1970-х годов), сколько столкновением интересов директората и основной массы работников предприятий, прямо не заинтересованных во внедрении в хозяйственную практику хозрасчета. В итоге Советский Союз к середине 1980-х годов оказался в экономической ловушке: как поставщика энергоносителей, оказавшегося в крайне невыгодном положении, и страны, вынужденной тратить золотовалютный запас на покрытие внешнего долга, вызванного необходимостью нести соответствующие затраты на приобретение товаров народного потребления [92, с. 514–515].

На фоне реформы А. Косыгина, которую отдельные исследователи впоследствии сравнивали с «китайским путем» [152], остались без должного внимания проект кибернетика В. Глушкова (перестройка плановой экономики на основе новейших достижений электронной вычислительной техники) и экономиста Ю. Ярёмко (предложение отказа от дальнейшего наращивания вооружений и перехода к конверсии оборонных предприятий, т. е. перераспределения ресурсов в пользу необоронных отраслей промышленности), что позволило бы им перейти от экстенсивного к интенсивному пути развития за счет качественного прироста факторов роста [113].

Что касается Ю. Ярёмко, то его фундаментальным вкладом в развитие экономической науки следует считать разработку им тео-

рии многоуровневой экономики. В соответствии с выводами этого ученого, чем выше уровень отрасли в экономической иерархии, тем более качественные ресурсы она получает. Ресурсная несбалансированность в экономике генерирует либо процессы замещения (в рамках которых высококачественные ресурсы вытесняют низкокачественные), либо процессы компенсации (в рамках которых нехватка высококачественных ресурсов компенсируется повышенным потреблением низкокачественных). На базе этих теоретических подходов Ю. Ярёмченко предложил, а затем и внедрил в научную практику масштабную модель, описывающую процесс формирования производственно-технологической и отраслевой структуры экономики. Этот аналитический инструмент был назван им «Моделью межотраслевых взаимодействий», позволяющей определить механизмы функционирования мобилизационных экономик, к каковым относилась советская плановая экономическая система.

«Технократическая» реформа на основе тотальной информатизации экономических процессов, предложенная академиком В. Глушковым, была связана с применением Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), базирующейся на создании Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГС ВЦ).

В. Глушков вспоминал: «...Мы разработали первый эскизный проект Государственной сети вычислительных центров, который включал в себя около 100 центров в крупных промышленных городах, центрах экономических районов (тогда 100, а теперь нужно 200 примерно). Эти центры соединяются широкополосными каналами и по ним распределяются по территории в соответствии с конфигурацией системы связи все остальные центры, занятые обработкой экономической информации. Их число мы определяли тогда в 10 тыс., а сейчас 20 тыс. Это крупные предприятия, министерства, а также кустовые центры, которые обслуживают мелкие предприятия. Характерным было наличие распределенного банка данных и возможность безадресного доступа из любой точки этой системы к любой информации после автоматической проверки полномочий запрашивающего лица. Был разработан ряд вопросов, связанных с защитой информации. Кроме того, в этой двухъярусной системе главные вычислительные центры обмениваются между собой информацией не путем коммутации каналов и коммутации сообщений, как принято сейчас, с разбивкой на письма, а я предложил соединить эти 100 или 200 центров широко-

полосными каналами в обход каналаобразующей аппаратуры с тем, чтобы можно было переписывать информацию, скажем, с магнитной ленты во Владивостоке на ленту в Москве без снижения скорости. Тогда все протоколы сильно упрощаются, и сеть приобретает новые свойства. Это пока нигде в мире не реализовано» [43].

Не была реализована эта реформа и в СССР, формально — из-за высокой стоимости проекта.

К концепции В. Глушкова была во многом близка выдвинутая во второй половине 1960-х годов теория оптимального функционирования экономики (ТОФЭ), которую позднее переименовали в систему оптимального функционирования экономики (СОФЭ). Если ОГАС была направлена на ускорение потоков информации, то ТОФЭ/СОФЭ — на формализацию и ускорение выработки оптимальных решений в процессе обработки первичной информации. Приверженцами СОФЭ были многие авторитетные экономисты (прежде всего из ЦЭМИ АН СССР) — Н. Федоренко (директор ЦЭМИ), А. Каценелинбойген, С. Шаталин, И. Бирман, Г. Арбатов и др.

Народное хозяйство в рамках концепции ТОФЭ/СОФЭ рассматривалось как сознательно управляемая сложная кибернетическая система. Суть предложений сторонников СОФЭ заключалась в том, чтобы, заменив математическим моделированием классическую политическую экономию (являющуюся, по мнению авторов СОФЭ, «описательной»), вытеснить планирование социалистического товарного производства системой экономико-кибернетических операций. План понимался как долгосрочный прогноз социально-экономического развития, на основе которого формируется критерий оптимальности, являющейся шкалой для экономической оценки всей совокупности производственных ресурсов. Хозяйствующие субъекты выступали в роли подсистем, обладающих способностью к «самодействию» и «самосовершенствованию». Воздействие на них предполагалось осуществлять с помощью автоматических регуляторов — рыночных рычагов; управление системой — методом предельных экономических оценок [170, с. 54–76].

Представляется, что одной из ошибок сторонников реформ (возможно, неизбежной в то время), по мнению В. Лисовицкого, было рассмотрение подходов Либермана и Глушкова как альтернативных. Ведь чисто технологически эти подходы никак не противоречат друг другу. Государство многократно выиграло бы в случае совместной реализации реформ, основанных: — с одной стороны, на внедрении

экономических методов управления, на расширении хозяйственной самостоятельности предприятий, объединений и организаций, на широком использовании инструментов материального стимулирования; — с другой стороны, на тотальной информатизации экономических процессов, связанной с применением Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации, и базирующейся на создании Единой государственной сети вычислительных центров. Не случайно многие специалисты считают, что реализация реформы, основанной на тотальной информатизации экономических процессов, была бы способна обеспечить СССР первенство в создании информационной сети типа Интернет. В конечном счете, однако, произошло то, что произошло: глушковский проект и концепция СОФЭ остались по существу «кабинетными» научными достижениями, с умеренным практическим применением, а «косыгинско-либерманская» реформа постепенно была свернута [170, с. 446].

Консервация рассмотренных реформ в эпоху Л. Брежнева не принесла такого урона стране как «перестройка» М. Горбачева, приведшая к краху советского государства. Хотя, если бы они были приняты к реализации, то ни о М. Горбачеве, ни его реформах никто бы и не знал.

Да, история не знает сослагательных наклонений, но пыливый разум тяготеет к сопоставлениям и альтернативности. И с этим ничего не поделать.

Однако вынужден констатировать, что инициатор «перестройки» явно недооценил всю политическую остроту переживаемого момента и действовал по принципу «ввязаться в бой, а там видно будет». Такие необдуманные действия можно объяснить, если не учетом правил, по которым жила страна, то пренебрежительным обращением с ними. Не случайно, современный лидер КНР Си Цзиньпин, как указано в докладе Конгрессу США о китайской угрозе (2020 год), сделал из распада СССР личный вывод: «Пренебрежение к вере в идеалы — самая опасная форма пренебрежения. Политическое падение партии часто начинается с потери и нехватки идеологической веры» [127].

Такая опасность особенно пагубна для правящей политической партии страны с однопартийной системой, каковой был СССР.

Провозгласив так называемую эпоху демократизации и гласности, М. Горбачев тем самым продемонстрировал собственную идею

логическую несостоятельность, обратившись за советом к широким слоям населения. После этого ему ничего не оставалось, как ожидать, куда кривая выведет.

Таким образом, «перестройка» не была следствием развития предшествующего исторического этапа и не соответствовала общественным потребностям, как в том плане, что в общественном сознании не витал дух перемен, так и с точки зрения их разрушительного характера. Более того, «перестройка» имела альтернативу в виде рассмотренных мною иных подходов к реформированию общества.

1.4. УКРАИНСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В «ДОПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ» ПЕРИОД

Уделение отдельного внимания украинскому контексту «доперестроечных» процессов в СССР обусловлено той ролью, которую сыграла Украина в судьбе союзного государства.

Уточняя значение этой роли, Ю. Шаповал [256, с. 24] указывает на то, что в течение всего периода коммунистического господства в Украине всегда были патриоты, которые оказывали сопротивление (латентное или откровенное) режиму, видели ее перспективу в большей ориентации на Запад и хотели создать не декларативное, а полноценное Украинское государство.

С этим трудно не согласиться. Другое дело, насколько много было таких людей, какие регионы они представляли, были ли они достаточно организованы и многочисленны для реализации такой задачи.

Не менее важно выявление определенных исторических предпосылок, лежащих в основе таких настроений, подтвержденных многовековой историей украинского народа.

На этот счет существует официальная позиция суверенного Украинского государства, озвученная его вторым президентом в 1996 году на торжественном собрании, посвященном 400-летию со дня рождения Б. Хмельницкого. В своем докладе Л. Кучма, говоря о том, что Украина переживает третий этап становления государственности, указал на два предыдущих этапа: первый — национально-освободительную борьбу украинского народа под руководством Б. Хмельницкого; второй — период деятельности Украинской Народной Республики (УНР) [111, с. 9].

Эти три этапа, включая «перестроечный», имеют одну общую черту — активное участие в процессе становления украинской независимости российского (советского — на последнем этапе) фактора, что наложило свой отпечаток на характер его протекания.

Вместе с тем, каждый из этапов имеет свои особенности. Так в период национальной революции (1648–1676 годы), не вступая в полемику с В. Смолием и В. Степанковым по вопросу такой идентификации и расширения хронологических рамок данного исторического явления, ключевой в нем была национально-освободительная составляющая. Достаточно длительным и относительно дискретным был и сам процесс, растянувшийся на три десятилетия и заложивший глубокий российский след в украинской истории. Борьба украинского народа за независимость имела милитарное начало и сопровождалась многочисленными людскими жертвами.

Спустя 269 лет начался второй этап (1917–1920 годы) борьбы украинского народа за украинскую независимость, толчком которой стали февральская и октябрьская революции 1917 года в Петербурге. Итогом этой борьбы, имевшей социальную и национально-освободительную направленность и сопровождаемой внутренним противостоянием сторонников демократического и авторитарного путей развития, стало вхождение значительной части этнических украинских земель в состав СССР в 1922 году. В связи с этим в современной российской историографии политизируется вопрос о способе определения границ и последствий их нарезки для будущего СССР и постсоветских республик. В частности утверждается, что «...границы Украины были проведены большевиками исходя из их представления о национальной политике, которая проводилась в ущерб Великодержавии и за счет нее... Большевики стремились опираться на группы национал-независимцев потому, что исходили из перспективы построения «Соединенных Штатов Европы и Азии». История повернулась иначе: и те границы, которые прочерчивали по карте империи 1918–1920 годов, оказались очень удобным средством для развала СССР» [33].

Можно спорить с такой упрощенной и узко направленной дедукцией, но ход мыслей очевиден и в принципе отражает остроту проблемы не только для того периода, а и для суверенной Украины.

Через 68 лет было положено начало третьего этапа становления суверенного украинского государства. Вследствие происшедших значимых событий Украинская Советская Социалистическая Республи-

ка предстала, по версии Н. Рябчука [207], двумя, а, по утверждению Я. Грицака [51], двадцатью двумя Украинцами, то есть с крайне сегментированным общественным сознанием и размытой идентичностью.

Поскольку большую часть населения УССР составлял украинский этнос, ему в будущем социальном проекте отводилась роль основополагающего фактора государственного строительства. Однако украинский этнос находился в кризисном состоянии, а украинский этноцентризм, по выражению М. Степико [228, с. 301], отражал комплекс национально-культурной неполноценности, обусловленный длительной несвободой, отсутствием общности идеалов, настроений, образа коллективного будущего. Если проблемой формирования нации «...для украинцев было преодоление ментальности ясира, а в целом и ментальности янычара, то для русских, которые проживали здесь, — ментальности орды» [208, с. 197].

Кроме наличия комплекса национально-культурной неполноценности украинцев, как титульного этноса, его страха взять на себя ответственность за судьбу Украины, существовал и страх утраты советской идентичности представителями других этносов, проживающих в ее регионах. В этом смысле можно судить о проявлениях этнической идентичности в ее различных измерениях. Так по историко-географическому критерию дифференциация регионов по «...линии «Восток—Запад» происходит на основе прошлой принадлежности двух основных частей Украины к разным политическим организациям и даже к разным цивилизационным системам. Однако не меньшее значение для анализа региональной идентичности имеет и культурно-этнический критерий, который обязывает брать во внимание разницу между первичным ядром, «материнским лоном» этногенеза и культурогенезом, а также переселенческой субкультурой, возникшей в районах миграционного и колонизаторского освоения» [150, с. 214].

Принимая такую точку зрения, было бы вполне оправданным отнести к носителям переселенческой субкультуры не только новороссов, а и галичан. Таковым является первое замечание методологического характера, которым следует руководствоваться при анализе протестных движений в Украине рассматриваемого периода. Второе замечание связано с необходимостью учета конкретно-исторического подхода в исследовании природы данного общественного явления, как собственно и любых других.

Учитывая задачи и хронологические рамки исследования, целесообразно сосредоточить внимание на проявлениях борьбы украин-

цев за свою независимость, которая независимо от форм и методов проявления, носила анти- (либо альтер-) коммунистическую и советскую направленность. Обращение к историческому экскурсу событий периода 1917–1985 годов имеет целью выявление социальной и политической направленности общественных процессов в период «перестройки».

На начало 1917 года 80 % украинских земель входило в состав Российской империи, 20 % — Австро-Венгрии [41, с. 3].

После победы февральской 1917 года революции в России, приведшей к падению царского режима, открылся путь к мирному, демократическому разрешению национального вопроса, к формированию украинской государственности. Выразителями демократической идеи, по словам В. Липинского, были «социалистические интеллигенты-демократы и республиканцы» [216, с. 3].

Дело в том, что националистические партии, руководимые Н. Михновским, Д. Донцовым, не имели существенного влияния на широкие слои украинского общества. Именно поэтому программные принципы Украинской демократической и Украинской радикальной партий, касающиеся статуса Украины как автономии в составе будущей федеративной демократической России, получившие дальнейшее развитие в деятельности «Товарищества украинских прогрессистов», были взяты на вооружение основателями Центральной Рады (ЦР) [200, с. 4–5, 9]. Из 19 партий, представленных в ЦР, — 17 были сторонниками социалистической идеи. Поскольку среди рабочего класса значительную часть составляли русские, евреи и поляки, а крестьянство не проявляло высокой политической активности, социальную базу национально-освободительного движения составляли преимущественно военные. Достаточно указать на поддержку Украинскими военными съездами решений ЦР относительно автономного устройства будущего украинского государства. Среди вольного казачества преобладали сторонники «единого неделимого» Российского государства.

Таким образом, выразителями национально-освободительных устремлений ЦР не были исключительно национальные элементы. Что касается социального аспекта Украинской народной революции (УНР), то он был экономически неопределенным и носил декларативный характер. Это касается как практических мероприятий правительства, так и ряда законов: о земле, гражданстве, национально-персональной автономии и др. Именно один из уроков украинской

революции, по мнению В. Смолия [218, с. 2], заключается в том, что ее проводники не предложили адекватной ожиданиям большинства населения социальной программы, постоянно запаздывая с декларированием главных революционных компонентов, проигрывая во времени другим силам.

В другой системе ценностей находился второй поток украинских национально-освободительных и социальных движений, связанный с последствиями октябрьских революционных событий в Петрограде. Провозглашение советской власти 12 декабря 1917 года в Харькове на съезде Советов, представлявшем 25 % населения Украины [200, с. 27], было использовано большевиками как плацдарм в борьбе против украинских национально-демократических сил.

Свою роль в этом сыграл ультиматум Совнаркома, направленный 4 декабря 1917 года в адрес ЦР в связи с осуждением ею петроградского восстания. Вслед за этим ВУЦВК своим манифестом объявил о свержении ЦР и Генерального Секретариата (ГС). Для сравнения: Временное правительство своей «Временной инструкцией ГС» от 3 июля 1917 года ограничило юрисдикцию ЦР пятью украинскими губерниями из девяти [200, с. 20]. Объяснение этому одно: расхождение устремлений украинских социалистов и российских большевиков. Цель последних сводилась к окончательному установлению диктатуры пролетариата в границах бывшей империи и насаждение социализма, что не отвечало демократическим надеждам украинских левых. По словам В. Затонского [109, с. 4], большевики стремились создать национальный украинский советский центр для всей Украины. Такое заявление одного из лидеров украинских большевиков было косвенным подтверждением факта существования двух центров власти: киевского и харьковского.

Существование двух центров власти явилось определенной предпосылкой для развязывания украинской гражданской войны, первая фаза которой (декабрь 1917 года — конец января 1918 года), началась походом войск под командованием М. Муравьева из Харькова на Киев.

Лидеры УНР оказались не готовыми к такому повороту событий, проигнорировав призыв М. Грушевского «трезво и твердо оценивать те реальные условия, в которых мы оказались в результате революции и войны за украинскую самостоятельность» [218, с. 2]. В деле защиты украинской революции они ограничились решением о создании армии УНР на основе добровольности и денежного содержания. Пре-

небрежение военным строительством обернулось поражением в боях под Крутами, вспышкой и разрастанием восстания на заводе «Арсенал», в то время как в Киеве находился 100-тысячный гарнизон, который занял нейтральную позицию в этих событиях.

В современной историографии эти события преподносятся как украинно-российский конфликт [223, с. 94]. Как аргумент в пользу такой оценки приводится в том числе и идентификация М. Муравьева как подполковника российской (царской) армии, что представляется неубедительным, так как он, как и гетман П. Скоропадский, по определению не мог быть иным, поскольку Советская Россия стала правопреемницей России царской, в состав которых входила большая часть украинских территорий. Не убедительно выглядит и иной аргумент — ссылка на В. Ленина, отдавшего приказ войскам М. Муравьева к наступлению на Киев. Несмотря на всю противоречивость личности М. Муравьева, не следует забывать, что он все же был офицером, который, принеся присягу царю, добровольно перешел на сторону большевиков. Не следует забывать и о том, что по мере своего приближения к Киеву отряд М. Муравьева численно вырос за счет местных добровольцев.

Вторая фаза украинской гражданской войны приходится на период военного иностранного присутствия. Ее предыстория связана с международным признанием УНР за счет ее отделения от России и заключения сепаратного мира с Германией в феврале 1918 года в Брест-Литовске. Присутствие немецко-австрийских войск, вошедших в Киев в марте 1918 года по просьбе ЦР, выступало гарантией защиты украинских национально-демократических сил от большевистской России на условиях определенной материальной компенсации такой гарантии. Однако такое внешнее вмешательство привело не только к расколу украинского общества, а и к смене власти. В сложившихся условиях установление в апреле 1918 года авторитарного режима в лице гетмана П. Скоропадского выглядело безальтернативным, поскольку социалистические идеалы, продекларированные руководителями ЦР, не были подкреплены ни материально, ни организационно. Да и оккупационный режим опасался наступления анархии и срыва поставок продовольствия.

Признавая, что организатором государственного переворота, в результате которого к власти пришел П. Скоропадский, было командование немецких войск, В. Солдатенко возлагает прямую ответственность за их появление в Украине на лидеров УСДРП и УПСР. Эти

партии отказались от участия в правительстве П. Скоропадского, поскольку одни считали гетманат «диктатурой помещиков и капиталистов» (П. Христюк), другие — властью «российских революционных сил» (И. Мазепа) [223, с. 471—472].

Краткосрочность существования гетманского правительства большинством историков связывают исключительно с немецко-австрийским присутствием или же с планами государств Антанты относительно реставрации имперской России. Действительно, после подписания мира на условиях Четверного союза УНР стала его заложницей, автоматически попав в лагерь врагов, побежденных в Первой мировой войне. В этом плане ей не повезло по сравнению с Польшей и Финляндией. Хотя, с другой стороны, революционные события октября—ноября 1918 года соответственно в Австро-Венгрии и Германии разрушили мощнейший фундамент, на котором держался гетманский режим.

Как считает А. Реент [200, с. 53], после указанных событий у П. Скоропадского оставалась только одна сила в борьбе с большевиками — «белая гвардия», к которой он был близок и по воспитанию, жизненному устройству и мировосприятию.

На самом деле все заключалось в ином — в направленности социально-экономических и политических реформ гетманской власти в сторону консервации буржуазно-помещичьих отношений, не отвечавшей стратегической линии советского режима, который к тому же никак не хотел делить власть с кем-либо. Поэтому сближение П. Скоропадского с денкинцами только ускорило падение его режима в условиях отсутствия прочной социальной базы его власти.

Третья фаза украинской гражданской войны пришлось на период с 14 ноября 1918 года по 18 декабря 1918 года, в которой отразилось противостояние консервативной и социалистической тенденций общественного развития. Приход Директории к власти происходил в сложных для нее внешнеполитических условиях: после вывода немецко-австрийских оккупационных войск, 24 декабря 1918 года Советская Россия заявила, что в связи с аннулированием ею Брестского мира она больше не признает украинское суверенное государство. Правительству УНР ничего не оставалось, как провозгласить себя в состоянии войны с большевистским режимом. Таким образом было положено начало следующей — четвертой фазе украинской гражданской войны, которая завершилась в апреле 1919 года поражением войск Директории. Этот отрезок времени был наполнен борьбой вну-

три Директории между сторонниками С. Петлюры и В. Винниченко, хотя ее судьба решалась на фронте двойной гражданской войны, в которой противоборство «киевской» и «харьковской» властей усилилось его эскалацией между «белыми» и «красными» на общероссийском пространстве.

Утрата украинской революцией национальных корней и социально-политической базы, а также ее эволюция к режиму атаманщины (доминирование военного начала над политическим, неподчинение армейских командиров государственным порядкам, пренебрежение ими) совпала с появлением нового центра власти (деникинский режим — с сентября 1919 года до февраля 1920 года). Поскольку войскам УНР было не по силам самостоятельно свалить советскую власть, встал вопрос о создании единого с Антантой и «белой гвардией» антибольшевистского фронта, против чего выступило большинство деятелей Директории.

Не добившись лояльного отношения к себе со стороны Антанты, войска УНР не воспользовались и возможностью, после согласия Совнаркома, создания единого фронта борьбы против А. Деникина. В ноябре 1919 года, когда галицкая армия перешла на сторону деникинцев, А. Макаренко и Ф. Швец отказались от своих прав на членство в Директории, что означало распад УНР как верховного органа киевской власти.

Анализ украинских социальных и национально-освободительных движений 1917–1920 годов на территориях, подконтрольных УНР, свидетельствует о преобладании в них социального начала, преимущественно федералистских устремлений и слабо выраженной антисоциалистической направленности.

Цели «харьковской» власти целиком и полностью не только совпадали, а и являлись составной частью политических интересов Советской России и большевистского режима, установленного в Петрограде после победы октябрьского вооруженного восстания 1917 года.

Таким образом, уже в первые годы существования советской власти на украинских землях проявились три разнонаправленных потока социальных и национально-освободительных движений: центральноукраинское, западноукраинское и восточноукраинское, два первых из которых во многом совпадали между собой и в этом смысле были противоположными, а также противостоящими — третьему.

Подводя итог деятельности УНР в контексте задач исследования, следует отметить, что она не имела однозначной социальной на-

правленности. В ней переплетались задачи социальные, связанные с типом устройства будущего государства и национально-освободительные, отражающие многовековые чаяния украинского народа на собственную государственность.

По мере разрывания социалистического строительства в СССР в украинском протестном движении нарастали его национально-освободительные начала.

Национально-освободительное движение в современной отечественной литературе рассматривается под углом зрения: 1) процесса теоретического обоснования идеи независимости Украины; 2) создания и деятельности культурно-просветительных, экономических обществ, спортивно-военных структур и, наконец, политических организаций и партий; 3) мирных (парламентских) и вооруженных форм борьбы за Украинское самостоятельное соборное государство. Причины национально-освободительного движения в межвоенный период объясняются нерешенностью в полном объеме украинского вопроса, а также территориальной расчлененностью и захватом украинских земель иностранными государствами (Польшей, Румынией, Чехословакией), отсутствием полноценного независимого украинского государства в составе СССР. Украинская государственность советского периода оценивается как декларативная, как такая, что только формально решала украинскую проблему, а дальнейшая фактическая антиукраинская политика большевистской партии способствовала антисоветским настроениям, породив возникновение оппозиции и движения Сопrotивления [177, с. 4, 5].

Это движение в 1920–1930-е годы вышло за рамки западных областей, проявившись в крестьянских восстаниях, которыми уже в начале 1921 года была охвачена почти вся Украина. Крестьяне с оружием выступали против продовольственной и посевной раскладки, за свободную торговлю. Как отмечают исследователи, «гражданская война плавно переросла в крестьянскую войну» [240, с. 145]. При этом в крестьянско-повстанческом движении прослеживаются два течения. В южных районах и части Левобережья повстанцы действовали под анархо-коммунистическими лозунгами, которые исповедовали талантливые крестьянские вожаки Н. Махно и М. Григорьев. Так, например, съезд Военно-революционного Совета в Гуляй-Поле принял резолюцию, в которой говорилось: «Признаем советскую власть на Украине в лице свободно избранных на пропорциональной основе из трудящихся масс бедных крестьян и рабочих. Диктатуру любых партий

не допускаем, требуем немедленной замены «чрезвычайск»... свободы слова, печати, собраний...» [269, с. 65].

На остальной территории Украины действовали повстанческие отряды, объединенные национальными лозунгами, которые были сторонниками идеи создания самостоятельного Украинского государства. По официальным данным, в конце 1920 — в начале 1921 годов только в крупных повстанческих отрядах насчитывалось более 100 000 бойцов [103, с. 209].

Подъем крестьянского движения в начале 1930 года С. Кульчицкий [108, с. 157—158] связывает с «интенсивным насаждением коммун, что вызвало колоссальное сопротивление крестьянства. Чаще всего он материализовался в «волынках», то есть в демонстративном нежелании работать в принудительно созданном колхозе. Прошло множество бабьих бунтов... Оказалось, что в украинском селе еще остались не изъятые чекистами запасы оружия. В Антоновском районе Шепетовского округа определенное время действовал вооруженный отряд численностью до 200 человек, громил колхозы и советские учреждения, уничтожал активистов-бедняков. В Красноповстанческом районе на Одещине сформировались вооруженные отряды, в которых одновременно участвовали советские и антисоветские партизаны времен гражданской войны... Крестьянские бунты на Черниговщине и в Днепропетровском округе распространились на большую территорию десяти районов и подавлялись военной силой».

В движении Сопротивления участвовало не только крестьянство, но и другие слои тогдашнего украинского общества, в частности интеллигенция. Определенную роль в нем сыграла так называемая «украинизация» — процесс укоренения партийно-советских структур власти в УССР, начатый большевистской партией, который впоследствии фактически вышел из-под ее контроля и объективно привел к росту национального сознания украинцев. Это, со своей стороны, способствовало сохранению традиций освободительной борьбы предшествующей эпохи, порождало не только оппозицию в среде интеллигенции, но и оппозиционные настроения среди рабочих. В плане противостояния московскому централизму и тоталитаризму эти оппозиционные настроения охватили также определенные круги партийных, комсомольских и даже военных кадров. Исходя из национального состава КП(б)У, мизерного представительства украинцев в государственном аппарате УССР, удельный вес которых не превышал 35 %, политика украинизации официально

имела цель шире привлечь коренное население (отсюда — коренизация) в состав партии, управленческие структуры, способствовать развитию языка и культуры украинцев. Фактически это должно было обеспечить московскому центру контроль над республикой не только силовыми и административно-политическими средствами. Кроме того, осуществляемая на украинском языке идеологическая работа имела обычно большую эффективность. С другой стороны, украинизация имела в виду и внешнюю цель. Это прежде всего попытка продемонстрировать западным украинцам и многочисленной украинской эмиграции, как положительно в УССР решается национальный вопрос [177, с. 25].

Через десять лет после формального провозглашения украинизации в 1933 году с назначением первым секретарем ЦК КП(б)У П. Постышева большевики перешли, по определению Я. Дашкевича, к контрукраинизации. Последствия ее для украинской нации были катастрофическими [200, с. 4].

Оппозиционное движение имело место и в среде украинского национал-коммунизма, к которому относились такие левые течения, как борьбисты и боротьбисты, украинская Коммунистическая партия с ее зарубежной группой, находящиеся в оппозиции к РКП(б). Эта оппозиционность четко проявилась в деятельности А. Шумского, Н. Хвильевого и М. Волобуева, получивших в историографии название «шумскизм», «хвильовизм» и «волобуевщина» [231, с. 340–342].

По неполным подсчетам, в 1930–1941 годах в Украине было разоблачено 110 разного рода «контрреволюционных» организаций [166, с. 47]. По официальным данным, в 1935 году в Украине было арестовано 24934 человека, в 1936 году — 15717, 1937 году — 159573, 1938 году — 108006, 1939 году — 12000, 1940 году — около 50000 человек [156, с. 39].

После поражения УНР антимунистические и антисоветские движения проукраинских сил проявились прежде всего в националистической форме, хотя и не ограничивались ею.

Украинский национализм, по мнению И. Лысяка-Рудницкого [124, с. 672], возник в 1920-х годах, сначала как духовный фермент младшего поколения, как протест против захвата украинских земель в результате поражения национально-освободительной борьбы 1917–1920 годов.

Отечественные историки выводят понятие украинского национализма из системы доктринальных положений, направленных на

защиту украинской национальной идеи, истоки которой относятся к началу XIX ст., проявившихся как реакция на притеснение народа [83, с. 801–802].

В свою очередь, украинская национальная идея понимается как синтез идейно-политических и культурно-национальных взглядов в рамках философской и политико-правовой субъектности народа, обладающего суверенным правом на самоопределение. Украинская национальная идея, занимая центральное место в концепции и доктрине украинского национализма, выступает основной целью ее реализации. Исторически украинская национальная идея реализовывалась в рамках деятельности различных общественно-политических организаций, среди которых определяющее место заняло украинское националистическое движение. Борьба украинского националистического движения за восстановление украинской государственности в исследуемый период характеризовалась острыми формами военно-политическом противостоянии с государственными режимами, порабошавшими украинские земли. В этом процессе украинское националистическое движение противостояло различным политическим силам, среди которых были тоталитарные (СССР, гитлеровская Германия) и великодержавные шовинистические (Польша, Венгрия, Румыния) политические режимы [134, с. 22, 26].

В данном случае предметом нашего интереса является антисоветская направленность украинского националистического движения.

Главной предпосылкой процесса становления тоталитаризма в украинских землях, по мнению отечественных историков, стала потеря УНР независимости и включение ее в состав СССР, что произошло в течение 1917–1922 годов. Следующему периоду — 1923–1926 годов — свойственно укрепление основ тоталитарного строя, заложенных еще при первой попытке реализации коммунистической доктрины в ходе освободительной борьбы и в период «военного коммунизма». По мнению В. Томахив [235, с. 10], последующие (1930–1950-е) годы стали утверждением в Украине классического тоталитаризма — сталинизма.

После смерти И. Сталина тоталитаризм эволюционировал в направлении к авторитаризму. К власти пришел «новый класс» — политическая бюрократия. Чтобы система не пострадала в целом, новые лидеры партии вынуждены были провести после смерти И. Сталина умеренную десталинизацию режима. Были осуждены не причины его

культы личности как общественного явления, а экстремальные проявления сталинизма. Но осуждению не подлежали ни идеологические, ни экономические, ни политические основы режима. Однако общественное сознание вышло за рамки контролируемой властью десталинизации.

Политика, которая проводилась в Украине сталинским режимом, в начале 1930-х годов привела к объединению украинских усилий на форуме Лиги Наций. Первым поводом для совместных протестов стал Голодомор 1933 года. Благодаря стараниям украинцев в Лигу Наций обратился ряд международных организаций. Однако единственной реакцией Лиги стало неофициальное закрытое заседание ее Совета, на котором она признала себя некомпетентной вмешиваться во внутренние дела страны, которые ей не принадлежат, и приняла решение обратиться с просьбой о помощи к организации Международного Красного Креста. В то же время с принятием в Лигу Наций Советского Союза был нанесен серьезный удар по системе Лиги по защите прав национальных меньшинств. К тому же, в сентябре 1934 года Варшава заявила об отказе признавать право Лиги Наций следить за выполнением ею договоров о правах национальных меньшинств. Для польских украинцев это делало обращения в Лигу практически бессмысленным [112, с. 15].

Прецедент критики культы личности привел к сомнению в ответственности системы в целом, что стало одним из истоков инакомыслия [205, с. 10–11].

Основой программных документов и практических действий украинских националистов, по мнению большинства современных исследователей, был суверенитет — общественно-политическое, социально-экономическое и культурно-гуманитарное состояние народа, которое характеризуется полноценной возможностью народа в рамках собственной этнической территории реализовывать собственную внутреннюю политику и быть полноправным субъектом международных отношений.

В мае 1939 года украинский вопрос вновь выходит на авансцену европейской политики, но уже в более узком, немецко-польско-советском контексте. Германия использует его как приглашение к переговорам с СССР и превращает в предмет торга, а подготовка украинского восстания переходит в стадию строгой конспиративности, что давало нацистам широкие возможности для дипломатических маневров [212, с. 445–458].

Таким образом заинтересованное участие в этом процессе приняла третья сторона — Германия и ее сателлиты, а также страны, в состав которых входили украинские земли.

Ключевую роль в системе этих отношений занимал «польский вопрос», от разрешения которого во многом зависела дальнейшая судьба западноукраинских земель, а ее вершителями выступали Германия и СССР.

После оккупации в марте 1939 года части Чехии и Литвы Германия 28 апреля того же года денонсировала соглашение с Польшей о мирном разрешении существующих проблем в германо-польских отношениях. Стало очевидным, что Германия избрала своей очередной жертвой Польшу. В свою очередь Советский Союз не желал оставаться сторонним наблюдателем этого процесса, что подтверждается документальными источниками.

Речь идет о письме А. Гитлера И. Сталину, датированном 21 августа 1939 года, в котором оговаривались сроки заключения не только советско-германского договора о ненападении, а и подписания секретного протокола к нему (пакт Риббентропа—Молотова), на котором настаивала советская сторона [122, с 701], впоследствии снявшего внешние барьеры для перехода советскими войсками 17 сентября 1939 года польской границы с целью защиты «братьев по крови» — украинских национальных меньшинств.

В следующем месяце, 27 октября 1939 года появилась «Декларация Народного Собрания Западной Украины о воссоединении Западной Украины с Украинской Советской Социалистической Республикой, в которой выражена воля народа Западной Украины войти в состав СССР, где созданы все условия для расцвета настоящей народной украинской советской культуры» [58, с. 704].

Обращение к данному тексту через восемь с лишним десятков лет заставляет усомниться в искренности решения тех, кто его поддержал. В этом убеждают условия, в которых происходили выборы в Народное Собрание. Как утверждает В. Литвин [125, с. 555], хотя они и происходили по демократической формуле, с соблюдением тайны голосования, однако не были свободными, поскольку каждая кандидатура, подлежащая избранию, тщательно изучалась в партийных комитетах и органах государственной безопасности.

Реальное отношение большинства жителей Западной Украины к присоединению их земель к СССР проявилось в процессе советизации региона, проходящей в условиях передачи крестьянам помещи-

чьей земли, создания МТС, повышения уровня жизни, значительная часть населения (преимущественно поляки) была подвергнута арестам и депортации.

По подобному сценарию советизация происходила в Черновицкой и Аккерманской (с декабря 1940 года — Измаильской) областях, созданных 7 августа 1940 года в составе УССР после освобождения от румынских войск 3 июля этого же года территории Буковины и Бессарабии.

Значительная часть населения Карпатской Украины, оккупированной в марте 1939 года венгерскими войсками, склонялась к присоединению к СССР. Однако такие настроения не разделяло бывшее правительство Карпатской Украины, о чем свидетельствует его Меморандум от 30 ноября 1939 года, адресованный министру иностранных дел Германии И. Риббентропу. В нем содержалось предложение о заключении союза Карпатской Украины и Словакии. До окончательного урегулирования статуса Карпатской Украины путем проведения плебисцита была высказана просьба о вводе на эту территорию немецких войск [145, с. 705–707].

Характер внутривойсковой обстановки и напряженность отношений между представителями советских войск и населением западноукраинских областей подтверждаются содержанием постановления Политбюро ЦК КП (б) У от 7 апреля 1940 года, согласно которому НКВД Украины предложено выдать по одному револьверу и 50 патронов к нему партийно-советским и комсомольским работникам, к перечню которых были отнесены секретари обкомов, горкомов и райкомов КП (б) У, председатели и заместители председателей облисполкомов, председатели и заместители председателей горсоветов и райсоветов, заведующие отделами обкомов КП (б) У, первые и вторые секретари обкомов комсомола и другие ответственные работники — всего 1800 человек [182, с. 710–711].

Надо понимать так, что тем партийно-советским и комсомольским работникам, которые не входили в указанный перечень, ничего не оставалось как использовать для самозащиты все имеющиеся подручные средства.

Понимая ключевое значение Украины для СССР, Третий рейх на начальной стадии переговорного процесса акцентировал внимание на незаинтересованности по ней. При благосклонном отношении СССР, А. Гитлер выражал готовность отказаться от поддержки украинского движения. Для СССР этого оказалось мало. Москва хотела

гораздо большего, но не спешила конкретизировать свои требования, разумно полагая, что чем больше ее будут уговаривать, тем большие дивиденды она получит.

Что касается Польши, то внешняя угроза требовала от нее упорядочения внутренних дел, прежде всего в отношениях с украинцами. В марте 1939 года было принято соответствующее постановление Совета министров Польши по мерам безопасности и противодействия деятельности ОУН и других подобных организаций. С растущим украинским национально-освободительным движением решили покончить немедленно. Мартовские 1939 года аресты украинских националистов были хорошо продуманной с политической и психологической точки зрения акцией польских властей. Начались жесткие репрессивные акции против украинских институтов, закрытие украинских обществ, проводилась ревиндикация — процесс уничтожения или передачи части имущества Польской Православной Церкви в собственность Римско-Католической Церкви или местных властей.

В начале Второй мировой войны, перед вторжением в СССР, нацисты планировали использовать украинских националистов. В свою очередь, последние, поверив заверениям некоторых правительственных функционеров, что Германия будет способствовать возрождению украинского соборного самостоятельного государства, решили пойти на сотрудничество с ней. Другой внешней силы, которая помогла бы украинскому народу восстановить собственную государственность, они в то время не видели. При этом руководству ОУН были присущи независимая инициативная деятельность, попытки влиять на немецкий политику в отношении Украины [215].

Неблагоприятная для национальной государственности международная обстановка, отсутствие в украинском движении реальных легитимных, ненасильственных рычагов влияния на положительное решение собственной политической судьбы [32, с. 31–32] заставили радикальных украинских националистов добиваться независимости вооруженным путем, используя военных соперников государств, которые в межвоенное время поработали украинские этнические земли, в том числе и Германию.

Во время вторжения вермахта на территорию Советского Союза украинские националисты ОУН (б) и ОУН (м), запорожцы Т. Бульбы-Боровца захватывали власть в западных областях Украины. В первые дни нацистского вторжения националисты установили параллельную власть в 187 из 200 районов Западной Украины и в 26

районах Правобережной Украины, создали областные управления в Тернополе, Львове, Луцке, Ровно, Дрогобыче, Станиславе. Разоружая небольшие красноармейские подразделения, оказавшиеся в окружении, оуновцы аккумулировали большое количество оружия, боеприпасов и снаряжения. Однако в скором времени немецкая администрация распустила украинскую милицию и другие структуры, которые сформировали украинские националисты [193, с. 31].

Кульминационным этапом украинского националистического движения стала попытка осуществления программы ОУН по восстановлению украинской государственности, когда 30 июня 1941 года в только что оккупированном немецкими войсками Львове был провозглашен Акт восстановления Украинского государства. Нацистское командование в Берлине было захвачено врасплох этим поступком ОУН (б), поэтому безотлагательно приняло меры, чтобы положить конец всякому «самоуправству». В письме к А. Розенбергу Е. Кох заявил, что провозглашение Акта противоречило «плану А. Гитлера по колонизации Востока и утверждало принцип самоопределения народов». Немецкая СД (Служба безопасности рейхсфюрера СС) дала свою оценку событий во Львове. В отчете от 3 июля 1941 года она информировала Берлин, что провозглашением Украинского государства и формированием полиции бандеровское руководство пытается «поставить немецкую власть перед свершившимся фактом» [53, с. 61–80].

Немецкие политические круги негативно восприняли попытку создания украинского государства и выдвинули требования к Проводу ОУН (б) отозвать Акт от 30 июня 1941 года. После категорического несогласия С. Бандера оказался в немецком концлагере в Заксенхаузен, где находился до осени 1944 года. За решеткой оказались и другие радикальные националисты бандеровского движения, а зимой 1941–1942 годов начались репрессии против мельниковцев. Учитывая это, ОУН (б) концептуально отказалась от немецкой «поддержки» в борьбе с СССР и начала создание собственных вооруженных формирований, цель которых — борьба за восстановление Украинского государства, к числу основных врагов которого с июля 1941 года вошла и Германия [134, с. 107].

С другой стороны, немецкое руководство старалось сполна использовать украинское националистическое движение в борьбе с Советским Союзом, о чем красноречиво свидетельствует приказ рейхсминистра в делах оккупационных восточных территорий А. Ро-

зенберга от 6 июня 1942 года. В нем в частности указывалось, что в рейхскомисариате «Украина» изучение украинского языка считается обязанностью местных служащих гражданской администрации, а русский язык в этих областях ни в коем случае не должен иметь поддержки [76, с. 747].

Во время Второй мировой войны и после ее окончания украинские национально-патриотические силы распространили фронт борьбы против большевистского тоталитаризма, объединив с этой целью национально-освободительные движения из многих республик СССР. С этой целью 21–22 ноября 1943 года была созвана Первая Конференция поработанных московским большевизмом народов [100, с. 15–17]. Но окончательно этот процесс приобрел свое организационно-правовое оформление 16 апреля 1946 года, когда был создан Антибольшевистский блок народов (АБН) путем проведения Учредительного собрания уполномоченных представителей «...государственно-политических факторов и национально-освободительных центров и организаций подбольшевистской Европы и Азии» [144, с. 38].

Право народов на самоопределение приобрело небывалую актуальность во время Второй мировой войны. Нарушение системы европейской безопасности агрессивными действиями гитлеровской Германии привело к пересмотру границ в центре Европы и активизации национальных меньшинств по получению государственности. Однако нормативное регулирование борьбы народов за самоопределение приобрело новый смысл только после окончания войны в 1945 году, в рамках международно-правовой деятельности ООН. Основным источником права народов на самоопределение стали нормы Устава ООН, которые заложили новую практику регулирования этих отношений. Принцип самоопределения наций как основополагающий принцип международных отношений был сформулирован в Уставе ООН как важная цель новой организации (статьи 1 и 55) [165, с. 25].

На момент окончательной формулировки права народов и приобретения соответствующим документом ООН полной юридической силы 24 октября 1945 года большинство украинских земель уже вошли в состав СССР (УССР). За пределами союзной республики оставались большие или меньшие анклавов в Польше (Засянна), Чехословакии (Пряшевская Русь — уезды Стропковое, Бардиев, Гуменное, Межиляборцы), Румынии (северная ее часть — Марамарошина), Белоруссии (Берестейщина), РСФСР (Кубань, Курская, Воронежская,

Саратовская области). Вместе с тем некоторые этнические территории с преимущественно польским, румынским, молдавским, русским и др. населением оказались в составе УССР [241, с. 504].

Применение норм и принципов права народов на самоопределение в европейской практике международных отношений не смогло обеспечить украинскому народу (по меньшей мере той его части, которая принимала активное участие в националистическом движении) права на самоопределение исключительно легитимными путями, поэтому попытку силовой ревизии существующих границ осуществили представители вооруженного сопротивления в украинских землях — ОУН (б) и УПА. Однако результаты их борьбы были диаметрально противоположными от ожидаемых. Например, в результате печально известной операции «Висла» украинское население так называемого Закерзонья сократилось до 5 % от общей численности его жителей. Тем самым эта «этническая территория» навсегда потеряла свою украинскую сущность.

Сопротивление правящему советскому режиму в западной части УССР продолжалось и в послевоенный период. Показательной в этом отношении является агитационно-пропагандистская борьба между украинским националистическим подпольем и советской властью за влияние на западноукраинское образовательное пространство, которое занимало определяющее место в борьбе между советской властью и украинским подпольем, ведь здесь формировалась основа украинского народа, осуществлялось проектирование будущего общества.

Поскольку среди населения Западной Украины было недостаточно сторонников советской власти, руководство ЦК КП (б) У направляло в этот регион партийных и советских работников из других областей с целью «перевоспитания» местного населения, и прежде всего молодежи. Так по состоянию на 1 января 1947 года на номенклатурных должностях обкомов, райкомов и горкомов партии в целом работало 63 060 человек, из них местных 30443 человек, или 49 %, руководителями обкомов КП (б) У были исключительно выходцы из восточных областей [73, с. 88–89].

В подавляющем большинстве эти кадры не знали языка, обычаев, традиций и не пытались приспособиться к местным условиям, ставя своей целью покорить населения края [255, с. 186]. В обществе стало насаждаться мнение, что во всех бедах народа виноваты «недобросовестные работники», «вредители», «кулацкие элементы», «враги народа», особенно — «украинские националисты» [55, с. 408].

Такая политика власти, усугубляющаяся недостаточной компетентностью новопривыбывших кадров, непонимание ими специфики региона, активное сопротивление политике советизации со стороны украинских националистов, приводили к усилению конфронтации и недоверия местного населения к власти и наоборот. Такое внутривнутриполитическое положение осложнялось состоянием разрушенного войной хозяйства, учреждений социальной сферы, инфраструктуры.

Формирование педагогических кадров западноукраинского региона было обусловлено также борьбой с национально-освободительным движением. В первые послевоенные годы масштабы направления учителей из других регионов УССР, преимущественно восточных, впечатляют. На 1 октября 1944 года из восточных областей были отправлены 7000 учителей. В это же время часть местных учителей лишали права заниматься педагогической деятельностью, аргументируя тем, что они воспитывались в духе западной идеологии и всего полтора года жили в условиях советской действительности. Это было причиной недоверия к местным педагогам и обвинениями многих в политической неблагонадежности [226, с. 58].

Важное место в системе образовательных проблем занимало материальное обеспечение учительства. Финансирование образования происходило по остаточному принципу, республиканская власть не выделяла средств на обеспечение педагогов жильем, перекладывая эти задачи на местные органы управления [242, с. 162]. Зароботная плата учителей существенно отставала от государственных цен на промышленные товары и продукты питания. Очень тяжелым было положение учителей, направленных из других областей, возвращенных из эвакуации, которые работали в сельской местности, ведь ресурсов для обеспечения нормальной жизни в них было мало [203, с. 177]. Правительство УССР рекомендовало обкомам партии организовывать социальные столовые для учителей в областных, районных центрах, городах областного подчинения, но выполнение этого решения реализовывалось неудовлетворительно, а столовые работали нерегулярно [202, с. 87–89].

В отчетах о работе школ за 1944–1945 учебный год руководители отделов образования западноукраинских областей жаловались на препятствия в налаживании учебного процесса, строительстве новых и восстановлении разрушенных школ со стороны украинских националистов. Так в отчете Волынского областного отдела образования описываются случаи избиения учителей, убийства инспекторов школ

и директоров оуновцами. В одной из школ Колковского района националисты запретили учителям преподавать историю СССР, русский язык, петь песни о Ленине, Сталине, Молотове и других большевистских руководителях. В Киверцовском районе в ночь с 6 на 7 октября «бандой националистов в трех школах выбиты все окна, уничтожены парты, классные доски, наглядные пособия, сняты портреты вождей, а в классных комнатах повешены кресты» [226, с. 62–63].

Подобная информация о случаях вмешательства представителей украинского националистического подполья в первые послевоенные годы в образовательный процесс, сопровождаемых уничтожением советской символики, портретов вождей, «враждебных» русскоязычных учебников, порчей школьных помещений, оказанием насильственных действий в отношении советских активистов и пропагандистов, приводится и в других документальных и литературных источниках.

Одной из причин такого агрессивного поведения украинских националистов была советская русификаторская политика. В этом смысле трудно не согласиться с мнением А. Гогуна о том, что «не в последнюю очередь из-за наплыва русско-советской культуры повстанцы долгие годы находили поддержку среди местного населения, которое хотело говорить на родном языке, а не на чужом — каким бы он ни был: польским, румынским или русским» [44, с. 311].

Продолжительность борьбы украинского националистического подполья и вооруженных отрядов УПА была обеспечена как поддержкой местного населения, так и организационной работой руководства ОУН. В послевоенный период, понимая бесперспективность широкомасштабной борьбы против советской системы, организация осуществляет переход к глубокому подполью и сохранению кадров, распространению агитации. Руководство националистического подполья осознавало, что основным резервом для будущей борьбы является национально сознательная молодежь, понимая, что кто имеет за собой массы, тот выигрывает. В послевоенный период идеологи ОУН разделяли молодежь на несколько групп: «1) пассивная, не углубляющаяся в современную действительность; 2) молодежь, сознательная, критически мыслящая, но не способная активно бороться; 3) та, которая реагирует на вызовы времени, но не всегда целесообразно, бессистемно; 4) юношество, которое активно борется. Идеалом национального воспитания считался сознательный, политически думающий, социально активный молодой человек, решительный в своих планах и действиях. В реализации этих планов важное место занима-

ли учебно-воспитательные и культурно-просветительные учреждения, прежде всего школа. Следовательно, основной акцент в идеологическо-пропагандистской и воспитательной работе с юношеством ставился на школьную молодежь и учительскую интеллигенцию [226, с. 80, 81].

Советская власть, со своей стороны, считала учителей работниками идеологического фронта и требовала от педагогов западных областей Украины быть проводниками коммунистической идеологии. От интеллигенции требовались не только профессионализм в работе, а «особые проявления советского патриотизма» в виде организации митингов, произнесения докладов, пропагандистских речей, проведение различного рода агитации. По сути, происходил процесс превращения педагогов в политруков [151, с. 100–101]. Следовательно, учительство оказывалось в тисках противоборства советской власти и украинских повстанцев. Это негативно сказывалось на системе образования, приводило к страху и нежеланию учителей работать в Западной Украине. Например, только из Волынской области в сентябре — октябре 1946 года, не выдержав давления, выехали 500 учителей [214, с. 33].

На рубеже 1940–1950-х годов подполье ОУН понесло большие потери в борьбе с большевистскими силовыми структурами. Массовые выселения и колхозная система выбили из-под ног подполья его надежную социальную базу — крестьян-единоличников. Как следствие, значительная часть организации была разгромлена, погибли опытные кадры, заменить их было некому, вести организационную работу среди населения, в том числе и среди молодежи, становилось все труднее [91, с. 354–355].

Ослабление влияния ОУН на умонастроения людей оказали позитивные изменения в социально-экономическом развитии региона в результате деятельности органов государственной власти, жесткого силового и идеологического контроля над деятельностью незаконных формирований. В изменившихся условиях националистическое движение утратило активную поддержку со стороны населения, которое избегало открытого проявления своих идейных и политических убеждений.

Вместе с тем, было бы упрощением рассматривать идеологическое противостояние представителей коммунистической и националистической идеологий исключительно под углом влияния внешних факторов, а не как результат осознанного самостоятельного

формирования личных убеждений. К тому же в западных областях Украины кроме этнических украинцев проживало немало русских, поляков, румын, венгров, молдаван и других этнических групп, которые были носителями определенного мировоззрения, не обязательно совпадающего с украинской национальной идеей.

Поэтому трудно согласиться с автором, который полагает, что «в условиях давления и всеобъемлющей советской идеологии значительная часть молодежи приобщалась к социалистическому строительству. Некоторые из них были полностью убеждены, что советская власть действует в их интересах, поскольку дает им образование и возможность работать». Скорее неоспоримо его утверждение о существовании другой группы молодежи, которая «...открыто или скрыто оказывала сопротивление большевикам. В школах, педучилищах, среди учительского коллектива советские силовые структуры разоблачали подпольные националистические организации, арестовывали отдельных лиц, обвиняемых в связях с ОУН или УПА. ...Основная часть западноукраинской молодежи в тех сложных условиях выбрала тактику приспособления, пытаясь реализовать себя в жизни, но их приверженность власти часто носила лишь декларативный характер» [226, с. 102].

Основные организационные основы деятельности подполья среди молодежи в послевоенный период определяла программа под названием «Олег» (организация легальной сети молодежи). Она реализовывалась параллельно с двумя другими программами подполья: «Орлик» (распространение идей и влияния ОУН на Восток Украины) и «Даждьбог» (сохранение кадров ОУН). Эти три тактические программы действовали до окончательного разгрома подполья, только корректировались в соответствии с обстоятельствами. Программа «Олег» предусматривала следующие задачи: подбор кандидатов из числа молодежи для поступления в ОУН и работу с ними в индивидуальном порядке; создание широкой сети молодых сторонников ОУН, которые, проживая легально, могли выполнять различные задания; распространение новых форм и методов работы с юношами, которые бы гарантировали конспиративность. Р. Шухевич в одном из писем к своему заместителю, генерал-хорунжему УПА В. Куку писал, что главные усилия членов ОУН нужно направить на две проблемы — молодежь и Восток, то есть на реализацию программ «Олег» и «Орлик», поскольку «в противном случае может произойти катастрофа» [90, с. 94].

О масштабах подпольной антисоветской деятельности, проводимой националистической молодежью, можно судить по донесению Н. Хрущева И. Сталину об осуждении украинских юношей и девушек за участие в национально-освободительном движении от 13 июля 1949 года. В нем сообщалось: «В детских колониях и других местах заключения Украинская ССР по состоянию на 1 мая с. г. содержится 176 юношей и 232 девушки, осужденных в 1944–1946 гг. военными трибуналами войск МВД за принадлежность к организациям украинского-германских националистов или за помощь им, сроком от 5 до 25 лет» [130, с. 335].

По результатам проверки педагогических коллективов школ западных областей УССР, проведенной компетентными органами в 1949–1959 годах, из 46822 учителей 617 (1,3 % от общего количества) имели связь с ОУН, в том числе 351 — в Тернопольской и 129 — в Станиславской областях [214, с. 149].

В 1948–1955 годы МГБ УССР в западных областях было ликвидировано 952 молодежных сельских организаций ОУН, арестовано 4187 человек [90, с. 103].

Наличие широкой сети молодежных подпольных организаций ОУН в сельской местности, как и их сторонников среди учителей местных школ, объясняется их территориальной близостью к местам базирования подполья, благоприятными условиями конспирации, незначительной насыщенностью сел структурными подразделениями МГБ УССР и его агентурой, благоприятной социальной базой националистического движения, состоящей из крестьян-единоличников и сельской интеллигенции.

Всего в западных областях Украины с 1944 по 1952 годы было подвергнуто разным видам репрессий около 500 тысяч человек, в том числе убито более 153 тысяч, арестовано свыше 134 тысяч, выслано за пределы республики 203 тысячи человек [183, с. 820], что позволило к концу 1955 года окончательно ликвидировать организованное подполье ОУН. Хотя случаи проявления националистических выступлений продолжали существовать вплоть до 1991 года, особенно активизировавшись в годы «перестройки».

В начале 1950-х годов националистическое движение в сельской местности практически сошло на нет, но подпольные организации в городах продолжали действовать. Это подтверждается тем, что в течение 1954–1959 годов в Украине было ликвидировано 183 «националистические и антисоветские группировки», осуждено 1879 человек,

из них 46 группировок (245 человек) в среде интеллигенции и молодежи [205, с. 325–326].

Власти предпринимали все меры по недопущению восстановления сети националистического подполья. Показательным в этом отношении является письмо секретаря ЦК КПУ М. В. Подгорного в ЦК КПСС, датированное 25 сентября 1956 года, в котором содержится предложение «запретить впредь украинским буржуазным националистам, участникам оуновского подполья, бывшим бандитам, осужденным за контрреволюционные преступления, а также лицам, осужденным за бандитизм, возвращаться после освобождения из мест заключения во Львовскую, Тернопольскую, Дрогобычскую, Станиславскую, Волынскую и Ровенскую области УССР» [123, с. 828].

Подобные решения являлись не только грубым нарушением прав человека, а и не гарантировали лояльность таких лиц к существующему режиму, независимо от места их поселения. Разумеется, в других регионах страны их шансы на поддержку местного населения были крайне малы.

С середины 1950-х годов националистическое движение развивалось одновременно в подполье и легально. Некоторые из групп уже не принадлежали к оуновскому подполью, но были его идейными наследниками. Одна из первых попыток перехода к организованным мирным формам оппозиционной деятельности осуществила группа Л. Лукьяненко, которая образовала в 1959 году Украинский рабоче-крестьянский союз. С нее началось зарождение диссидентского (от лат. *dissidens* — отступник, политически инакомыслящий) движения в Украине. Хотя некоторые из украинских борцов даже сторонятся слова «диссиденты», предпочитая самоидентифицировать себя как «политзаключенных» или «деятелей Движения сопротивления».

Импульсом к обновлению общественного сознания и появлению диссидентства послужило «хрущевское» десятилетие. Диссидентство выдвигало реальную альтернативу нарастающим кризисным явлениям в духовной жизни общества — социальной апатии, дегуманизации, бездуховности. Его идеология, зарожденная как сомнение в целесообразности отдельных звеньев существующей системы, постепенно выкристаллизовывалась в твердое убеждение в необходимости коренных изменений в обществе.

Генезис украинского диссидентства был двойным, что обусловлено двойственной природой СССР — как тоталитарного государства

и как союзного государства, в котором ущемлялись национальные права украинцев.

С одной стороны, диссидентское движение было попыткой серьезного сопротивления тоталитарной системе, имело целью демократизировать общество. В этом смысле украинские диссиденты стояли на общей платформе всех советских диссидентов. На ранних этапах в состав диссидентского движения вошли даже убежденные коммунисты, которые стремились к «коммунизму с человеческим лицом».

С другой стороны, украинское диссидентское движение черпало вдохновение в национально-освободительной борьбе украинцев и, собственно, было его продолжением, но уже другими политическими средствами. Это отличало украинских диссидентов от российских, в чьих глазах украинское движение было «не чисто демократическим», а «засоренным националистическими требованиями».

Украинский диссидентство пережило несколько фаз развития: период романтических надежд (до первых арестов 1965 года), период отрезвления и публичных протестов (до второй волны арестов 1972 года) и период радикализации движения и правозащитной деятельности (после 1972 года и до конца 1980-х годов). В третий период название «Украинское диссидентство» фактически очерчивало пеструю группу несогласных, к которой принадлежали умеренные интеллигенты, стремившиеся прежде всего к творческой свободе, и правозащитники, откликнувшиеся на общемировое движение за права человека; и политические борцы, которые ставили вопрос о независимости Украины и изменении государственной системы [135].

Диссидентское движение, в котором по различным оценкам находилось от 600 до 1000 человек, состояло из трех основных течений, которые время от времени то расходились, то сливались [65].

1. Правозащитное, или демократическое диссидентство, представленное Украинским Хельсинским Союзом (УХС) по правам человека — общественной организацией по содействию выполнения Хельсинских соглашений, подписанных СССР в 1975 году на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. УХС была создана 9 ноября 1976 года в Киеве в составе 37 человек во главе с писателем М. Руденко. Группа имела целью: знакомить украинское общество с Декларацией прав человека ООН; собирать доказательства нарушения властями прав человека, национальных прав в Укра-

ине, осуществления политики насильственной русификации; добиваться свободного обмена информацией и идеями.

2. Религиозное диссидентство, что имело целью борьбу за фактическое, а не декларативное признание свободы совести.

3. Национально ориентированное диссидентство, которое решительно осуждало шовинизм, имперскую политику центра, форсированную русификацию, выступало в защиту прав и свобод всех народов и их сотрудничество в борьбе за условия жизни, достойные цивилизованного мира. Определенная часть представителей этого течения отстаивала идею отделения Украины от СССР мирным путем.

В течение 1960 — начале 1970-х годов в украинском диссидентстве превалировало национально-культурное общественное движение. В современной украинской литературе активистов этого движения часто называют шестидесятниками. При этом в данный термин вкладывается совершенно иной, существенно более узкий и определенный смысл, чем тот, который ассоциируется с понятием «шестидесятничество» применительно к советской культуре, в целом к мировой культурологии. Украинское шестидесятничество — это движение творческой (в первую очередь гуманитарной) интеллигенции, направленное, главным образом, на борьбу с русификацией и возрождение национальной культуры. Шестидесятники не ставили вопрос об отделении Украины от СССР, они надеялись на либерализацию режима и на решение национальной проблемы в составе Союза [78].

В 1960-е и последующие десятилетия антисоветская деятельность не ограничивалась исключительно националистической направленностью. Так, на протяжении 1964—1965 годов органами государственной безопасности был раскрыт ряд антисоветских групп, участники которых проводили подрывную работу против социалистического строя, политики КПСС, пропагандировали идеи реставрации капитализма. За проведение антисоветской националистической работы было арестовано более 20 человек, которые своим активным влиянием охватили довольно широкий круг украинской интеллигенции (свыше 1000 человек) [74, с. 846—847].

Оценивая роль украинского диссидентского движения в истории СССР двух последних десятилетий, участники международной научной конференции «Сила бессильных?», состоявшейся в декабре 2018 года в Киеве, очень метко подметили, что диссиденты уничтожили не советскую систему, а миф о ней [64]. И здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

В конце 1980-х годов украинское национально-освободительное движение, окончательно отмежевываясь от «национального коммунизма», перешло от постановки и реализации проблем культурной жизни к выдвижению и защите политических требований. Вершиной его деятельности стало создание «Народного Руха Украины за перебудову», участники которого реализовали на практике многовековые чаяния своих предшественников, связанные с созданием Украинского суверенного государства.

Раздел 2

«ПЕРЕСТРОЙКА» КАК КАТАЛИЗАТОР УПАДКА СОЦИАЛИЗМА И РАЗВАЛА СССР

2.1. СУЩНОСТЬ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ЕЕ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Обращение к событиям, хотя и имеющим важное мировое значение, но все же 35-летней давности, у современного поколения украинских граждан вызывает по меньшей мере удивление, поскольку прямо не связано с их практическим интересом. Но это обманчивое представление, хотя бы по той причине, что история обладает свойством повторяемости.

К такому заключению можно прийти, анализируя процесс «перестройки» в историческом контексте: до 1985–1991 годов и после 1991 года. Поиск аналогов «перестройки» в прошлом возвращает исследователя к событиям далекого 1917 года.

В этой связи отмечая, что в ходе реформ СССР в 1985–1991 годах произошли необратимые процессы социального распада огромного государства, часто именуемого империей, Н. Елисеева считает, что Советский Союз словно повторил судьбу Российской империи в 1917 году. Эта завораживающая повторяемость двух грандиозных социальных катастроф практически на одной территории в начале и в конце XX века не оставляет равнодушными ни профессиональных гуманитариев, ни вообще думающих людей и наводит на аналогии [69].

Обращение к приему аналогии с учетом особенностей посткоммунистического развития Украины наводит на многие параллели в функционировании отечественных и советских институтов власти, в заинтересованном участии западных стран в выработке внутреннего и внешнего курса нашего государства. В результате создается впечатление, что все повторяется вновь, и чтобы избежать сценария развития событий, подобного советскому, и его разрушительных последствий, необходимо обратиться к извлечению уроков из недалекого прошлого.

Исследуя скрытые характеристики власти, которые существовали в разных культурах и в различные эпохи, И. Исаев пришел к выводу, что «...понятие власти меняется вместе с её структурами, института-

ми и субъектами, а каждая эпоха формулирует собственные представления о власти. Несмотря на это власть продолжает действовать. Поэтому естественным является стремление найти её некие непреходящие, внеисторические черты» [89, с. 119].

Эти универсальные черты закрепляются в архетипах (образы, символы, мотивы), являющихся не просто корневой основой человеческой истории и культуры, а в силу этого составляющие и своеобразный фундамент современности. По мнению К. Юнга, архетипы — это еще и «насыщенные энергией центры»: из-за нерешенных проблем они всплывают в наших снах. Это — знаки внутренней эволюции и ключи к решению проблем. Конечно, при условии, что мы можем понять такое послание [268].

Это правило работает не только применительно к индивидуальному восприятию окружающего мира, а и к эпохальным событиям, к каковым безусловно относится и «перестройка». Для того, чтобы она не приходила к нам в сновидениях и не обрастала мифами, переходя в коллективное бессознательное, следует постараться разобраться в полном смысле данного общественного феномена.

Прежде чем определять сущность «перестройки», необходимо пролить свет на ее авторство и целевые установки инициаторов этого действия. С этой целью приведем мнения на этот счет государственных и видных политических деятелей, а также ведущих ученых той поры, имеющих непосредственное отношение к событиям 1985–1991 годов.

Некоторые из важных советских персон оспаривают право М. Горбачева на авторство «перестройки». В полемике по данному вопросу прослеживаются две версии относительно инициаторов перестройки: одна связана с именем Ю. Андропова, другая, более очевидная — А. Яковлева.

Сторонниками первой версии были бывший советник М. Горбачева А. Черняев и экс-руководители Совета Министров СССР Н. Рыжков и Президиума Верховного Совета СССР А. Лукьянов.

Так А. Черняев (в 1961–1986 годы — работник Международного отдела ЦК КПСС) в своих мемуарах обнаружил созданный вместе с Г. Арбатовым (директор Института США и Канады АН СССР) документ: программу действий для следующего после Л. Брежнева генсека ЦК КПСС. Ее они написали за день до пленума ЦК, избравшего Ю. Андропова генсеком. Назвав эту программу фантазиями, А. Черняев подчеркнул при этом, что они «поразительно совпадают с тем,

что потом стало составной частью внутренней и внешней политики». Сохраняя авторский стиль, приведем некоторые ее фрагменты: «ликвидировать брежневскую инфраструктуру — всех этих родственников, прихлебателей, любимцев, всяких привлеченных из Молдовы и Днепропетровска... Виллы, загородные дачи, охотничьи хозяйства, раздутую охрану, сотенную, если не тысячную челядь. Это для возрождения морального права лидера. Уйти из Афганистана. Сказать Ярузельскому, чтобы выкручивался сам. И всем дать понять, что в Польшу не полезем ни при каких обстоятельствах. Убрать СС-20 из Европы. Обуздать военно-промышленный комплекс. Открыто плевать на американский шантаж «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ) и уменьшить численность армии вчетверо. Отпустить всех диссидентов за границу во главе с Сахаровым — и тех, кто сидит, и тех, кого Андропов еще не успел посадить. 70–80 % министров — на пенсию. Реальную самостоятельность республикам, в частности автономным. Дать больше прав прессе, в частности относительно критики партийных инстанций...» [252].

Комментируя эти «фантазии», трудно не согласиться с указанным определением данной «программы», авторами которой являются два человека не столь значительного калибра. Кроме этого, остается абсолютно не выясненным заказчик «фантазий». Что же касается их содержания, укажем, что они явно не дотягивают до статуса программы генсека, хотя и в какой-то мере напоминают меры по наведению дисциплины и порядка с приходом к власти Ю. Андропова.

Спустя годы после развала СССР в Интернете появились материалы, в которых указывается на причастность Ю. Андропова к провозглашению перестроечного курса КПСС, еще до прихода к власти М. Горбачева. Так бывший руководитель советского правительства Н. Рыжков связывал это с созданием в декабре 1982 года Ю. Андроповым для разработки реформ рабочей группы (М. Горбачев, В. Долгих и Н. Рыжков), наработки которой легли в основу доклада М. Горбачева на пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 года. По его мнению, если бы Ю. Андропов дольше прожил, то страна бы пошла по пути Китая.

На наш взгляд, подобный вывод является плодом воспаленного воображения Н. Рыжкова, поскольку то, что предложил стране Ю. Андропов, никак не подпадало под определение советской разновидности «китайской социалистической рыночной экономики». Программа подобных реформ по меньшей мере не была обнародована, а на практике ничего кроме контрольных рейдов борцов за укрепление

трудовой дисциплины в кинотеатры и другие общественные места массового скопления людей советский обыватель так и не увидел.

А. Лукьянов, так же как и Н. Рыжков, приписывал Ю. Андропову роль автора современных кардинальных общественных реформ до-горбачевского периода, одновременно указывая, что план изменения экономической политики был разработан еще А. Косыгиным, но ее проведению помешали события в Чехословакии. Экс-глава Верховного Совета СССР считал, что перестройка открыла путь к капитализму, и проводила ее не партия, а группа людей вокруг М. Горбачева, в которой главной фигурой был А. Яковлев. А главной целью этой группы был уход от социализма.

Этого не скрывал и сам А. Яковлев. В интервью «Независимой газете», приуроченном к своему 80-летию, он высказался весьма откровенно: «Для дела приходилось и отступать, и кривить душой. Я сам грешен: лицемерил не раз. Говорил о «обновлении социализма», а сам знал, к чему дело идет» [270].

Таким образом, у «перестройки» были иные, чем М. Горбачев, вершители. По крайней мере, правомерной является точка зрения, согласно которой инициатором «перестройки» был действующий генсек, а ее «прорабом» — А. Яковлев. Свою лепту в итоговый разрушительный результат «перестройки» внес и Б. Ельцин, однако не он был ее инициатором или «прорабом».

Не менее значимым в определении сущности «перестройки» является вопрос о ее целях и содержании.

Л. Абалкин (известный экономист, на публичных лекциях которого мне пришлось неоднократно присутствовать; в 1989–1991 годы — заместитель Председателя Совета Министров СССР), высказываясь в 1988 году о причинах и задачах «перестройки» ограничился рассуждениями общего характера, связав ее с «...достаточно глубокими изменениями в политической системе: ничем не сдерживаемой подлинной гласностью, включая всю полноту информации, свободу высказываний, высказываний и критику хода перестройки, контроль за деятельностью планово-хозяйственных органов... перестройкой общественного сознания и выработкой новых социалистических ценностей и установок» [1, с. 265].

В изложенной версии «перестройки» отсутствует конкретика как путей, так и механизмов реализации достижения изложенных установок, отражающих уровень развития тогдашней академической науки и хозяйственной практики.

Известный советский ученый и публицист Ф. Бурлацкий, прогнозируя будущее СССР, в разгар «перестройки» определил следующие основные черты модели демократического, гуманистического и эффективного социалистического общества: «1) планово-товарная экономика; 2) множественность видов общественной собственности — возвышение государственной до уровня общенародной, развитие кооперативной, семейной, индивидуальной форм и др.; 3) развитие гражданского общества и подчинение государства обществу; 4) разделение власти, полномочий и функций между партийными, государственными и общественными организациями, преодоление бюрократизма; 5) развитие самоуправления, формирование общественного мнения как фактора политического процесса, построение государственного управления по принципу — лучше меньше, да лучше; развитие выборности, ротации кадров, профессионализма; 6) экономическая состязательность (социалистическая конкуренция) и состязательность культурных направлений, воспитание социалистической личности, полное преодоление наследия авторитарно-патриархальной культуры и формирование социалистической» [25, с. 429, 430].

В представленном видении Ф. Бурлацким результатов «перестройки» — налицо черты и характеристики конвергентного общества как синтеза социализма и капитализма. Но весь парадокс подобных рассуждений в том, а какое же общество и социалистическое ли, было построено в СССР? А раз так, то на чем будет основываться и реализовываться предложенная интегральная модель будущего общества?

И все же ключевое значение для идентификации «перестройки» имеет то, как ее понимал сам инициатор — М. Горбачев. В его публичных выступлениях и публикациях, начиная с 1987 года «перестройка» все чаще ассоциируется с революцией. Во время поездки в Хабаровск летом 1986 года он отождествил «перестройку» с октябрьской революцией 1917 года, усилив сравнение в названии своего доклада на пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 года — «Октябрь и перестройка: революция продолжается». В книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» М. Горбачев указывает, что «перестройка — процесс революционный, ибо это скачок в развитии социализма, в реализации его сущностных характеристик» [47, с. 48], понимая ее как политику, направленную на раскрытие потенциала социализма, на придание социализму новых качеств.

Сравнение «перестройки» с революцией, согласно советской обществоведческой мысли, предполагало «активное политическое дей-

ствии народных масс, имеющее первой целью переход руководства обществом... в руки нового класса» [220, столб. 926].

На такое противоречие, имеющее место в публичном дискурсе и официальных документах, одним из первых обратил внимание А. Зиновьев, который в 1988 году на Западе опубликовал серию статей о перестройке в СССР, выразив недоумение по поводу того, как можно использовать термин «революция». «...Когда поднаторевшие в марксизме советские партийные аппаратчики и оправдывающие их активность марксистско-ленинские теоретики начинают так легко обращаться с важнейшими категориями государственной советской идеологии, — указывал он, — то невольно закрадывается сомнение: а в своем ли уме эти люди?» [80].

Годом позже после А. Зиновьева таким вопросом задался и А. Бутенко, сформулировавший суть заложенного в риторике власти дуализма: «...почему мы называем перестройку революцией, если известна мысль К. Маркса, согласно которой после политической революции рабочего класса... «когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями»... Надо признать: или Маркс был не прав, или мы перестройку называем революцией не по Марксу» [27, с. 551].

Подобного рода рассуждения свидетельствовали о серьезных расхождениях в стане обществоведов. Думается, что «низы» не могли понять природы этих расхождений, а «верхи» испытывали идейный кризис.

Что думали по этому поводу «верхи», общественность узнала в 1997 году из мемуаров сына А. Громыко, в которых он приводит фрагмент разговора со своим именитым отцом, который свидетельствовал, что «...утверждение Горбачева о том, будто «перестройка» есть «революция», легковесно. Оно вводит в заблуждение, и вместо созидания мы опять можем перейти при таком подходе к разрушению. Менять в стране надо многое, но только не общественный строй» [52, с. 111].

Приведенные взгляды партийного руководства и советских ученых на природу «перестройки» и правомерность ее понимания как революции свидетельствуют не только о кризисе общества, а и об упадке обществоведения. И самое главное — те, кто должен был творчески развивать марксизм-ленинизм применительно к изменяющимся условиям общественного развития, оказались банальными неучами.

Осталось сверить бытующие в обществе взгляды о «перестройке» как революции с воззрениями классиков марксизма-ленинизма о социальной революции.

Если следовать марксовой концепции революции, «каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» [137, с. 448].

Раз это так, то выходит, что инициаторы «перестройки» подписывали сами себе приговор. Но, с другой стороны, по признанию В. Ленина, «революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или другому моменту, а созревают в процессе исторического развития и разражаются в момент, обусловленный комплексом целого ряда внутренних и внешних причин» [118, с. 531].

Более того, по К. Марксу, «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [136, с. 7].

Из приведенных положений марксистско-ленинской теории следует, что революция, победившая в октябре 1917 года в России, произошла вопреки теории как К. Маркса и Ф. Энгельса, так и В. Ленина, поскольку она не проистекала «...из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями... а была производной «...от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» [136, с. 7].

В политическом дискурсе в различные периоды «перестройки», как равнозначные ей, использовались такие термины как «реформа», «революция сверху».

Инициаторы «перестройки» сознательно или неосознанно, что не столь важно в данном случае, применительно к вопросу о необходимости критического переосмысления идейного наследия марксизма-ленинизма, пренебрегая сложившимися стереотипами, отошли от самой доктрины, трактуя свои деяния как революционные.

Если М. Горбачев до поры до времени пытался придерживаться доктрины революционной перестройки в рамках социалистических ценностей, то этого нельзя сказать о радикально настроенной части его окружения.

Однако поскольку те или иные решения принимались по ходу развития событий, без их концептуального обоснования, институционального и программного обеспечения — отсюда вытекает непродуманность, спонтанность и противоречивость принимаемых политических решений высшими эшелонами власти. Но это отнюдь не освобождает их от ответственности перед историей.

Уточнение и конкретизация сущности и содержания понятия «перестройка» будут осуществлены в процессе ее периодизации, а пока изложу свое понимание данного феномена.

С моей точки зрения, «перестройка» предстает как преобразовательная деятельность высшего советского руководства во главе с М. Горбачевым, связанная с обновлением существующего общественного строя, с переходом от деформированного социализма к социализму демократическому, с человеческим лицом и направленная на увековечение заслуг ее инициатора как исторической личности, изменившей ход мировой истории.

Данное определение — не более, чем собирательный образ «перестройки», сформировавшийся на основе официальных заявлений и практических действий представителей властной верхушки СССР. С точки зрения содержательной, это определение не лишено изъянов, отражающих основной лейтмотив официального дискурса, а не собственную позицию автора.

Так, например, можно деформировать то, что уже существует, а не находится в стадии формирования. В данном случае речь идет о горбачевской критике советского общества 1930-х годов, на которые пришлись социально-экономические, политические и духовные деформации, преступления власти перед личностью. Что касается целевой установки «перестройки», закреплённой в приведенном определении, то она отражает личную исследовательскую позицию автора. На наш взгляд, начиная в 1985 году общественные преобразования, М. Горбачев меньше всего думал о стране и людях. Его беспокоили в первую очередь личные успех и благополучие, а главное — собственное возвеличивание, ради чего он был готов пойти на все. И в этом смысле он вошел в историю: ломать — не строить. Споры нет, то, что произошло после 1991 года, устраивает немалую часть современников, которые

приловчились растаскивать по собственным норам народное добро и богатство, созданное несколькими поколениями советских людей. Новое поколение украинских граждан в большинстве своем не только не проявляет интереса к прошлому своей страны, а и безразлично к ее будущему. На этом фоне возвеличивание личности М. Горбачева — это надругательство над памятью старших поколений советских людей, ценой собственного здоровья и жизни отстоявших свою Родину от посягательств различного рода враждебных элементов.

В создавшейся ситуации остается уповать на то, что будущее за правдой истории, которая, сама по себе, не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средство для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [139, с. 102].

Для К. Маркса именно человек является субъектом исторических преобразований, ибо именно он — субстанциальный носитель праксиса (сущности и способа бытия человека-в-мире, как конкретно-исторического производства и воспроизводства непосредственной жизни отдельных индивидов и общества в целом), из которого развертывается социальная историчность: «именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь» [138, с. 66].

Э. Фромм называет такое понимание истории антропологической интерпретацией истории, которая «...основывается на том факте, что творцами и актёрами исторической драмы являются сами люди» [248, с. 595].

Как известно, основными вопросами, которыми занимался К. Маркс, были проблемы социально-экономического и социально-политического характера, погружённые в стихию исторического развёртывания. Экзистенциальная проблематика всегда оказывалась как бы скрытым фоном его экономических, социальных и политических изысканий. В силу этой латентности данную проблематику большей частью игнорировали, «выносили за скобки», считая несущественной, относящейся к до-марксистскому периоду развития К. Маркса, а то и вовсе не замечали в силу господствующей парадигмы.

Данный лейтмотив, заимствованный у К. Маркса, положен в основу исследования действующих лиц как советской, так и постсоветской истории. Именно он является мерилom нравственной и политической оценки исторических личностей, каковой является М. Горбачев.

Безусловно, М. Горбачев несмотря на огромные властные полномочия был заложником самой власти, времени, в котором он жил и творил, окружения и объективных обстоятельств, на что неоднократно обращали внимание его современники.

По воспоминаниям С. Станкевича (в 1988—1989 годы — один из лидеров Московского народного фронта и соратников Б. Ельцина), «драма Горбачева состояла в том, что он был обречен на постоянное запаздывание. Вся перестройка должна была начинаться не в 1985 году, а лет на 8—10 раньше. Горбачев уже пришел к власти с опозданием и дальше отставание от хода событий постоянно нарастало. ...Если бы он стал президентом в 1985 году, он, может быть, решительнее пошел бы на экономические преобразования... Он не рискнул пойти на отставку правительства, чтобы сформировать новое — под программу Шаталина — Явлинского» (программа перехода СССР к рыночной экономике; также называлась программой «500 дней») [49].

В приведенном высказывании можно согласиться лишь с одним — постоянным запаздыванием М. Горбачева не вследствие позднего начала «перестройки», а в результате ее непродуманности. А упование на то, что он не стал президентом сразу после прихода к власти, не выдерживает критики, поскольку у генсека полномочия были неограниченными. Никто не только не мешал ему проводить радикальные экономические реформы, а наоборот, в стране начал формироваться новый класс, кровно заинтересованный в рыночных отношениях. Китай, находясь в более плачевном положении в конце 1970-х годов, пошел на радикальные общественные преобразования, которые спустя четыре десятка лет вывели его в одного из лидеров мирового экономического развития.

Куда более точен в оценках причин фиаско М. Горбачева был А. Зиновьев, указав на то, что «власть Горбачёва в любом её обличье была властью кризисной — он, как и вслед за ним Ельцин, впал в иллюзию, будто все проблемы страны можно было решить путём махинаций с системой власти. Полнота власти тут приобреталась формально, а не практически. Она была достаточно сильна, чтобы производить разрушительные действия, но слишком слаба, чтобы

делать что-то позитивное, созидательное. Она все время казалась недостаточной, поскольку её нельзя было употребить в дело должным образом, поскольку сам факт предоставления полномочий не делал подвластных покорными без применения орудий реальной власти, которая разрушалась. Если бы Горбачёв был наделён полномочиями императора или даже фараона, суть дела от этого не изменилась бы» [81].

И с этим трудно поспорить, поскольку во все времена работал главный принцип властвования — желание и умение воспользоваться властными полномочиями в интересах общества и государства. Если на предшествующем этапе власть имущие были малоинициативными, то М. Горбачев действовал не на опережение и в основном деструктивно: каждая его новая инициатива только усугубляла положение дел, экономика приходила в упадок, господствующая идеология деградировала, а государственные институты разрушались.

Если М. Горбачев хотел войти в историю, то, как считает Д. Фурман, «различные политические группировки лишь имитировали идейную борьбу (коммунисты и демократы), на самом деле борьба шла за сохранение своего статуса, власти, денег в условиях краха коммунистической идеологии» [249, с. 17].

«Перестройку», по мнению Т. Коржихина и Ю. Фигатнер, вызвало к жизни «противоречие между принципами официально господствующей идеологии социализма и частными, эгоистическими мотивами и интересами мирка номенклатуры» [102, с. 25–38].

С данными авторами солидарен и В. Пастухов, указывающий на то, что все эти преобразования «были predetermined отнюдь не гуманистическими и демократическими воззрениями инициаторов и участников этого политического процесса, а экономическими интересами элиты, стремящейся юридически закрепить свои права» [168, с. 49–56].

Представленный перечень аргументов различных авторов на природу причин «перестройки» и мотивов ее активных участников можно было бы продолжить, но это не позволит в полной мере раскрыть сущность данного общественного процесса. По мере развертывания преобразовательной деятельности инициаторов перестройки и действий или бездействий широких народных масс в различных уголках огромной страны, «перестройка» приобретала новый облик и черты. Поэтому имеет смысл прибегнуть к такому исследовательскому инструменту как периодизация «перестройки». Такая процедура требу-

ет определения существенных признаков, по которым данный общественный феномен будет поделен на те или иные этапы или периоды.

Осуществить периодизацию исторического процесса спустя три десятка лет по его окончании одновременно легко и сложно. С одной стороны, легко показаться хорошо осведомленным задним числом, а с другой — имеются риски не увидеть главного за второстепенным. И потом современная жизнь создает немало соблазнов, сопряженных с последствиями развала СССР, а, следовательно, и невольных сторонников «перестройки», в то время как ее «жертвы» уступают свое место в жизни очередному поколению социальных оптимистов. В связи с этим бессмысленными выглядят попытки разделения «перестройки» на два противоположных периода — созидательный и разрушительный. К тому же подобное деление противоречит принципам диалектики.

В этом смысле постоянно пребывали в развитии и сами исследователи, тем самым меняя свою точку зрения на периодизацию «перестройки». Так В. Согрин в 1992 году выделяет четыре периода перестройки [221, с. 133]:

– первый — март 1986 — январь 1987 года, проходящий под лозунгом «больше социализма»;

– второй — 1987–1988 годы, имевший новый лейтмотив — «больше демократии»;

– третий — 1989–1990 годы, период размежеваний и раскола в лагере перестройки;

– четвертый этап совпал с 1991 годом и ознаменовался резкой сменой соотношения сил в пользу радикально-реформаторских группировок, приходом их к власти и началом идейно-политической революции с радикальными социально-экономическими преобразованиями.

Спустя десять лет этот же автор, ограничивая формат «перестройки» исключительно реформами М. Горбачева и оставляя за скобками сам процесс, выделяет в ней два этапа [222, с. 3–23]:

– первый (1985–1987 годы), связанный с осуществлением классической модели советской модернизации «сверху»;

– второй (1987–1991 годы), прошедший под знаком поддержки реформы снизу с целью соединения социализма с демократией и рынком, закончившийся развалом советской общественной системы.

Вторая периодизация, предложенная В. Согриным, является довольно типичной для постсоветского этапа развития историографии

«перестройки». Ее основным изъяном является оценка происшедшего с позиций современности в рамках дихотомии «с позиций социализма» — «с рыночных позиций». Но изначально такое разделение ни концептуально, ни институционально не прослеживалось. Такая борьба противоположных начал, как казалось тогда, вытекала из самой логики развития событий, вышедших из-под контроля официальных властей.

Английский историк Н. Робинсон в своей статье, опубликованной в 1991 году, выделяет три этапа горбачевских реформ. Первый этап (март 1985 года — февраль 1988 года) он связывал с экономическими преобразованиями в условиях лидирующей роли КПСС как авангарда советского общества. Второй этап, по его версии, начался после Пленума ЦК КПСС в феврале 1988 года и продолжался до первого съезда народных депутатов СССР (май—июнь 1989 года) и был связан с реформой избирательной системы, представительных институтов власти и появлением оппозиции КПСС во главе с Б. Ельциным. Старт третьему этапу был дан противостоянием М. Горбачева и Б. Ельцина на первом съезде народных депутатов СССР, а завершился он накануне XXVIII съезда КПСС (июль 1990 года) [280].

Разумеется, «перестройка» пошла дальше, но в ту пору автор предложенной периодизации еще не ведал, чем она закончится. Но его заслуга, заключающаяся в раскрытии логики сдачи М. Горбачевым руководящих позиций КПСС, как основной причины неудач его реформ, является неоспоримой.

Отличную от многих исследователей позицию в периодизации «перестройки» занял Э. Ян, которой начинает ее отсчет с января 1987 года (собственно «перестройка») и заканчивает серединой 1990-х годов. В приведенной периодизации, на первый взгляд, все спорно — ее начало и окончание. Но при этом автор приводит соответствующую аргументацию. Во-первых, следуя авторской логике, реформы 1985—1986 годов формально не подпадают под определение «перестройки». Во-вторых, советская социалистическая «перестройка», с его точки зрения, закончилась осознанной и добровольной ликвидацией монополии КПСС на власть, а также отказом от государственного управления экономикой.

В-третьих, начатые при М. Горбачеве реформы были доведены до логического конца Б. Ельциным в Российской Федерации. Указав временные рамки собственно «перестройки», автор определяет ее как период изменения (в смысле реформирования социализма)

всего комплекса внутренней и внешней политики Советского Союза, а также других социалистических стран. Ценность имеет не само определение «перестройки», которое не столь идеально по форме, а характеристика таких ее значений как програмmatика, намерение, практика, процесс и система обновленного, преобразованного социализма [272, с. 37–40].

Характеризуя сущность каждого из перечисленных значений «перестройки», Э. Ян тем самым прослеживает ее эволюцию, невольно выстраивая происходящие изменения по каждому из значений в определенный временной ряд. Данный прием является вполне оправданным применительно к решению задачи выявления сущности общественных преобразований, задуманных М. Горбачевым, но отдаляет от формирования целостного восприятия феномена «перестройки».

Понятное дело, вместо обновления социализма произошло его крушение, но обращает на себя внимание то, что Э. Ян не упоминает «перестройку» как концепцию, стратегию и государственную программу преобразований, что и предопределило фиаско М. Горбачева как политика и государственного деятеля реформаторского толка.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что отдельные авторы уделяют специальное внимание периодизации периода распада СССР, что в целом не нарушает порядок периодизации «перестройки», хотя и сужает ее хронологические рамки. Среди них — С. Филатов (в 1991 году — секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР), который при анализе процесса распада СССР выделил в нем три этапа, охватившие 1989–1991 годы — от начала экономического кризиса, сопровождаемого первым падением темпов после прихода к власти М. Горбачева и до прекращения его деятельности на посту Президента СССР 25 декабря 1991 года [247].

Диссонансной на общем фоне выглядит периодизация «перестройки» в одном из учебников по истории Украины, где в теме «Украина в период перестройки» указываются такие этапы [238]:

– 1985–1988 годы — период разработки концепции перестройки и осуществления первых экономических реформ; вызревания политического курса перестройки.

– 1988–1991 годы — период активных политических преобразований под лозунгом построения демократического, гуманного социализма.

Читателю, мало-мальски знакомому с историей СССР рассматриваемого периода, очевидна, мягко говоря, фальсификация реальной

действительности, если не сказать сильнее — сознательная ложь. Если бы все обстояло так, как это изложено в учебнике, Украине еще долго пришлось бы ждать своего счастливого случая.

Интересные наблюдения по вопросу периодизации «перестройки» обнародованы на украинском портале «Прошлое и настоящее». В размещенном здесь материале на тему «Этапы перестройки в СССР» указывается, что общепринятая периодизация перестройки СССР отсутствует, поскольку процесс реформирования Советского Союза не был последовательным (руководство государства не имело единого представления о политике реформ), в литературе распространились два варианта периодизации. В них этапы характеризуются [72]:

- попытками определить сущность (концепцию) реформ и потерей центральной властью контроля над политическими процессами;
- событиями, которые можно назвать выдающимися водоразделами развития Советского Союза в течение 1985–1991 годов.

Более распространенной является периодизация «перестройки» по первому критерию.

Обобщая изложенные подходы к периодизации «перестройки», считаю целесообразным предложить авторскую версию реализации данного научного приема, основанную на принципе историзма, который предполагает исследование событий в их становлении и развитии с учетом порождающих их причин и условий.

Исходя из этого, в попытках М. Горбачева, предпринятых в 1985–1991 годы по качественному преобразованию советского общества, следует выделить три этапа, связанных с провозглашением ускорения социально-экономического развития страны; гласности и демократии; собственно «перестройки» (изменения в кадровой политике, реформирование политической системы, прежде всего КПСС). В данном контексте термин «перестройка» используется в узком значении. Судя по названиям этапов, в основу периодизации положен признак определения того или иного «перестроечного» (широкое значение термина) начинания-лозунга как доминирующего по мере их публичного обнародования.

Поскольку указанный политический курс не имел под собой какого-либо концептуального обоснования и программного обеспечения, а решения власти принимались по принципу проб и ошибок, указанные этапы имели разное содержательное наполнение, а доминирующий лозунг не исчезал сам по себе со сменой политических

приоритетов и самих этапов. Тем не менее, поскольку использование приема периодизации предполагает не только установление последовательности событийного ряда, а и временную продолжительность каждого из этапов, укажу их следующие хронологические рамки:

– этап ускорения социально-экономического развития — от мартовского 1985 года пленума ЦК КПСС — до XXVII съезда КПСС (февраль—март 1986 года);

– этап гласности и демократии — с XXVII съезда КПСС — до январского 1987 года пленума ЦК КПСС;

– с январского 1987 года пленума ЦК КПСС — до окончания «перестройки» (в узком и широком значении) в декабре 1991 года развалом СССР.

С целью характеристики сущности каждого из этапов «перестройки» раскроем их содержательное наполнение, не вдаваясь в детали рассматриваемых событий и явлений.

Приступая к определению задач первого этапа «перестройки» в версии ее инициатора, подчеркнем, что новый генсек занял свой пост не как реформатор, а как один из самых молодых и, как казалось авторитетам партийного руководства, лояльных по отношению к сложившимся в партии и стране порядкам, членов Политбюро ЦК КПСС, о чем свидетельствует его речь на пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года. Вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПСС отметил, что «стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих пленумах ЦК при деятельном участии Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, была и остается неизменной. Это линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества. Речь идет о преобразовании материально-технической базы производства. Речь идет о совершенствовании системы общественных отношений, прежде всего экономических. Речь идет о развитии самого человека, о качественном улучшении материальных условий его жизни и труда, его духовного облика» [175, с. 10].

Этот курс получил свое дальнейшее развитие в докладе М. Горбачева на апрельском пленуме ЦК КПСС, в котором он объявил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества, краеугольным камнем которых было названо ускорение социально-экономического развития страны. Особое внимание было уделено активизации человеческого фактора, через укрепление дисциплины и стимулирование новых форм труда.

Курс на ускорение (оставим за скобками экономическую некорректность использования термина применительно к выдвинутым задачам) представляется исторически закономерным, учитывая наличие огромных природных и демографических ресурсов страны, и внутренне присущим социализму, принимая во внимание его социальную миссию, ожидания населения и дух соперничества с капитализмом. Однако основной вопрос заключался в другом, а именно в объективном анализе устойчивой тенденции к снижению темпов социально-экономического развития. А на этом пути стояли препятствия идеологического и психологического характера. Дело в том, что плановая система социалистического хозяйствования априори не допускала признания цикличного развития советской экономики, которой были имманентно присущи, как всякой экономической системе, не только подъемы, а и спады производства.

Кроме этого, социализм доктринально никак не должен отставать от капитализма по темпам своего развития. Думается, что М. Горбачев, как мало-мальски образованный экономист, догадывался об этом, но не хотел и не имел права признаваться в этом как лидер социалистического государства. Для реализации поставленной задачи была сделана ставка, с одной стороны, на интенсификацию производства, и активизацию человеческого фактора — с другой.

Даже поверхностный анализ развития экономики в предшествующие пятилетки свидетельствовал о ее структурной уязвимости, требующей не увеличения темпов развития, а первоочередной реструктуризации. Но выбор пал на меры дисциплинарного характера с чередованием потоков инвестиций в отрасли, производящие средства производства.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже в мае 1986 года в стране началась широкомасштабная антиалкогольная кампания, имеющая не только положительные, но и отрицательные последствия, в том числе и экономического характера.

Малоэффективной оказалась и накачка инвестициями машиностроения, поскольку выпускаемая предприятиями продукция не пользовалась спросом у потребителей.

Плачевные итоги реализации курса на ускорение социально-экономического развития страны на основе активизации человеческого фактора в конце 1986 года вызвали необходимость проведения научно обоснованной экономической реформы. Однако и она, как показало последующее время, в условиях обострившейся

политической ситуации и кризиса идеологии, не привела к ожидаемым результатам, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 2.1.

Таблица 2.1

Результаты развития советской экономики в годы «перестройки»*

Показатели	1985 год	1991 год
Золотой запас, тонн	2500	240
Официальный курс рубля к доллару	0,64 рубля	90 рублей
Официальные темпы роста советской экономики	+2,3 %	-11 %
Внешний долг, млрд долларов	31,3	70,3

* Источник: [282].

М. Горбачев только спустя год осознал недооценку ситуации, сложившейся в стране к моменту его прихода к власти, ограничившись полумерами, в то время как требовались глубокие системные преобразования, основанные на научном анализе советского общества и учете его исторических и национальных особенностей. Однако генсек пренебрег этим обстоятельством и решил пойти в народ за советом, а на самом деле решил сыграть с ним в поддавки, объявив переход к гласности и демократии. Для этого была проведена соответствующая работа по подготовке общественного сознания к восприятию такой новации. Еще в конце 1985 года произошла смена в руководстве Гостелерадио СССР: вместо отправленного на пенсию консерватора С. Лапина пришел А. Аксенов. А накануне очередного съезда КПСС в «Правде» вышла статья «Очищение», в которой содержался призыв к чистке партийных рядов. Ее автор — Т. Самолис спустя пять лет стала пресс-секретарем Центральной службы разведки СССР. Формально начало второго этапа перестройки было ознаменовано решением XXVII съезда КПСС, сделавшим акцент на необходимости открытия простора для инициативы и творчества масс, дальнейшем развитии демократии, самоуправлении народа, расширении гласности.

Если данный дискурс переложить на простой язык, народ, привыкший ругать собственное правительство за распитием крепких напитков в узкой и доверительной компании и при этом всякий раз произнося сакраментальную фразу, повернувшись к розетке, «товарищ майор, у нас все нормально», с открытым забралом начал прибегать к подобным акциям в публичном пространстве.

Провозглашение гласности стало первым шагом на пути соединения социализма с демократией, проявлениями которой стали свобода слова и печати, право на проведение собраний, митингов, демонстраций, доступом к информации, критикой в адрес государственных органов, открытостью их деятельности для широких слоев населения.

Прежде чем характеризовать различные проявления демократизации советского общества, связанные с гласностью, уделим внимание вопросу о личной заинтересованности М. Горбачева в развертывании данного процесса. Генсеку, во-первых, необходимо было объяснить причины неудач первого года «перестройки» и отвести критические стрелы от своей персоны, во-вторых, убедить население в том, что эти причины имеют долговременный характер, тем самым переложив ответственность на своих предшественников. В этом смысле гласность предстает как некое раскаяние в грехах, совершенных И. Сталиным, Н. Хрущевым, Л. Брежневым, а не новым генсеком. Но для их искупления недостаточно одного покаяния, необходимо, как полагал М. Горбачев, познать истину в делах текущих, с мыслью о том, что ждет современное поколение советских людей в будущем. Здесь уместно провести аналогию М. Горбачева с Сократом, который в течение полувека бродил по улицам Афин в поисках сограждан-собеседников с целью их наставления на путь философского знания.

Но в отличие от Сократа, генсек не располагал таким большим запасом времени, а главное он никак не походил на философа, хотя бы потому, что в отличие от греческих элитарных мудрецов, сам пошел к несведущему в делах политики и государственного управления народу за сочувствием, поддержкой и советом. На наш взгляд, такое допущение является условным, поскольку М. Горбачев, как и его предшественники, правил страной не под влиянием «философской веры» (выражение К. Ясперса), а находясь в плену «недобросовестной веры» (Жан-Поль Сартр), слепо веря в коммунистическую доктрину и собственную непогрешимость. Выражаясь в терминах идеологии, открыв дорогу гласности, генсек передал инициативу оппоненту, дав ему свободу для манипулятивных действий с ним в надежде на то, что он распорядится им с пользой для обеих сторон. Представ поначалу как популистский проект, гласность со временем стала мотильщиком коммунистической идеи и одним из важных факторов разрушения СССР. Но то произошло не сразу. Эту же точку зрения разделял и Ф. Бурлацкий, утверждая, что «гласность стала едва ли не

главным тараном, разрушившим коммунистическую систему» [25, с. 12]. В терминах демократии гласность определяется как главное и единственное достижение «перестройки».

Необратимый характер гласности проявился в первый же год ее триумфа. Популярные журналы «Огонек» и «Новый мир» возглавили соответственно В. Коротич и С. Залыгин, а газету «Московские новости» — Е. Яковлев, вскоре превратившие эти периодические издания в открытое публичное пространство для выражения мыслей, представляющих повышенный общественный интерес. Признаками гласности на телевидении стали телемосты с их ведущим В. Познером, молодежные программы «19 этаж», «Взгляд», «Пятое колесо», «600 секунд» и другие.

Задаваемые руководством КПСС границы гласности постепенно раздвигались, доля допустимых критических высказываний то возрастала, то снижалась, в том числе по прямым указаниям ведущих партийных кураторов идеологии, которые поддерживало все более активную и открытую полемику, полагая ее конструктивной. Случай со статьей Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами», опубликованной 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» и приведшей к трехдневному кризису в Политбюро ЦК КПСС, напомнил его участникам, что публичные дискуссии между конкурирующими кураторами идеологии среди самих реформаторов на самом деле ведут к политическому «расколу», а публичная полемика требует сохранения общего контроля из единого центра. После этого М. Горбачев фактически передал руководство идеологической работой А. Яковлеву.

Этот случай актуализировал возрастающее значение горбачевского призыва к научной и литературной общественности, работникам средств массовой информации об ответственности за критику и самокритику, прозвучавшего с трибуны январского 1987 года пленума ЦК КПСС. Руководство страны напомнило об этом на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС (июнь—июль 1988 года), приняв резолюцию «О гласности», в которой отмечалось, что «гласность предусматривает социальную, правовую и моральную ответственность средств массовой информации. Непременными требованиями в этой сфере должны быть... компетентность, безусловная достоверность...» [141, с. 145].

Впрочем, на практике гласность имела ограниченный характер. Об этом свидетельствует хотя бы факт существования главного цензурного литературного органа в СССР — Главного управления по де-

лам литературы и издательств (Главлита), а также созданного в 1989 на его базе Главного управления по охране государственных тайн в печати, которое просуществовало до августа 1991 года. Последний по времени перечень сведений, которые запрещалось публиковать (вышел в 1987 году), содержал не только информацию о деятельности органов государственной безопасности, советских разведывательных органов, но и данные о катастрофах, крупных авариях, приведших к человеческим потерям, информацию о маршрутах поездок, остановках, местах выступлений и пребывания членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС [23, с. 175].

Власти зачастую продолжали действовать по инерции, замалчивая и скрывая правдивую своевременную информацию о чрезвычайных ситуациях, как это было с Чернобыльской аварией (апрель 1986 года) и гибелью теплохода «Адмирал Нахимов» (август 1986 года).

Гласность внесла в жизнь советских людей немало полезных изменений. Ни одно из направлений гласности не имело такого сильного резонанса, как восстановление исторической правды. Этому во многом способствовало образование 28 сентября 1987 года Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов [184]. В 1988–1991 годы в результате ее работы было реабилитировано более 1 млн незаконно осужденных советских граждан [174].

В этом плане показательной была обращенность гласности в прошлое, сопровождаемая публикацией в конце 1980-х годов значительного количества научных и публицистических работ, в которых вскрывались «белые пятна истории». Их проблематика, сводящаяся к историческому пути как объективно предопределенному, выбору как осознанному субъективному проявлению политической воли и нравственной позиции субъекта истории и наличия альтернативы как существования в реальной жизни иных путей и выбора во многом способствовала усилению политического и идейного размежевания среди сторонников и противников гласности в понимании ее исторического предназначения.

Данный вывод подтверждается результатами опросов общественного мнения в 1989 и 1990 годах, проведенных Центром изучения общественного мнения Института социологии АН СССР. Сравнительный анализ результатов дает основание для вывода о том, что даже за один год в общественном сознании произошел довольно зна-

чительный сдвиг, прежде всего в понимании гласности, наполнении этого понятия конкретным содержанием. Раскрывая смысл этого понятия, 25 % опрошенных понимали под гласностью реализацию прав человека на информацию, необходимую для его активного участия в государственной и общественной жизни; 35 % — свободу слова, свободу печати и плюрализм мнений; 44 % — возможность высказывать любые мнения (без угрозы наказания за них), не совпадающие с официальной точкой зрения; 32 % — открытость в деятельности государственных органов и общественных организаций, доступность должностных лиц; 32 % — реализацию права каждого человека на информацию, затрагивающую его личные права, обязанности и законные интересы; 33 % — политику, связанную с обнародованием и учетом результатов опросов общественного мнения; 42 % — обязательное обнародование всех государственных решений, включая законодательные акты. Около 9 % опрошенных указало на отрицательное воздействие гласности на процесс перестройки [22].

Окончательное утверждение принципа гласности в деятельности КПСС и в советском обществе в целом произошло после вступления в силу Закона СССР «О печати», заменившего 1 августа 1990 года цензуру в средствах массовой информации системой защиты государственной тайны.

Завершая характеристику второго этапа «перестройки» с его доминантой гласности и демократии, констатирую, что на поверку гласность по М. Горбачеву, есть нечто иное как подмена философской мысли и поиска истины философией популизма, тем самым приблизив «перестройку» к своей последней черте.

Переходя к раскрытию содержания третьего этапа «перестройки» в ее буквальном, собственном смысле, замечу, что речь будет идти о том, что закончилось, так и не начавшись (не в горбачевском, а в моем понимании). Эта ремарка вовсе не означает, что за рамками анализа окажутся события, последующие после январского 1987 года пленума ЦК КПСС. Просто М. Горбачев, выступая на данном партийном форуме еще не знал, в какие общественно-трансформационные пазлы сложатся ускорение, гласность с демократией и реформирование КПСС вкупе с общей политической реформой. В своем анализе я тем не менее не буду отходить от главной линии перестроечного процесса.

С января 1987 года М. Горбачев осознанно выбрал отступническую поведенческую линию, вследствие чего он так и не стал не только героем или страдальцем, а превратился, в силу сложившихся об-

стоятельств, в жертву «перестройки». В своем образе генсек даже не дотягивает до трагического героя «Преступления и наказания» Ф. Достоевского, который признался и публично покаялся в совершенном им грехе. А ведь на совести М. Горбачева — десятки тысяч безвинных жертв последствий его антигосударственной деятельности. Пройдет время, и история расставит все на свои места, где жертва «перестройки» по степени своего грехопадения оставит далеко позади себя такую одиозную фигуру как И. Сталин. Да простят меня поклонники Иосифа Виссарионовича, здесь речь не идет о сравнении индивидуальных черт этих исторических личностей, действовавших хотя и в разное время, но все же на одном политическом поле.

Такое начало анализа содержания третьего этапа «перестройки» обусловлено попыткой М. Горбачева переложить ответственность за ее недостаточно активное продвижение на предыдущее руководство страны и коммунистов в целом. Неслучайно его доклад на январском 1987 года пленуме ЦК КПСС назывался — «О перестройке и кадровой политике партии», структура которого состояла из таких частей: перестройка — объективная необходимость; углублять социалистический демократизм, развивать самоуправление народа; кадровая политика в условиях перестройки.

В последней части доклада отмечалось, что «многих просчетов можно было бы избежать, если бы партийные органы всегда и последовательно проводили принципиальную, эффективную кадровую политику, обеспечивали высокую дееспособность всех звеньев партийного руководства и хозяйственного управления... Чтобы избежать подобных просчетов в будущем, мы обязаны извлечь уроки из прошлого. Первый из них состоит в необходимости своевременно решать назревшие кадровые вопросы в самом Центральном Комитете партии, его Политбюро — прежде всего с точки зрения обеспечения преемственности в руководстве, притока свежих сил. Второй урок... состоит в том, что нам нельзя допускать недооценку политической и теоретической подготовки, идейно-нравственной закалки кадров. Третий урок... состоит в том, что в кадровой политике последних лет парадоксальным образом уживались две противоположные тенденции: отсутствие на протяжении десятилетий кадровых перемен, притока новых людей и большая сменяемость, настоящая чехарда в кадрах руководителей. Четвертый урок — в необходимости усиления ответственности за порученное дело, поднятии дисциплины, создании обстановки взаимной требовательности. Еще один из уроков

заключается в слабости демократических начал в кадровой работе. Одной из причин серьезных упущений в кадровой политике является ослабление роли органов контроля как в партии, так и в сфере государственных и общественных организаций. Главный вывод из них в том, что мы обязаны серьезно обновить кадровую политику, освободить ее от искривлений и упущений, сделать по-настоящему современной, более активной и целеустремленной» [161].

Что могли вынести из данного фрагмента доклада генсека рядовые коммунисты. По большому счету ничего конкретно, не считая предчувствия возможных коренных перемен в их жизни. Такие вещи не проговариваются и не забалтываются с высоких трибун, а реализуются в повседневных рабочих буднях.

Как было заявлено на пленуме, авангард реформ был подвергнут беспрецедентному кадровому обновлению, сравнимому с тотальными чистками предшествующих времен. В 1986–1989 годах сменились 82,2 % секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС, почти 90 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Рекорд был поставлен в сфере кадров корпуса инструкторов райкомов, горкомов и окружкомов. Здесь за четыре года сменилось 123,1 % работников [236].

Такая широкомасштабная сменяемость кадров за столь короткий промежуток времени вызывает законный вопрос: откуда набирались новые кадры? Ответ — из вчерашних комсомольцев. По сути, тогда был сделан первый шаг к допущению к власти будущих олигархов.

Ключевую роль в развитии «перестройки» на данном этапе заняла XIX Всесоюзная конференция КПСС (28 июня—1 июля 1988 года), на которой с докладом «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» выступил М. Горбачев. Центральное место в докладе было отведено реформе политической системы, содержащей такие основные направления: совершенствование организации власти; демократизация государственного управления через децентрализацию управления; развитие межнациональных отношений; общественные организации в политической системе. К основным задачам реформы были отнесены: вовлечение трудящихся в управление страной не на словах, а на деле; открытие максимального простора процессам саморегулирования и самоуправления общества, создание условий для полного развития инициативы граждан, представительных органов власти, партийных и общественных организаций, трудовых коллективов; отлаживание механизма сво-

бодного формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп, их согласования и реализации во внутренней и внешней политике советского государства; обеспечение условий для дальнейшего свободного развития каждой нации и народности, укрепления их дружбы и равноправного сотрудничества на принципах интернационализма; радикальное укрепление социалистической законности и правопорядка, с тем чтобы исключить возможность узурпации власти и злоупотреблений, эффективно противостоять бюрократизму и формализму, обеспечить надежные гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан, а также выполнение ими обязанностей по отношению к обществу и государству; четкое разграничение функций партийных и государственных органов в соответствии с ленинской концепцией роли коммунистической партии как политического авангарда общества и роли советского государства как орудия власти народа; создание эффективного механизма, который обеспечивал бы своевременное самообновление политической системы с учетом меняющихся внутренних и международных условий, способной ко все более активному развитию и внедрению во все сферы жизни принципов социалистической демократии и самоуправления [141].

Особая роль в докладе была отведена демократизации руководящей деятельности и внутренней жизни КПСС, без направляющей функции которой невозможно воплотить политический курс и задачи «перестройки». Однако уже через полтора года конституционное положение о руководящей и направляющей роли КПСС как ядра политической системы общества было отменено.

В резолюциях конференции были намечены неотложные меры по реорганизации партийного аппарата, внесении необходимых изменений в его структуру с учетом принятых решений о разделении функций между партией и советами; по проведению Съезда народных депутатов в апреле 1989 года, на котором планировалось образовать новые органы государственной власти; по дальнейшему развитию и укреплению советской федерации на основе демократических принципов; о расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенции Союза ССР и советских республик, децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций.

Вместе с тем, конференция продемонстрировала наличие в КПСС трех платформ — консервативной во главе с Е. Лигачевым, центрист-

ской (М. Горбачев) и радикальной (А. Яковлев), что противоречило одному из основополагающих принципов партийного строительства — принципу демократического централизма. На конференции также наметилась открытая конфронтация между М. Горбачевым и Б. Ельциным. В частности генсек выразил недоумение по поводу критического отношения Б. Ельцина к Тезисам ЦК КПСС к конференции, а Е. Лигачев, в связи с этим, произнес крылатую фразу: «Борис, ты не прав!».

Спустя несколько лет Б. Ельцин в одном из своих интервью так прокомментировал эту ситуацию: «Все началось с 19-й партконференции, когда я понял, что нам с Горбачевым не по пути. Надо было когда-то сказать четко и ясно: я против Горбачева» [185].

Данная тенденция, наложившая негативный отпечаток на ход «перестройки», усилилась в процессе подготовки важных политических решений, связанных с конституционной и экономической реформами, подписанием нового Союзного договора, работой первых Съездов народных депутатов СССР, других важных государственных мероприятий в период так называемого путча (19–21 августа 1991 года).

Не придавали действенности политической реформе, как и авторитету М. Горбачева, противоречивость и половинчатость принимаемых решений. Это относится в первую очередь к вопросу о реформировании КПСС: усиление роли советов в политической жизни страны, размежевание функций партийных и советских органов причудливо сочеталось с совмещением постов руководителей партийных комитетов и советов и т. п. Хотя такие метаморфозы можно объяснить желанием М. Горбачева сконцентрировать в своих руках всю полноту власти, что в свою очередь никак не вязалось с политикой гласности и демократизации, с реформированием экономической системы.

М. Горбачев не смог предвидеть того, что отмена ст. 6 Конституции СССР, законодательно закрепляющей руководящую роль КПСС в жизни страны, повлечет за собой необратимые разрушительные процессы в условиях политической и экономической нестабильности. Этот шаг, если не прямо, то косвенно дезавуировал все успехи и достижения существующего общественного строя, которые так или иначе ассоциировались с КПСС.

Положение усугублялось и непродуманной текущей политикой. Это в первую очередь относится к процедуре и практике заключения нового Союзного договора. И дело здесь не в том, что инициирование этого процесса давало повод республикам для постановки

вопроса о конституционном праве наций на самоопределение (сам-то механизм его реализации не был прописан), а в отводе им в праве самостоятельно определять форму будущего устройства СССР. Это право взял на себя центр, тем самым лишив инициативы места. Это дало повод руководителям шести республик не участвовать в Ново-Огаревском процессе, тем самым исключив себя из состава будущих подписантов договора.

Накануне Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года М. Горбачев не воспользовался шансом сохранения СССР, проигнорировав невольную «подсказку» (не федерация, а конфедерация), вытекающую из опросного вопроса УССР, принявшей решение поставить на голосование перед своими избирателями вопрос о возможности вхождения в состав СССР на принципах Декларации о государственном суверенитете Украины. О таком сценарии развития событий свидетельствовал и политик РСФСР, возглавляемый собственным президентом.

Непоследовательность М. Горбачева проявилась и в отказе от программы «500 дней», направленной на постепенный переход СССР к рыночным механизмам хозяйствования. Речь идет о том, что тем самым он лишил будущего не только страну, уже ставшую, с его легкой руки, на путь рыночных отношений, а и себя, как ее руководителя. А окончательный вердикт М. Горбачеву и СССР был вынесен событиями 19–21 августа в Москве, к которым косвенное отношение имел и «изгнанник»-президент.

Апофеозом, заключительным актом «перестройки» стало выступление М. Горбачева по Центральному телевидению 26 декабря 1991 года, в котором содержится и такая фраза: «В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества независимых государств прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям. Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться» [175, с.38].

В этом абзаце проявилась вся сущность трусливого, непоследовательного и алогичного политика, волею судьбы незаслуженно оказавшегося на вершине власти, в сложный и ответственный период истории огромной и по-своему великой страны.

2.2. УКРАИНСКАЯ ВЕРСИЯ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

«Перестройка», как общественный процесс, имеет свою точку отсчета и эпицентр своего развития, каковым является столица СССР — Москва, с ее Старой площадью, на которой находилось здание ЦК КПСС, во властных кабинетах которого принимались политические решения, обязательные для выполнения на всей территории союзного государства. И Украинская ССР (с декабря 1991 года — Украина) в этом смысле не была исключением. Однако это не означает, что происходящие в ней преобразования были точной копией тех, которые инициировались центром и происходили в столице Советского Союза. Да и решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР зачастую выполнялись формально, а в последний год существования Советского Союза попросту игнорировались правящей украинской верхушкой, переживающей, как и центральная власть, глубокий кризис. В силу объективно сложившихся обстоятельств и развития внутриполитической ситуации в республике ее правящая элита невольно обращалась к реализации конституционного права на самоопределение. Фактически же в УССР, как и в других советских республиках, взяла вверх логика внутреннего общественного развития, которая далеко не всегда отражала ведущую тенденцию развития «перестройки» в центре. Иначе говоря, Украинская ССР на практике столкнулась с проблемами, как порожденными «перестройкой», так и обусловленными национальными особенностями, а также текущим политическим моментом. Означает ли это, что «перестройка» тем самым вытеснялась на обочину политической жизни УССР 1985–1991 годов?

Чтобы получить ответ на данный вопрос, обратимся к постановке и разрешению обозначенной проблемы в отечественной и зарубежной историографии.

Исследования «перестройки», независимо от времени и места появления публикаций, в целом отражают доминирующие в обществе ценности. Если на Западе интерес к «перестройке» связан с внедрением и поддержанием в общественном сознании идеи преимуществ либерально-рыночной экономики над плановой, в России ключевым концептом является «распад»/«развал» СССР как специфической формы российской государственности, то в историографии постсоветских государств в центре внимания находится их извечное стрем-

ление к независимости, в реализации которого перестройка выступает лишь историческим фоном [115, с. 976—977].

В отечественной историографии постсоветского периода «перестройка» рассматривается в контексте дискурса о роли и месте советского периода в истории страны. В оценке периода «перестройки» существует широкий разброс мнений исследователей: от утверждения о двух «корнях» современной Украины, берущей свое начало одновременно от УССР и УНР, провозглашенной еще в 1917 году [107, с. 3; 179, с. 222], до проталкивания идеи о «длительной, почти столетней борьбе украинцев», а не «уникальной международно-политической конъюнктуре, которая привела к распаду СССР» [37]. Более реалистичным, на мой взгляд, является определение независимости как «закономерной случайности» [18, с. 220]. Это означает, что независимость Украины, по большому счету, является следствием развала СССР.

Характерными чертами отечественной историографии «перестройки» является конъюнктурный подход к освещению происходящих общественных преобразований и связь с политикой, с эволюцией «перестроечных» процессов и метаморфозами союзной власти. Отсюда — критический тон публикаций, приходящихся на конец 1990-х годов и первые два десятилетия XXI столетия. Причем острие этой критики имеет антисоветскую направленность, что роднит украинских исследователей с их западными коллегами, исповедующими доктрину советского тоталитаризма. В рамках тоталитарной исследовательской парадигмы благодатную почву для своего развития получил подход, в свете которого Украина предстает оккупированной и колониально зависимой территорией, а СССР — новой ипостасью возрожденной Российской империи. Поэтому любые события советской истории, включая «перестройку», рассматриваются как чуждые и враждебные, а положительная память о них трактуется как угроза украинской государственности. Поддержку такого подхода к советскому прошлому не раз демонстрировал экс-президент Украины П. Порошенко. Выступая 2 декабря 2016 г. на украинско-польской конференции цикла «Форум лидерства», он заявил: «Советский Союз не в документе и не в Беловежской пуще. Советский Союз в головах. И в этом смысле Советский Союз до сих пор не похоронен. И, простите за откровенность, Украина сейчас воюет, чтобы похоронить Советский Союз в головах некоторых...» [181]. Нетрудно догадаться, чем подобные установки чреваты не только для поколе-

ния украинских граждан, рожденных в СССР, а и для общественной стабильности.

С принятием 9 апреля 2015 г. Закона Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» фактически тоталитарная парадигма получила статус официальной интерпретации истории советского периода.

Вопреки этому, отдельные историки все же уделяют внимание вопросу об особенностях перестройки в УССР. Так, А. Бойко к ним относит: замедленный темп общественных преобразований; сравнительно низкий уровень социальной активности населения; длительное сохранение у власти бывшей брежневской элиты; отсутствие явного насилия как средства решения внутренних проблем; преобразование черныбыльской трагедии из экологического фактора общественной жизни в мощный политический. Однако, по мнению этого ученого, начиная с момента образования «Народного руха Украины за перестройку» и особенно после выборов народных депутатов УССР (март 1990 года) ситуация существенно изменилась. На ход перестройки начали влиять новые политические факторы, имевшие выразительную национальную окраску и придавшие общественным изменениям динамику и специфические черты (доминирование национал-демократов в местных советах западных областей, образование парламентской оппозиции, появление многопартийности) [17, с. 329–330].

Такая трансформация «перестроечных» процессов в Украине дала повод В. Литвину для выдвижения идеи о перерастании «бюрократической» перестройки в революцию в УССР. Он видит в «революции» социальный и национальный аспекты. Первый заключался в «возвращении общества к естественным формам хозяйствования, основанным на частной собственности». В то же время самораспад государственного строя сопровождался мощной вспышкой национально-освободительного движения [239, с. 16].

Однако основания для оценки политических событий в Украине конца 1980-х — начала 1990-х годов как революции отсутствуют, поскольку не было революционеров как таковых. Разве что следовало бы остановить взор на одной значимой политической фигуре того времени — М. Поповиче, который был одним из ярких идеологов борьбы против существующего режима, искренне верящим в правоту своего дела, не рассчитывая при этом на собственное возвеличива-

ние и выгоду. И как только борьба за независимость приобрела националистическую направленность, он целиком ушел в науку, став впоследствии директором Института философии АН Украины. Все остальные — что среди национал-демократов, что среди суверенно-коммунистов — были не революционерами, а ряжеными (доказательства тому — впереди).

Стоит остановиться еще на одном важном вопросе, который является предметом острой дискуссии в отечественной и западной историографии «перестройки» — о роли Украины в развале СССР.

Ряд исследователей (С. Грабовский, С. Плохий, Ю. Шаповал), основываясь на концепции о национальном факторе как главной причине краха СССР, настаивают на ключевой роли Украины в дезинтеграции СССР. Одновременно отрицается значительное влияние США на этот процесс. Таким образом, условная роль «могильщика» переходит от США к Украине. По мнению С. Плохия, дезинтеграция СССР стала непосредственным результатом референдума в Украине 1 декабря 1991 г., где более 90 % избирателей проголосовали за независимость [172].

Но эти же избиратели (70,25 %) в марте 1991 года на Всесоюзном референдуме поддержали идею сохранения СССР как обновленной федерации. Является очевидным, что решающими в дальнейшей судьбе Советского Союза были события, происшедшие в Москве 19–21 августа 1991 года.

Более точным в своих оценках этого явления является Я. Грицак, указавший на то, что Всеукраинский референдум стал последним гвоздем в гроб СССР [50, с. 197].

Заметное место в украинской историографии перестройки занимает теория революции элит. Украинские авторы, как правило, отмечают определяющую для судьбы СССР позицию Л. Кравчука, целью которого во время работы над союзным договором было воспользоваться слабостью союзной власти и утвердить независимость Украины [106, с. 51].

Думаю, что он всегда преследовал одну цель — быть на вершине власти. Показательной в этом отношении является его антигосударственная позиция при обсуждении кандидатов на пост главы правительства осенью 1990 года. «Нам надо поставить туда человека, — доказывал Леонид Макарович, — на которого можно перевести стрелки. В том числе и взять, я б сказал, такую одиозную фигуру, с которой те носятся, как дурак с писаной торбой, типа Юхновского,

пожалуйста, вам дали, вы хотите — берите. Тогда мы освобождаемся, потому что есть исполнительная власть, пусть она и решает. Потому что рынок будет непопулярным, начнется безработица, если так пойти, как сейчас намечено, начнется падение всех и вся... Чего мы должны тогда, зная, что мы не справимся с этими задачами, вновь брать на себя, зная, что не справимся» [128, с. 254].

Замечу, что несмотря на это, год спустя, Л. Кравчук, без тени смущения и неуверенности в собственных силах, дал согласие на баллотирование в президенты Украины. Поэтому — имеем, что имеем.

Более убедительными являются те украинские исследователи, солидарные с западной историографией, которые признают определяющую роль в дезинтеграции СССР российских лидеров, выступивших инициаторами принятия 12 июня 1990 года «Декларации о государственном суверенитете РСФСР». Так, И. Мельник, подчеркивает, что хаос в конце 1980-х — начале 1990-х годов — это признак естественного упадка империи со стороны самого центра, а не союзных республик [142, с. 326]. По мнению И. Овчар, указанный документ деформировал Советский Союз изнутри. Это означало, что юридически и фактически из его состава вышло государство, бывшее его опорой [163, с. 24–26].

Думаю, что с точкой зрения И. Овчара не согласятся лидеры прибалтийских народных фронтов, первыми начавшие раскачивать лодку, в которой они сами же и находились. Хочется надеяться, что граждане этих республик, как России и Украины, чувствуют себя комфортно в «промокнутой одежде».

С помощью историографического обзора мы подошли к одной из главных проблем, связанных с содержанием и особенностями «перестройки» в Украине, а именно — ее зависимости от общесоюзных процессов и связи с их фоном в других союзных республиках.

Полагаю, что при анализе развертывания «перестроечных» процессов в УССР следует учитывать ментальный и психологический факторы, что позволит расширить рамки дискурса, в котором наша республика предстает как заповедник коммунизма, консерватизма и борьбы с национализмом. Из этих ярлыков безоговорочно можно признать второй.

В силу своей ментальности украинцы (не только этнические, а и все проживающие на территории Украины), не склонны «бежать впереди паровоза», при этом руководствуясь проверенным жизнью правилом, гласящим, что покорный теленок двух маток сосет. Надо

также учитывать, что украинский народ длительное время служил «строительным материалом» для построения империй и таких амбициозных наций как польская и румынская.

Отдельного рассмотрения заслуживает и персональный состав руководства республики, представленный людьми, долгие годы пребывающими на занимающих должностях. Например, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. Щербицкий, возглавлявший партийную организацию республики с 1972 года, был авторитетным руководителем, оставаясь при этом противоречивой личностью.

По воспоминаниям его ближайшего окружения, первый секретарь ЦК КПУ, вопреки своему руководящему положению, не воспринял «перестройку» так, как ее понимал М. Горбачев. Да и о самом генсеке он не был высокого мнения, хотя публично свою точку зрения не высказывал.

Однако на этот счет имеются свидетельства кулуарного характера. При обсуждении в ЦК КПУ текста доклада первого секретаря ЦК КПУ для выступления в трудовых коллективах по итогам мартовского 1985 года пленума ЦК КПСС, услышав термин «перестройка», В. Щербицкий сказал: «Товарищ Кравчук, Вы мне скажите, пожалуйста, какой дурак придумал это слово перестройка?» [264].

И это был не единственный случай подобных откровений. Как вспоминала бывший председатель Президиума Верховного Совета СССР В. Шевченко, во время одной из бесед с нею В. Щербицкий сказал о новом генсеке: «Мы еще испытаем с ним беду». А на замечание, что М. Горбачева превозносят за рубежом, сказал: «А вы подумайте и сделайте выводы, почему» [29].

Интересный факт на этот счет приводится в воспоминаниях помощника первого секретаря ЦК КП Украины В. Врублевского: «Когда в начале перестройки Горбачев заявил, что стержнем экономической программы является задача ускорения темпов развития, то В. В. (Щербицкий. — примечание мое) заявил: — И это все? Да мы такую перестройку в республике уже давно осуществляем. Стоит ли об этом так шуметь. Надо работать, тогда и результаты будут» [36, с. 220]. В данном случае речь шла о работе по внедрению в СССР достижений научно-технического прогресса и роли в этом процессе академической науки, которая «...давала довольно высокую эффективность — на каждый вложенный рубль получалось пять рублей отдачи», это было значительно больше, чем имела АН СССР и другие республиканские академии [36, с. 146].

Можно предположить, что эта информация вскоре стала достоянием самого генсека. Однако она мало что решала в дальнейшей судьбе В. Щербицкого, как одного из претендентов в 1985 году на пост руководителя партии и как косвенного виновника Чернобыльской катастрофы. Хотя основная вина первого секретаря ЦК КПУ заключалась в сокрытии от общественности последствий этой трагедии. В оправдание ему можно было бы сослаться на опасения, связанные с паникой, обязанность соблюдать партийную дисциплину, банальную привычку подчиняться воле руководства СССР. Его трагедия как человека заключалась в твердом соблюдении партийной дисциплины, что не позволяло ему публично заявить о своем несогласии с политическим курсом М. Горбачева.

В. Щербицкий ушел с занимаемого поста, так и не приняв «перестройку», осознавая свою неготовность работать «по-новому», что делает ему честь.

Здесь следует уточнить, что речь идет о его отрицательном отношении к политике гласности и политической реформе. Задачу реформирования общества В. Щербицкий видел в развитии экономики на базе достижений научно-технического прогресса. В этом отношении УССР под его руководством достигла немалых успехов. Динамика социально-экономического развития республики за период нахождения у власти Владимира Васильевича лишней раз подтверждает надуманность горбачевской метафоры «застой» применительно к указанному периоду советской истории (табл. 2.2).

Да, В. Щербицкий не стал национальным лидером возрождающейся Украины, каковым стал изначально руководитель литовских коммунистов и многолетний президент Литвы А. Бразаускас, но и не был человеком с тройными жизненными стандартами, в отличие от его непосредственного преемника — В. Ивашко и первого Президента Украины — Л. Кравчука, к характеристике профессиональных и человеческих качеств которых я еще вернусь.

Уход В. Щербицкого с политической арены республики в 1989 году был симптоматичным и таким, что характеризовал ниспадающую и деструктивную по своему содержанию фазу «перестройки», которая в УССР получила ярко выраженную суверенную направленность с участием двух, казалось бы, противоборствующих сторон — коммунистов и национал-демократов. На самом деле под оболочкой национально-освободительного движения шла борьба за власть с участием и третьей силы — зарождающейся национальной буржуазии,

Таблица 2.2

**Основные показатели развития УССР в годы пребывания В. Щербицкого
на высших руководящих должностях •**

Показатель	1957 год	1972 год	1989 год
Население			
Численность населения, млн. человек	40,4	48,2	51,7
Число родившихся на 1000 человек	20,4	15,5	13,3
Число умерших на 1000 человек	7,3	9,2	11,6
Добывающая и тяжелая промышленность			
Производство электроэнергии, млрд кВт-час	39,5	158,4	297
Уголь, млн т	152,4	211,2	192
Нефть (включая газовый конденсат), млн т	0,9	14,5	5,4
Газ природный, млрд м ³	6	67,2	30,2
Чугун, млн т	18,5	43,1	47,4
Сталь, млн т	19,6	49,2	56,5
Металлорежущие станки, тыс. шт.	17,7	32,5	29,1
Трактора, тыс. шт.	74,1	125,5	130,7
Цемент, млн т	5,5	18,7	23,5
Инфраструктура			
Длина автомобильных дорог с твердым покрытием, тыс. км	39,7	102	154,7
Эксплуатационная длина железных дорог, тыс. км	20,7	22,1	22,7
Сельское хозяйство и пищевая промышленность			
Зерновые и зернобобовые культуры, млн т	24,8	32,6	53,1
Урожайность зерновых культур, ц/га	15	21,2	34,7
Картофель, млн т	22,2	22,1	19,3
Овощи, млн т	4,2	5,9	7,4
Сахарная свекла, млн т	26,9	49,6	51,9
Семена подсолнечника, млн т	1	2,4	2,8
Плоды и ягоды, млн т	1	2,1	2,5
Виноград, млн т	0,2	0,7	0,7
Крупный рогатый скот, млн голов	15,1	22,7	25,6
Свиньи, млн голов	139	19,6	19,9
Мясо в убойном весе, млн т	1,9	3,2	4,4
Молоко, млн т	13	19,3	24,4
Средний удой молока от 1 коровы, кг	...**	2213	2835
Сахар-песок, млн т	3	5,5	7
Масло животное, млн т	0,15	0,28	0,44
Масло растительное, млн т	0,4	0,9	1

Продолжение табл. 2.2

Показатель	1957 год	1972 год	1989 год
Яйца, млрд шт.	5,8	10,5	17,3
Колбасные изделия, млн т	...**	0,5	0,8
Улов рыбы и морепродуктов, млн т	...**	0,9	1,1
Кондитерские изделия, млн т	0,3	0,6	1
Потребление продуктов питания на душу населения в год, кг			
Мясо и мясопродукты	42*	55	69
Молоко и молочные продукты	230*	304	363
Яйца, шт.	137*	177	282
Рыба и рыбопродукты	9,7*	15,2	18
Сахар	26,9*	42,7	46,3
Масло растительное	6*	8,1	11,4
Картофель	174*	153	129
Овощи и баштанные	89*	110	119
Хлеб и хлебные продукты	163*	153	137
Социальная сфера			
Введено в действие общей (полезной) площади жилых домов, млн м ²	15,3	18,9	19,5
Количество построенных квартир, тыс.	351	379	328
Количество лиц, получивших жилую площадь или построивших собственное жилье, млн	1,6	1,7	1,5
Жилой фонд в среднем на одного жителя, м ²	...**	12,2	17,6
Введено в действие общеобразовательных школ, в них тыс. мест	419	503	376
	93,7	251,8	192,4
Введено в действие больничных учреждений и амбулаторно-поликлинических учреждений, тыс. коек	4,3	10,1	8
Количество детей в дошкольных учреждениях, тыс.	399,4*	1574,2	2636
Количество средних специальных учебных заведений	590	747	738
Количество учащихся в средних специальных учебных заведениях, тыс.	359,3	792,3	776,6
Количество высших учебных заведений	138	140	147
Количество студентов высших учебных заведений, тыс.	367,2	802,9	888,8
Библиотеки, тыс.	34,2	27,2	25,7
Профессиональные театры	68*	72	118
Музеи	124	147	204
Киноустановки, тыс.	11,2	28,6	27,8

Показатель	1957 год	1972 год	1989 год
Количество врачей, тыс. человек	73,3	140,6	226,2
на 10000 человек	18,1	29,2	43,9
Число больничных коек, тыс.	282,6	537,4	694,8
на 10000 человек	70	111,4	134,7
Санатории и дома отдыха, в них коек, тыс.	605	681	838
	98,5	179,9	268

Источник: адаптировано по [114].

Примечание: * — данные за 1960 год; ** — данные отсутствуют.

которая, как и в экономике, пребывала и в тени политической борьбы. Как показало последующее время именно им, а не суверен-коммунистам во главе с Л. Кравчуком, и тем более не национал-демократам разных мастей, в числе которых были И. Драч, Д. Павлычко, В. Яворивский, Л. Лукьяненко, В. Черновол, достались основные плоды этой победы.

Если в центре предпринимались попытки осуществления экономической реформы, то в УССР не наблюдалась даже вялая имитация подобной деятельности.

Это отнюдь не означает, что ЦК КП Украины, партийные организации на местах самоустранились от проведения различного рода мероприятий по улучшению экономической ситуации в республике, но ко времени отставки В. Щербицкого, вопреки этому, как точно подметил В. Литвин, «...политика окончательно взяла вверх над экономикой. Ее «объектом стала концепция украинского суверенитета» [128, с. 262].

Эта тенденция четко прослеживается не только в политической жизни республики конца 1980-х — начала 1990-х годов, а и в современной историографии «перестройки» в УССР. Такая недооценка объективных реалий, связанных с экономической жизнью республики, непосредственно отражающаяся и на повседневной жизни ее граждан, является по меньшей мере легкомысленной. Как известно, политика — это не что иное как концентрированное выражение экономики.

Замалчивание данной темы в ту пору было производным концепции суверенизации, хотя основой суверенитета является экономический фундамент политической нации, а сейчас ее непопулярность продуцируется властной верхушкой, поскольку обращение к вопросу

об экономическом потенциале УССР накануне приобретения ею независимости делает политически несостоятельными всех президентов Украины, и первую очередь «отца» украинской нации Л. Кравчука.

Итак, в каком же состоянии находилась экономика УССР и насколько значимым для судьбы «перестройки» и будущего республики был ее потенциал?

В исследуемый период Украина по занимаемой площади, численности населения, промышленному и сельскохозяйственному потенциалу входила в первую шестерку европейских стран. Еще более могущественным был ее военный потенциал. На ее территории был размещен третий в мире по величине ядерный потенциал, в том числе 46 ракет SS-24 шахтного базирования с 460 ядерными зарядами, 130 SS-19 с 780 зарядами. В Украине были дислоцированы три общевойсковые и две танковые армии, четыре воздушные армии, армия противовоздушной обороны и ракетная армия с совокупным личным составом в 780 тыс. человек. Согласно советской военной доктрине, эти войска должны были взломать оборону НАТО и выйти на побережье Ла Манша через две недели после начала войны [54, с. 30]. На долю Украины приходилось 30 % ВПК СССР, почти 80 % предприятий машиностроительной отрасли производили вооружения [198]. По этой причине ведущие страны Запада уделяли повышенное внимание «перестроечным» процессам в нашей республике, от исхода которых зависела их безопасность, как, собственно, и всего мира.

Украина имела 15,5 % основных производственных фондов СССР, производила около 17,4 % союзной промышленной и 22 % сельскохозяйственной продукции [54, с. 23], поэтому ей отводилась особая роль в экономической системе СССР «перестроечного» периода. Республика производила почти пятую часть национального дохода Советского Союза, больше четверти добычи угля, больше трети стали и проката [128, с. 60].

Вместе с тем, украинская экономическая система зависела от изменения приоритетов экономического развития СССР, что отразилось почти на двукратном снижении ее доли в капиталовложениях Советского Союза с середины 1960-х до начала 1980-х годов. Как раз в эти годы большая часть капиталов направлялась в восточные регионы страны, где на огромной площади, составляющей около 50 % территории СССР, было сосредоточено почти три четверти всех минеральных и топливно-энергетических, больше половины гидроресурсов, значительная часть общесоюзных запасов руд цветных метал-

лов, почти половина запасов промышленной древесины и пресной воды [54, с. 15], Такие изменения в экономической политике союзного государства не могло не отразиться на темпах развития народнохозяйственного комплекса Украины, стремлении субъектов хозяйствования к большей самостоятельности, что впоследствии проявилось в стремлении украинского народа к политической независимости.

Не обошлось без проблем и в структуре экономики УССР. Помимо засилья предприятий ВПК, требующих больших бюджетных затрат на их развитие, огромные инвестиции направлялись на развитие атомной энергетики, за счет чего в Украине производился 21 % общесоюзного объема электроэнергии, большая часть из которой поставлялась в другие республики и на экспорт [54, с. 32]. Основу промышленного комплекса республики составляли его дотационные отрасли — железорудная, металлургическая, угольная. При этом на большинстве шахт Донбасса реконструкция не производилась на протяжении двух десятков лет.

В сельскохозяйственном производстве было занято 19,4 % населения, их численность в промышленности и в сфере обслуживания — соответственно 53,8 % и 24,4 %, что не соответствовало межотраслевым пропорциям, сложившимся в развитых странах. Доля средств производства и предметов потребления, выпускаемых предприятиями республики, соотносилась в пропорции 70 % к 30 %. Большинство регионов УССР были аграрными или аграрно-индустриальными, что создавало значительные территориальные диспропорции. До 75–80 % промышленной продукции выпускались на предприятиях-монополистах [198].

Имели место многочисленные факты хищений и приписок. В 1989 году только в агропромышленном комплексе Украины потери от хищений, недостач и бесхозяйственности составили 244 млн рублей, в системе Укоопсоюза — 17,5 млн рублей, Минторга — 5,3 млн рублей. Приписки и искажения отчетности были выявлены более чем на 10 тыс. объектах хозяйствования, к 1,5 тыс. применялись экономические санкции за выпуск недоброкачественной продукции [197].

При господстве административно-командной системы хозяйствования и управления предпочтения отдавались вертикальным экономическим связям между производителями и потребителями, что предусматривало изъятие в союзный бюджет основной массы доходов республики с их последующим перераспределением по усмотрению центра. Положение украинской экономики к тому же усугубля-

лось зависимым характером межотраслевых связей, 72 % замыкались на РСФСР. При этом Россия могла обеспечить производство 65 % конечного продукта, а Украина — только 15 %. Поставки из РСФСР были составной производств 67 % конечного продукта Украины, а украинские поставки — только 1 % продукта России [105].

Экономическая самостоятельность украинских предприятий ограничивалась тем, что союзные министерства и ведомства распорядились 95 % всей собственности республики, а 65 % из них имели союзный статус [198].

Огромный эколого-экономический урон хозяйству УССР и непоправимый ущерб здоровью ее населения нанесла Чернобыльская катастрофа. Вокруг атомной станции была создана 30-километровая зона отчуждения. Около 135 тыс. человек вынуждены были покинуть свои дома, переселиться на более безопасные территории. Не поддается точной оценке количество людей, погибших от радиоактивного облучения. Высокие дозы радиации получили 240 тыс. человек, которые принимали участие в тушении пожара. В целом, по оценкам Министерства здравоохранения Украины, в результате этой аварии пострадало около 3,5 млн человек, радиоактивному загрязнению были подвергнуты более тысячи украинских городов, поселков и сел. Большой урон был нанесен и экономике республики. Из сельскохозяйственного оборота было изъято около 190 тыс. га некогда плодородных земель. К 1990 году в Украине было деактивировано 3,5 млн га пахотной земли и 1,5 млн га леса, что составило почти 12 % территории республики. Расходы на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской атомной станции только за период с 1986 по 1989 год составили больше 10 млрд долларов США, а косвенные расходы — 25 млрд долларов. Ежегодно Украина была вынуждена тратить 800–900 млн долларов для преодоления последствий аварии [54, с. 83–84].

Однако руководство республики не уделяло достаточного внимания проблемам развития экономики. На начальном этапе «перестройки» изменения в экономической жизни республики значительно отставали от процессов ее либерализации в центре, решения партийных и советских органов по этим вопросам ограничивались выполнением установок ЦК КПСС по ускорению социально-экономического развития. И только 30 марта 1990 года было принято постановление ЦК Компартии Украины «О необходимости усиления партийного влияния на развитие экономики в республике», в котором указывалось, что тенденция к ухудшению работы многих про-

мышленных предприятий продолжает усиливаться. Темпы прироста общего объема производства в январе—феврале по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составили 1,1 % при задании на год 3,6 %. Это самый низкий показатель за аналогичные периоды двенадцатой пятилетки (за исключением 1987 года). Одной из причин неудовлетворительной работы промышленности признавался отход партийных комитетов от руководства экономикой [128, с. 199].

Такой стиль документа, более характерный для восстановительного этапа, не отражал всей сложности переживаемого республикой периода развития и никого конкретно ни к чему не обязывал.

Поэтому неудивительно, что по итогам 1990 года произошло уменьшение, по сравнению с предыдущим годом, валового национального продукта на 2,4 %, а национального дохода — на 3,6 % [198]. В начале 1991 года впервые за долгие годы в республике было зафиксировано абсолютное снижение выпуска товаров народного потребления — почти на 6 %, а товаров легкой промышленности — на 4,4 %. Из-за отсутствия сырья остановили работу 55 предприятий легкой промышленности, 20 — деревообрабатывающей и почти 100 — местной промышленности, в результате чего без работы остались около 55 тыс. человек [128, с. 261]. Тенденция падения темпов экономического развития, вопреки горбачевской концепции ускорения, в условиях нарастающих деструктивных политических процессов продолжилась и в следующем году. Так валовой совокупный продукт уменьшился на 11, %, а национальный доход — на 11,2 %, объемы промышленного и сельскохозяйственного производства упали соответственно на 4,8 % и 13,2 % [54, с. 34].

Не ставя под сомнение необходимость завоевания политической независимости и свободы в условиях системного кризиса союзного государства, тем не менее необходимо указать, что из-за пренебрежительного отношения к экономическому развитию республики так и не были извлечены соответствующие уроки и по сей день. В результате этого суверенная Украина с ее либерально-рыночными приоритетами оказалась в самом низу мировых рейтинговых показателей конкурентоспособности, успешности и материального благополучия. Для примера сопоставим динамику развития Украины и Китая, вступившего на путь реформирования в конце 1970-х годов. Трудно себе представить, но наше отставание от этого азиатского монстра по объему ВВП увеличилось с 1987 года по 2015 год с 4,2 раза до 120 раз [253, с. 36].

С провозглашением М. Горбачевым политики гласности и демократизации «перестройка» в УССР получила исключительно идеологическую и политическую направленность, а начиная с 1989 года по существу свелась к борьбе за власть между национал-коммунистами и национал-демократами, приобретя форму суверенизации республики.

Исход этой борьбы во многом зависел, с одной стороны, от динамики разрушительных процессов в союзных институтах власти, и поддержки той или иной политической силы со стороны народных масс республики — с другой.

Народ Украины в дилемме «хлеба или зрелищ» предпочтение отдал второй составляющей, как впрочем, и в других республиках. Политические элиты республик СССР в этом смысле имели преимущество перед центральной властью. Если в Москве руководство страны формально работало на удержание власти, сосредоточив все усилия на междоусобной борьбе, при этом недооценивая опасность, исходящую из политической периферии, то в союзных республиках успешно разыгрывалась национальная карта. Образно выражаясь, если Москва сражалась за сохранение завоеванных позиций, опасаясь развала государственности, то Киев боролся за приобретение независимости. И в этом было его основное преимущество. К тому ж переход «перестройки» в ниспадающую стадию своего развития служил благоприятным фоном борьбы республики с центром.

Таким образом, к концу 1980-х годов в украинских «перестроечных» процессах наметилась тенденция, качественно отличающая их от общесоюзных и во многом предопределившая судьбу Украины. Речь идет не просто о вытеснении экономики политикой, а о наполнении общественно-политических движений национальной компонентой в ущерб социальной, не говоря уже об экономической. И самое удивительное состоит в том, что экономика стала тем буфером в политической борьбе, благодаря которому вторым, а может быть и третьим темпом к власти пришла экономическая элита, представленная зарождающейся «теневой буржуазией».

Пришло время перейти к главным актерам политической игры, уверовавшим в то, что написание сценариев и распределение ролей будут исключительно их делом.

Оценивая их деятельность и игру на политическом поле советского пространства и в рамках его украинского сегмента, сквозь призму временной шкалы в треть столетия, выскажу свою личную точку зре-

ния, которая заключается в том, что ни один из крупных игроков, независимо от занимаемого фланга и выполняемого амплуа, так и не стал национальным героем. Речь здесь не идет об официальных регалиях, включая как наивысшие ныне существующие государственные награды, так и новые — типа знака отличия Президента Украины «Национальная легенда Украины».

Теперь о несостоявшихся или непризнанных легендах той Украины, принадлежащих к «правлящему классу», то есть об отечественной компартийной верхушке. Эта верхушка, в прямом значении этого слова, не была ни классом, а тем более правящим, в условиях господства тоталитарной системы, центральная ось которой находилась в Москве.

Руководство ЦК Компартии Украины не являлось классом как по формальным признакам, так и в силу отсутствия монолитного единства, не говоря уже о наличии единомыслия в данной среде, определяемого наличием большой группы людей думающих, идущих в одном направлении и разделяющих одни ценности и ответственными друг перед другом и обществом за свои дела и поступки.

В этом смысле показательным является интервью Л. Кравчука, датированное 2011 годом, в котором утверждается, что он, первые лица ЦК Компартии Украины — В. Ивашко и С. Гуренко, не были единомышленниками. Более того, со слов первого Президента Украины, его коллег, в отличие от него, никогда не посещали мысли о правильности задуманных ими планов и решений, при этом все они, опять-таки, со слов Л. Кравчука, догматиками не были [264]. Но подобную позицию можно истолковать и по-иному, и вариантов здесь несколько — читатель сам вправе их выбирать. По сравнению с ними, В. Щербицкий если и был догматиком, то самым последовательным и ответственным, а его поведение по-человечески — предсказуемым.

С. Гуренко занял руководящий пост в ЦК Компартии Украины в июне 1990 года, имея за плечами огромный опыт хозяйственной и советской работы. Это было время ухода КПСС с политической арены и выдвижения на ключевую роль в республике председателя Верховного Совета Украины. Оно требовало партийного лидера, не только искусственного в политических интригах, а и обладающего глубокими знаниями в сфере общественных наук. Ни первым, ни вторым качествами последний первый секретарь не обладал, будучи технократом без качеств бойца, которые в его предыдущей жизни не были востребованными.

Куда более примечательной и загадочной является ипостась В. Ивашко — фигурально выражаясь. «темной лошадки», которой, в силу объективных обстоятельств, довелось «пахать» неглубоко и недолго. Его политическая биография до середины 1980-х годов складывалась по классической партийной схеме: секретарь парткома одного из высших учебных заведений Харькова, с 1973 года по 1986 год — заведующий отделом, секретарь Харьковского обкома Компартии Украины. Затем в течении последующих пяти лет его служебная карьера развивалась стремительно: он поочередно занимал посты секретаря ЦК Компартии Украины, первого секретаря Днепропетровского обкома Компартии Украины, второго, первого секретаря ЦК Компартии Украины, Председателя Верховного Совета СССР, заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС. В связи с этим напрашивается вопрос: а кто стоял за его таким стремительным ростом? В современной Украине подобные метаморфозы построения карьеры имел лишь один высокопоставленный персонаж — А. Яценюк, который на каждой из последующих одна за одной должностей максимально задерживался не более чем на год. Вопрос о его заокеанских кураторах сегодня — не более чем секрет полишинеля. Можно предположить, что «хозяева судьбы» В. Ивашко находились гораздо ближе — в высоких кабинетах белокаменной столицы Советского Союза. Там он и закончил свой жизненный путь в 62-летнем возрасте.

Спустя столько лет, не имеет смысла останавливаться на его руководящей работе в Киеве, остановлюсь лишь на одном из фрагментов поведенческой линии В. Ивашко, которая была типичной для партийного номенклатурщика. Речь идет о июльских событиях 1990 года, связанных с обсуждением в Верховном Совете Украины Декларации о государственном суверенитете Украины. В это время его председатель (В. Ивашко) находился в Москве, где проходил очередной съезд народных депутатов СССР. Кроме него в зале заседаний Верховного совета СССР отсутствовали и другие депутаты, приглашенные на московский съезд, что стало поводом для принятия решения об их отзыве из кремлевского дворца, за что проголосовало более 300 депутатов. В ответ на это В. Ивашко 9 июля подал заявление о своей отставке, которое было оглашено его заместителем И. Плющом 11 июля — в день избрания главы украинского парламента заместителем генсека. Такой шаг был оценен отечественным бомондом из числа оппозиции как неискренний, непатриотичный и карьеристский. Позже

В. Ивашко поведал о том, что он узнал о своем избрании на высокую цеховскую должность незадолго до процедуры голосования, что само по себе симптоматично, если на самом деле все обстояло именно так. Возможно, что В. Ивашко не кривил душой, так как подобный стиль руководства и подбора кадров был присущ М. Горбачеву. В. Литвин объясняет переход В. Ивашко на работу в ЦК КПСС следующими причинами: его политическим провинциализмом, тяжестью «тени» В. Щербицкого, отсутствием близких соратников [128, с. 237]. Странно, что такой провинциал прижился в Москве, хотя в ней, как и в Киеве, таковых было немало.

В отличие о В. Ивашко, куда более дальновидным в построении своей собственной карьеры был Л. Кравчук. На своем жизненном пути, насыщенном встречами с примечательными людьми, мне не приходилось иметь дело с человеком, столь искусно владеющим мастерством политической эквилибристики, как Л. Кравчук. Он остается таким и по сей день, о чем всякий раз напоминают телевизионные экраны, с которых не сходит его лицо.

Благодаря этому качеству, а также жизненному кредо не следовать принципам, если они не приносят каких-либо дивидендов, умению адаптировать свое отношение к кардинально изменяющейся ситуации Л. Кравчук не только не разделил печальную участь выпестованной его партией, а и занял высший пост в государстве, основанном на приоритетах, против которых он не так давно яростно боролся.

Главный идеолог Компартии Украины, хотя и получил ученую степень кандидата экономических наук в Академии общественных наук при ЦК КПСС, его с трудом можно было отнести к интеллектуалам высокой пробы, каковыми были тот же секретарь ЦК КПСС А. Яковлев, его оппоненты из новых неформальных организаций — Ю. Афанасьев, Г. Попов, С. Шаталин, Г. Явлинский, А. Собчак или же их киевский коллега из Института философии АН УССР М. Попович. Но Л. Кравчук как правило всегда «выходил сухим из воды», используя если не научные аргументы, то на худой конец, полагаясь на метафоричность суждений. Так на различного рода совещаниях, проводимых ЦК Компартии Украины, «для спуска дела на тормозах», он часто прибегал к заигрыванию с аудиторией, используя, например, в качестве аргумента такой речевой оборот: «как говорят в Одессе — это две большие разницы». По меньшей мере эта фраза, произнесенная на западно-центральной украинском диалекте, выглядела непривычно и смешно.

Но как у Ю. Лермонтова, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Обращение к фразам, раскрывающим человеческую сущность и политическую позицию Л. Кравчука, дает ответ на вопрос не только о том, что мы получили, а и о том, с кем и как мы приступили к новой жизни. Но об этом — несколько позже, а пока обратимся к этим самым кравчуковским высказываниям по ключевым вопросам жизнеустройства рождающегося государства.

По воспоминаниям И. Драча, еще на этапе зарождения Народного руха за перестройку (Рух) во время встречи с представителями его инициативной группы Л. Кравчук заявил, что скорее волосы вырастут на его ладони, чем Рух будет существовать [131, с. 100]. Если Леонид Макарович — правша, то вероятно речь шла о ладони левой руки. Пройдет два года, и он крепко будет держать уже в обеих руках знамя другого цвета, чем ранее, поскольку оно символизировало принадлежность к власти, правда не советской, которой он как бы верно служил, но главное — власти.

Интересно мнение на этот счет моего бывшего коллеги, лектора ЦК Компартии Украины конца 1980-х годов В. Литвина, который утверждает следующее: «...те, кто в этот период вблизи наблюдал Л. Кравчука, имел возможность видеть зарождение своеобразного феномена, который обозначается как двусмысленность: жизнь человека словно распадается на официальную и неофициальную. В официальной жизни — он четкий исполнитель государственной воли, идеологически запрограммированный автомат. В неофициальной — живет собственной позицией, собственным пониманием общественно-политических процессов. Двойная мораль, двойной стандарт поведения становятся для него привычным явлением. Но когда это расстройство достигает критической отметки, официальное мышление превращается в неофициальное. Сегодня есть основания утверждать, что уже тогда Л. Кравчук не был полностью человеком «коммунистической» системы. Он уже был поражен двусмысленностью и почувствовал вкус к большему» [128, с. 196–197]. Бесспорно, В. Литвин знает о чем ведает, ведь ему пришлось в то время работать под руководством Л. Кравчука. Хотя для передачи особенностей личности будущего первого Президента Украины не совсем удачно использовано выражение, определяющее его отношение к «коммунистической» системе, да и таких руководящих партийных работников было немало. В принципе, любой человек, как существо свободное, не может быть намертво привязан к той или иной идеоло-

гической системе. Он вправе, если способен, и вступить в конфликт с ней, при этом публично заявив о существовании возникших разногласий. Но в нашем случае мы имеем дело с другого рода феноменом. Теперь что касается вкуса Л. Кравчука к большему: в постсоветское время он налево и направо заявлял о том, что он человек глубоко верующий. Раз это на самом деле так, тогда ему следовало бы в свое время отказаться от приглашения на работу в Дом политического просвещения Черновицкого обкома Компартии Украины. А так его, человека верующего, занесло на самую вершину идеологического олимпа, призванием которого как раз и было дело организации борьбы с верующими. Для этого была отработана целая система работы с участием республиканского и местных управлений, отделов КГБ. Из личного опыта работы отмечу, что в партийные комитеты ежеквартально поступала информация от глав церковных приходов о персональном составе членов КПСС и ВЛКСМ, принявших участие в религиозных обрядах. По этим фактам первичные партийные организации принимали соответствующие решения. Можно только догадываться, скольким коммунистам и комсомольцам поломало жизнь партийное ведомство, возглавляемое человеком религиозным, но облаченным в коммунистический мундир.

Свои приоритеты как председателя Верховного Совета УССР Л. Кравчук сформулировал сразу после избрания на должность так: принципы демократизма, советская власть, социалистический выбор [128, с. 245], хотя трудно себе представить на практике сочетание демократических принципов с существованием авторитарного режима и социального выбора, исключаящего частную собственность. Все это от лукавого.

Спустя десять дней на своей первой пресс-конференции, как главы украинского парламента, Л. Кравчук заявил следующее: «Жить сегодня вне Советского Союза — означает потерять для себя и своих перспектив очень много, если не сказать больше — все» [187]. Против сказанного возразить нечего, но дело в том, что такое видение независимости Украины суверен-коммунистов разделяли далеко не все в оппозиционном лагере национал-либералов. Да и верил ли сам Л. Кравчук в то, что Советский Союз не прекратит свое существование, — большой вопрос.

Уже на другой пресс-конференции, состоявшейся 14 сентября 1990 года, когда стали рушиться торгово-экономические связи между союзными республиками, а Верховный Совет РСФСР пошел на конфрон-

тацию с центральными органами власти, Л. Кравчук недвусмысленно заявил, что «прикидки» — смогла бы Украина «сама по себе прожить в уюте», показали, что не смогла бы. И это пора понять тем, кто все еще играет наивными мечтами о том, что мы могли бы жить, будто на отдельном острове» [188]. В этой фразе содержался призыв к оппозиции быть благоразумными и реально смотреть на вещи. Вместе с тем, в его словах звучала тревога за опасность, которая связана с разрывом налаженных на протяжении десятилетий межреспубликанских связей, чреватых для республики экономической изоляцией. Тем самым глава парламента страховал себя и от всевозможных обвинений в пассивности и предательстве национальных интересов.

В книге с парадоксальным названием «Украина, Россия и провал имперского проекта...», изданной в 2011 году коллективом авторов, точно подмечено, что Л. Кравчук олицетворял линию «суверен-коммунистов» (сформировалась в процессе обсуждения и принятия Декларации о государственном суверенитете Украины), существующую в Компартии Украины наряду с ортодоксальной линией С. Гуренко [237, с. 14].

Вначале о самом названии книжки: оно не только парадоксально, а и алогично. Во-первых, советская империя в литературе чаще всего определяется как коммунизированная семья народов СССР с РСФСР как ее метрополией, объединившей вокруг себя четырнадцать колоний (союзные республики, включая и УССР). В этом смысле выходит так, что сам проект был не только антисоветским, но и антироссийским. Во-вторых, надо понимать так, что без колонии под названием Украина провал был бы невозможен, что не соответствует реальности. Другое дело, что без Украины союзное государство было бы иным, но вешать всех собак за развал СССР на нее не стоит. В-третьих, Б. Ельцин, поднял знамя борьбы против М. Горбачева уже на нисходящей фазе «перестройки», при этом меньше всего задумывался, как и Л. Кравчук в Киеве, об интересах граждан республики. Здесь не следует переоценивать роль визита Б. Ельцина в Киев в ноябре 1990 года, результатом которого стало подписание двухстороннего договора, имеющего цель не быть подмятым союзными властными структурами.

Что касается термина «суверен-коммунисты» — это нечто среднее между демократами и коммунистами, но ни то, ни другое. Некоторая часть коммунистов не «переделась», а их облачили в новые одежды национал-демократы, в лагере которых были свои «кривчуки» (И. Драч, Д. Павлычко, В. Яворивский), поступающие по принци-

пу «нашим и вашим». После отмены статьи 6 Конституции СССР им был больше интересен Л. Кравчук, чем С. Гуренко: пока сами вошли во власть, но не стали ею (тогда и потом), надо было не терять связь с ключевыми игроками. В свою очередь, национал-демократы пришли ко двору у Л. Кравчука.

О «тактическом мастерстве» Л. Кравчука следует упомянуть и в контексте визита в Киев 19 августа 1991 года уполномоченного представителя ГКЧП генерала армии В. Варенникова, принятого Л. Кравчуком, который в этот же день выступил по республиканскому телевидению, в котором призвал своих сограждан соблюдать спокойствие и дисциплину, обеспечить нормальный производственный процесс. Подобный лейтмотив был характерен и для письма ЦК Компартии Украины, адресованного партийным комитетам республики. Это дало повод С. Гуренко в заявлении по украинскому радио и телевидению 20 августа 1991 года констатировать, что анонсированное ранее выступление главы парламента было основой позиции ЦК Компартии Украины [99, с. 16]. В то же время Л. Кравчук, со слов И. Юхновского, не поделился с депутатами своим отношением к сложившейся ситуации, а на требование созвать Верховный Совет колебался еще 21 августа, требуя для этого 150 подписей народных депутатов [128, с. 270].

Характеристика Л. Кравчука как «суверен-коммуниста» была бы неполной и неточной без учета сложившихся в республике условий, в которых осуществлялась реализация горбачевской политики «перестройки». Весьма успешно данную исследовательскую проблему разрешили Н. Михальченко и В. Андриющенко, указав на драматизм исторического поворота и стремление собственной судьбы, которые выдвинули почти неизвестного в народе и малоизвестного в высоких московских партийных кругах украинского идеолога на борьбу с рухвцами, сделавшими его известным далеко за пределами советского государства. Тайна успеха Л. Кравчука, по мнению авторов, заключалась в готовности и способности понять, поддержать и возглавить массовое народное возрождение и прогресс. Отмечая поражение Л. Кравчука в теледебатах с идеологом НРУ М. Поповичем, эти ученые видят позитивную сторону поражения «...в сочувствии к человеку, которого выпустили говорить и делать одно, тогда как сердце вроде бы подсказывает другое, и он должен замалчивать, недоговаривать... Именно в дискуссиях с лидерами Руха Кравчук показал, что он не против независимости Украины, хоть и получил приказ Горбачева «давить Рух» [150, с. 6–9].

Комментируя цитируемую часть текста, замечу, что беда нашего общества тогда и сейчас состоит в том, что мы привыкли к тому, что нас кто-то куда-то должен ставить — это первое. Второе — что же это за партия, главный идеолог которой, подобно провинившемуся перед профессором студенту, больше ни на что не годен, как вызвать сочувствие у народа. Третье — сочувствие, как и жалость, уместны для других случаев, а время требовало лидеров-созидателей, готовых повести за собой, а не тех, кто просто распрощался (и то не факт) по тем или иным причинам с привычками «давить» и «не пушать».

Пришла пора уделить внимание значимым политическим фигурам из лагеря национал-демократов, многие из которых прошли через лагерь. Данной фразой я намеренно расставляю акценты и забегая наперед скажу, что мне трудно принять их взгляды, но они заслуживают внимания за то, что открыто отстаивали их. Эта ремарка имеет большее отношение к Л. Лукьяненко, В. Черноволу, С. Хмаре и другим узникам совести, чем к «функционерам» национал-демократического движения.

Поскольку задачи исследования требуют поиска общей платформы, на которой произошло объединение интересов «суверен-коммунистов» и национал-демократов, попытаюсь это сделать, прибегнув к анализу эволюции взглядов и тактики ведения борьбы лидерами оппозиции И. Драчом, Д. Павлычко, В. Черноволом и Л. Лукьяненко на фоне развития «перестроечных» процессов в СССР.

Истоки зарождения такого массового общественного движения второй половины 1980-х годов, как НРУ, восходят к личности И. Драча, известного украинского поэта и активного коммуниста Союза писателей Украины. В начале 1980-х годов при знакомстве с Иваном Федоровичем возле здания правления Союза писателей, на его вопрос: «Хто цей молодий легінь?», адресованный известной отечественной актрисе, я был представлен ему как начинающий литератор. Тогда ничего не выдавало в этом экспрессивном по манере поведения, еще относительно молодом человеке, но уже известном художнике слова, будущего лидера творческой интеллигенции республики. Он запомнился мне своей непосредственностью, демократичностью и простотой в общении, за которыми скрывались мудрость и лукавство.

И. Драч, как всякая творческая личность, был человеком достаточно ироничным, что является признаком мудрости и ума.

В одном из своих последних интервью, отвечая на вопросы Д. Гордона, касающиеся веры в коммунистические идеалы и конформизма,

он ответил: «Я был настолько ярким пионером, комсомольцем и так далее, что дальше некуда! Каким бы я был коммунистом, если бы не был конформистом?! Об этом и спрашивать не стоит... Но потом мы стали теми конформистами, которые пытались медленно выходить из этого состояния и становиться на какие-то новые рельсы» [67]. Ответил, что называется откровенно, честно, метафорично и самоиронично.

Этих новых рельсов в большой и сложной жизни И. Драча было немало. Он через тридцать один год пребывания в КПСС покинул ее, как еще в 1966 году отошел от движения «шестидесятников», был участником строительства коммунизма, а затем его разрушителем как инициатор и председатель НРУ, видел цель своей жизни в борьбе за суверенную Украину, а к ее концу пришел к осознанию того, что нет ничего выше, чем независимый и свободный человек. Его поведенческая линия, чем-то схожая с линией Л. Кравчука, которого он считал умным и очень хитрым человеком [67], хотя его назвать очень хитрым как-то язык не поворачивается, он скорее был мудрым и искусным тактиком политических маневров.

Показательным в этом отношении является участие И. Драча в критике руководителей Украинского культурологического клуба, развернувшейся в 1988 году на страницах «Вечернего Киева» и в творческих организациях. К тому, что эта первая в республике неформальная общественная организация просуществовала недолго, причастен и будущий глава НРУ, который не был заинтересован в плохой репутации зарождающегося движения. Не зря он настаивал на том, что «...надо разобраться, кто есть такие, как Набока, кто такая Ольга Матусевич (говорят — имела две судимости). Ведь надо быть коммунистом, думать о своих убеждениях, о своей совести. Надо прислушиваться к голосу писателей старшего поколения, использовать их опыт, пока они живы» [128, с. 98].

В скором времени подобную процедуру пришлось пережить и самому И. Драчу в кабинете В. Щербицкого во время визита в Киев М. Горбачева, когда лидер украинских коммунистов выложил перед генсеком кипу материалов с компроматом на ближайшее окружение лидера НРУ, на что последовала фраза высокого гостя: «Надо действовать, сообразуясь», что писатели, приглашенные на встречу, восприняли как поддержку движения [271, с. 104]. Они даже представить себе не могли, что позже из Москвы поступит команда «давить Рух», что указывает на то, что М. Горбачев был интриганом не меньшим,

чем Л. Кравчук или И. Драч. Нормальному человеку это трудно понять, но в этом выражалась сущность политики как своего рода протитуирования. Скорее всего именно из-за этого политикой брезгуют заниматься люди во всех смыслах достойные.

Рассматривая деятельность И. Драча как одного из руководителей НРУ в контексте его противостояния с компартийной системой, исследователи зачастую пренебрегают анализом межличностных отношений в самом руховском движении.

Так, И. Драч, оценивая уже в наши дни В. Черновола, отметил, что это была «...чрезвычайно интересная личность, но не думаю, что настолько масштабная, как его сейчас пытаются представить... Это был человек среднего ума и понимания происходящих тогда событий. Но удивительно отчаянный, невероятно смелый и резкий! Наверное, для того, что мы делали, какой-то большой ум был и не нужен, потому что необходимо было атаковать, идти вперед. Дело в том, что наш народ не был готов к Черноволу» [67].

Как говорится, с капитанского мостика виднее. Но со стороны это выглядит не весьма достойно — определять уровень умственного развития своего соратника. Может быть, именно из-за неготовности принимать и понимать таких людей народ и поддержал подобных себе. Ну, а чтобы сам непризнанный народный герой не напоминал о себе накануне очередных выборов, его попросту убрали с дороги.

В творческой среде подспудно присутствует некая соревновательность в талантах и в общественном признании, поэтому ничего удивительного нет в том, что время от времени на свет появляются разного рода письма, в которых одна часть сообщества выносит на суд общества обвинения в мыслимых и немыслимых грехах — другой его части.

Широкою публичную огласку получила история, связанная с оценкой в писательской и поэтической среде произведений В. Стуса и других литераторов, уходящая своими корнями в 1960–1970-е годы, в которой фигурируют имена И. Драча, Д. Павлычко и В. Яворивского. Центральное место в этой истории занимает копия письма в адрес Ю. Андропова и Г. Маркова (первый секретарь правления Союза писателей СССР), датированного 22 марта 1973 года за подписями ранее указанных литераторов и опубликованного спустя двадцать лет в ежедневнике Социалистической партии Украины «Товарищ». Письмо имело такое содержание: «Мы, украинские советские писатели, решительно осуждаем действия так называемых литераторов

Светличного, Стуса, Сверстюка, Караванского, братьев Горыней, Мороза, Черновола, Осадчего, математика Л. Плюща, В. Некрасова и др., погрязших в националистическом болоте и не раскаившихся в своей антисоветской деятельности. Нет и не может быть прощения им, замахнувшимся на самое светлое — на социализм, на вековую дружбу между русским и украинским народами, на чувство семьи единой. Их писания, созданные с целью подрыва и ослабления советской власти, будут отброшены народом и историей. Заверяем Вас, что никаким отщепенцам не удастся рассорить нас с ленинизмом, с коммунистической партией, с законом. Украинский народ никогда им этого не простит» [232].

После публикации письма В. Яворивскому удалось в судебном порядке доказать свою непричастность к данному тексту, хотя судебной экспертизой было установлено, что подпись от имени В. Яворивского сделана им самим.

Что касается самого текста письма — можно предположить, что, судя по стилю и смыслу, его автором является офицер профильного управления с улицы Владимирской. Украина, после снятия в 1972 году с поста первого секретаря ЦК Компартии Украины П. Шелеста, нуждалась в политической реабилитации перед центральной властью, а тут не вовремя заявили о себе «шестидесятники» и диссиденты. Найти необходимых подписантов — не составляло труда. Под рукой всегда была пара-тройка молодых номинантов на высокие творческие премии и государственные награды или же, на худой конец, провинившихся перед родной партией.

Один из подписантов — И. Драч в 1968 году в рецензии на один из поэтических сборников В. Стуса указал на «существенные идейно-тематические и художественные недостатки многих его стихов» [128, с. 89].

Не остался в долгу перед своими «обвинителями» и В. Стус. Находясь с 1972 года в заключении, он писал задолго до появления цитируемого ранее письма, в лагерной тетради, письмах близким, руководству республики о своих впечатлениях от творчества своих отечественных коллег: «Прочитал подборку. И сколько деланного, вынужденно заметил — на несколько страниц текста — две-три живых строки!.. для прозаика он слишком пустой, потому что все — экстерьерное, все напоказ, на человеческие гляделки, а больше — ничего» (о Яворивском)... Д. Павлычко вернул мне подборку из Рильке, так там, видите ли, много абстрактной лексика, а как в оригинале —

он даже не потрудился посмотреть... Култ бездарных Яворивских, их время, их сутки... это время Драча — капитулянта поэзии» [230, с. 174, 175].

Несмотря на нелестные высказывания относительно их творческих изысканий со стороны В. Стуса, И. Драч, Д. Павлычко, В. Яворивский со товарищи использовали авторитет опального поэта в ноябре 1989 года во время ритуального процесса, связанного с перезахоронением его праха. Несколько лет спустя, на одном из антикоммунистических мероприятий В. Яворивский назвал В. Стуса «украинским Иисусом Христом» [128, с.192].

Оказывается, в политике иногда приходится наступать на горло собственной песни. Как это ни печально, но этим в украинской истории довольно-таки часто занимались и представители богемных профессий. Может быть, поэтому имеем такой плачевный результат.

В национал-демократической среде, как и компартийной, имели место противоречия, переходящие в прямое противостояние, завершившееся к концу 1991 года расколом на три течения представителей национально-освободительного движения, группировавшихся вокруг ярких личностей — Л. Лукьяненко, В. Черновола, И. Юхновского, что особенно проявилось в процессе выдвижения кандидатур для баллотирования на должность Президента Украины. О подробностях самой процедуры выдвижения кандидатур от демократических сил поведала одному из ежедневников Л. Свадебка — одна из руководителей Ровненской областной организации НРУ, после описанных событий вышедшая из этой организации. Она публично обвинила В. Черновола в искажении результатов голосования центрального провода Руха по выдвигаемым кандидатурам: на самом деле руководство этой организации поддержало кандидатуру Л. Лукьяненко, а не В. Черновола, как тот неоднократно утверждал в своих выступлениях по радио «Свобода». Автора письма возмутили также еще три факта. Первый — обвинения, выдвинутые Л. Лукьяненко и В. Черноволом против И. Юхновского, связанные с его предложением о подтверждении «Акта о провозглашении независимости Украины» на всеукраинском референдуме, что якобы отдаляло дату долгожданной победы украинского народа. Второй — ставка Л. Лукьяненко не на юридическую сторону процедуры признания украинской независимости, а на сильную армию, наличие которой станет главным аргументом для мировой общественности. Третий — самореклама В. Черноволом

собственной персоны во время обсуждения программ кандидатов на президентство от НРУ во время собрания Большого Совета Руха [211].

В перечисленных событиях подтвердилась в очередной раз общая закономерность целевой установки Руха, которая свела на нет всю его политическую деятельность — разрушить до основания советскую империю, провозгласить независимость Украины, спеть гимн, поднять на флагшток желто-голубой флаг и прокричать «Слава Украине — героям слава!». С тех пор мало что изменилось, хотя ушли не только с политической арены, а из жизни многие из тех, кто стоял у истоков рождения украинского суверенного государства. Пора уже за тридцать лет осознать, что власть — это всего лишь инструмент, требующий профессионального, трепетного и бережного отношения к нему.

О ситуации в стане лидеров третьей силы «перестройки» в Украине — зарождающейся олигархии — современная историография умалчивает, а писать о том, кем были тогда «ахметовы», «коломойские» со товарищи не имеет смысла, так как тогда они не были, кем есть сейчас. А их «родителями» как раз и были видные «суверен-коммунисты» и национал-демократы.

После характеристики расклада сил на украинском политическом олимпе пора перейти к рассмотрению особенностей «перестроечных» процессов в УССР, их связи с эпицентром событий, находящимся в Москве.

Инициаторы «перестройки» не только не прогнозировали, а даже и в мыслях не допускали каких-либо проявлений национально-освободительных движений в союзных республиках. Однако провозглашение центральной властью политики гласности и демократии как раз и спровоцировало появление этих движений. Однако это отнюдь не означало отсутствие как прямой, так и обратной зависимости «перестроечных» процессов в центре и на местах. Другое дело, насколько эта зависимость учитывалась на практике обеими сторонами.

По этой причине было бы верхом легкомыслия противопоставлять социально-политическое и общественно-политическое развитие УССР в 1985–1991 годы эволюции «перестройки» в центре страны. Вместе с тем, нельзя игнорировать тот факт, что начиная с 1987 года «перестройка» в УССР имела явный крен в сторону суверенизации республики. Поэтому, если при оценке происходящих событий с московских позиций речь идет об их характеристике как революции (сверху или снизу), то «перестройку» в УССР следует рассматривать

сквозь призму не социальной, а национально-освободительной парадигмы. Poleмика в данном случае уместна лишь по вопросу о том, имело ли это движение восстанавливающий или устанавливающий характер. Моя авторская гипотеза, обозначенная в первом разделе книги, состоит в том, до 1991 года Украина не была суверенным государством, если под данным термином понимать верховенство, самостоятельность, полноту и неделимость государственной власти в пределах собственной территории и на международной арене. Если же она и имела первичные признаки независимости, то они были достоянием советской «империи», оформившей ее по итогам Второй мировой войны, когда в границах УССР произошло объединение украинских земель, на которых вместе с украинским этносом проживали также, как правило, компактно поляки, венгры, румыны, молдаване, болгары, крымские татары, русские и другие этносы.

С переходом «перестройки» в УССР в фазу суверенизации сразу же дал о себе знать крымскотатарский фактор, остальные этносы проявили свою политическую активность уже на постсоветском пространстве (события в Крыму и на Востоке страны).

Крымские татары, депортированные в годы войны, в начале «перестройки» активизировали свою деятельность в надежде вернуться на свою историческую родину. В связи с этим в июле 1987 года советское руководство вынуждено было создать Государственную комиссию по крымским татарам во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громько. Как известно, Крым с 1954 года пребывал в составе УССР, поэтому правительство СССР одновременно с решением вопроса о реабилитации крымских татар попыталось исправить не только несправедливость по отношению к крымским татарам, но и вернуть Крым в состав РСФСР. Однако на заседании Политбюро ЦК КПСС 9 июля 1987 года возможность восстановления крымской автономии путем возвращения области под юрисдикцию РСФСР была отвергнута, поскольку якобы несла в себе угрозу ухудшения отношений между Украиной и Россией. М. Горбачев считал недопустимым создание на этой почве трещины в славянском ядре «социалистической империи». А. Лукьянов и В. Чебриков высказали предложение создать для татар в Крыму специальный автономный округ, но и оно было отклонено [224, с. 15].

А тем временем на Всесоюзном совещании представителей инициативных групп, проходившем с 29 апреля по 2 мая 1989 года в Янгиюле (город в Ташкенской области Узбекской ССР), было принято

решение учредить на базе существующих инициативных групп общественно-политическую Организацию крымскотатарского национального движения. Первым председателем ее Центрального совета стал М. Джемилев, впоследствии известный общественный деятель.

В конечном счете советское руководство образовало новую государственную комиссию и приняло решение вернуть в Крымскую область УССР более 300 тыс. крымских татар [153, с. 524]. Украинское руководство Крымской области в ноябре 1989 года приняло решение о переселении в Крым «граждан крымскотатарской национальности», однако «в целях сохранения резервных территорий всесоюзных здравниц» не разрешило «расселения и строительства индивидуальных домов» в 3-километровой зоне побережья Черного и Азовского морей [24, с. 198, 199].

Под давлением союзного руководства 12 ноября 1990 года внеочередная сессия Крымского облсовета с участием председателя Верховного Совета УССР и будущего президента Украины Л. Кравчука приняла Декларацию о государственном и правовом статусе Крыма, в которой провозглашалось право народов Крыма на воссоздание государственности в форме Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Реализацию этого права предполагалось осуществить на основе народного референдума, намеченного на 20 января 1991 года. Однако за день до решения Крымского облсовета Президиум Верховного Совета Украины категорически заявил, что «Крым имеет право на автономию или особый статус» только «в составе УССР». Руководство СССР после того, как весной 1991 года законом УССР была восстановлена Крымская АССР и крымскотатарское движение приступило к образованию «параллельных структур власти в виде меджлиса», предпочло самоустраниться от решения этого вопроса и всецело положиться на украинскую власть.

Тем не менее союзные властные структуры на этом не остановились. Продолжая разыгрывать в своих интересах крымскотатарскую «карту». Так в Ново-Огарево, где с апреля 1991 года проходил процесс обсуждения нового Союзного договора по формуле «девять плюс один» (руководители союзных республик за исключением лидеров Армении, Грузии и прибалтийских республик и М. Горбачев), были приглашены и руководители некоторых автономных республик и областей. Интересны в этой связи воспоминания И. Плюща (заместитель председателя Верховного Совета УССР), который так передает начало своего рабочего дня 18 августа 1991 года в Ново-Огаре-

во: «Приезжаю, смотрю, а там Николай Васильевич Багров (первый председатель Верховного Совета Крымской АССР: 22 марта 1991 года—10 мая 1994 года. — *примечание мое*) ходит. «Ты что здесь делаешь?» — «А ты что?» — «Меня президиум Верховной Рады Украины послал». — «А я, как ты. Меня — Верховный Совет Крыма». Я тогда давай выяснять, а там таких, как Багров, — пятнадцать человек» [82].

Рассматриваемая проблема продемонстрировала превалирование в человеческой природе животного начала над социальным, когда речь идет о личных интересах: перед лицом Москвы украинский демократ выступает в роли защитника национальных интересов, а перед обличем Симферополя — в роли противника права крымскотатарского народа на самостоятельность. Данная проблема еще даст о себе знать в постсоветский период украинской истории.

Что касается самого факта присутствия главы крымского парламента в Ново-Огарево, то здесь удивляться не приходится, хотя не исключено, что решение о формате совещания принимал не Президент СССР. У М. Горбачева на повестке дня стоял неотложный вопрос нейтрализации центробежной позиции Б. Ельцина накануне подписания нового Союзного договора. Как известно, предпринятая 19 августа 1991 года попытка его решения закончилась полным фиаско «узника» Фороса.

Раздел 3

РОЛЬ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В ИСТОРИИ УКРАИНЫ

3.1. «ПЕРЕСТРОЙКА» КАК ПРОЦЕСС СУВЕРЕНИЗАЦИИ УКРАИНЫ

С провозглашением в Москве гласности ветер перемен донесся и до УССР, хотя температура общественных настроений в Киеве была на два порядка ниже: тогда на критику, а тем более изменение существующего строя осмеливались немногие, несмотря на либерализацию общественной жизни, инициатором которой вынуждена была стать власть.

В 1986 году из тюрем и лагерей было освобождено около 300 политических заключенных, среди которых В. Черновол, М. Горынь, Л. Лукьяненко и др. Из Уголовного кодекса УССР исключили статьи преследования за идейные убеждения [155]. Новым явлением стала политика «социалистического плюрализма», которая постепенно переросла в свободу слова. Вышли в свет многочисленные публикации, долгое время бывшие недоступными: секретные протоколы советско-германского пакта 1939 года, документы о Голодоморе 1932–1933 годов, о деятелях Центральной Рады и Директории, о сталинских репрессиях, деятельности ОУН–УПА в годы Второй мировой войны. К украинскому читателю стали возвращаться произведения В. Винниченко, представителей «расстрелянного Возрождения» М. Хвылевого, М. Кулиша, Н. Зерова, репрессированных в годы «застоя» В. Стуса, Е. Сверстюка, Игоря и Ирины Калинец.

Со второй половины 1988 года в Украине началась реабилитация необоснованно осужденных в 30–40-е и в начале 50-х годов XX столетия. Для координации этой работы была создана специальная республиканская комиссия. Результатом ее деятельности стала реабилитация более 108 тыс. человек, которые несправедливо были подвергнуты репрессиям со стороны советского режима [196].

Таким образом, сложившаяся во второй половине 1980-х годов общественно политическая ситуация, способствовала формированию процесса суверенизации республики, который состоял из четырех этапов (табл. 3.1).

Периодизация процесса суверенизации Украины*

Этапы	Хронологические рамки этапа	Сущностная характеристика этапа
Первый	1986–1987 годы	Критика существующих порядков, пробуждение интереса к отечественной истории и культуре
Второй	1988–1989 годы	Создание неформальных общественных движений и партий
Третий	Первая половина 1990 года	Кризис Компартии Украины и формирование многопартийности
Четвертый	Июль 1990 года — декабрь 1991 года	Становление суверенного Украинского государства

*Источник: составлено автором.

Каждый из этапов имел свои отличительные особенности, на которых целесообразно акцентировать внимание.

Для первого этапа были характерны критическая оценка деятельности властных структур, пробуждение интереса к отечественной истории и культуре.

В республике произошла демократизация всех сфер общественной жизни, требующая соответствующих форм работы, в первую очередь с лидерами «узников совести», вышедшими на свободу на основе указов Президиума Верховного Совета СССР от 29 марта 1987 года. Правоохранительные органы республики осуществляли комплекс профилактических и оперативных мероприятий в отношении лиц, осужденных по ст. 62 (антисоветская агитация и пропаганда), а также по ст. 187 УК УССР (клевета на советский государственный и общественный строй). При этом основное внимание было сосредоточено на доказательстве заблуждений граждан, наказанных за антисоветскую деятельность, склонении их к подаче письменных заявлений в адрес Президиума Верховного Совета СССР о помиловании и недопущении в дальнейшем вражеских и противоправных действий. Вместе с тем, КГБ УССР считал целесообразным не препятствовать выезду за границу по частным делам или на постоянное жительство лицам, отбывшим наказание за антисоветскую деятельность [8, с. 69], что облегчало его работу с подобным контингентом, но не устраняло причин протестного движения, хотя эту задачу призваны были решать партийные и советские органы республики.

Органы КГБ достаточно тщательно отслеживали деятельность лидеров самодельных формирований различной направленности, в частности таких как «Наследие», «Общество», «Народный союз содействия перестройке» (г. Киев), «Общество Льва» (г. Львов), «Народный союз содействия перестройке» (г. Одесса), «Апрель» (г. Харьков), «Сумской комитет защиты демократизации» (г. Сумы), «Добрая воля» (г. Ялта) и др., которые пытались создать единую общественную структуру, подобную «народным фронтам» в Эстонии, Литве и Латвии, о чем свидетельствовали присутствие представителей некоторых самодельных формирований на учредительных собраниях таких «фронт» как гостей, а также проникновение в республику программных документов «Народного фронта».

Поскольку большую часть участников новых неформальных организаций составляла молодежь, секретариат ЦК ЛКСМ Украины 24 марта 1988 года на своем заседании рассмотрел вопрос «О некоторых негативных процессах в самодельных объединениях молодежи», указав на усиление политизации их деятельности, ориентацию на социально-экономические, национальные и историко-культурологические вопросы. Поводом для рассмотрения данного вопроса стало создание в ряде городов УССР (Киев, Львов, Харьков, Николаев, Симферополь, Херсон) отделений Всесоюзного социально-политического клуба, основанного в Москве в мае 1987 года [117, с. 83–84].

Поводом для появления первых неформальных общественных организаций, с точки зрения их создателей, было обострение политической ситуации из-за «духовного Чернобыля» — «русификации». В высших учебных заведениях на украинском языке читалось приблизительно 10 % лекций. В 1988–1989 учебном году не осталось ни одной украинской школы в Донецке, Харькове, Луганске, Одессе, Николаеве; даже на начало 1991–1992 учебного года на украинском языке обучалось только 49 % учеников общеобразовательных школ. Тираж книг, изданных на украинском языке, составлял только 40 %. Доля украинцев среди населения республики упала с 76,8 % в 1959 году до 72,6 % в 1989 году, тогда как русских выросла с 17 % до 22 % [237, с. 5].

Поэтому нет ничего удивительного, что первая новая общественная молодежная организация, созданная в Киеве в августе 1987 года, называлась «Украинский культурологический клуб» (УКК). У ее истоков стояли политические заключенные, вышедшие в 1984 году из лагерей, — С. Набока, Л. Лохвицкая, Л. Милиевский, И. Чернявская.

Руководителем организации был избран А. Киреев, на даче которого 16 августа 1987 года состоялось учредительное собрание УКК. В клубе было создано четыре секции: историческая, языковая, литературная, религиозная, а цель его деятельности заключалась в достижении независимости Украины. Слово же «культурология» служило своего рода ширмой, по выражению В. Черновола, — политической мимикрией. Отсюда столь недолгая продолжительность легального периода деятельности организации: с 16 августа по 18 октября 1987 года (последняя дата связана с появлением критической статьи за авторством А. Швеца в газете «Вечерний Киев»). Далее последовали нелегальный, уличный и репрессивный периоды (периодизация С. Набоки) деятельности УКК. Организаторами клуба было проведено пять публичных дискуссий, на трех последних из них, проведенных на концертной площадке парка имени Фрунзе (ныне Куреневский парк), присутствовало около 500 человек. Хотя клуб пользовался поддержкой Минского райкома комсомола и отдела культуры исполкома Подольского районного совета народных депутатов, однако получил отказ в регистрации Киевским горисполкомом из-за наличия в уставе изъянов политического и методологического характера [40, с. 251].

Другой, вызванной к жизни эпохой гласности, неформальной общественной организацией республики является созданное 19 октября 1987 года во Львове при поддержке горкома комсомола культурно-просветительное «Общество Льва» в составе исторической и экологической секций. Целью его деятельности было сохранение культурно-исторической среды города, возрождение народных традиций, восстановление заброшенных памятников архитектуры. При этом общество сумело основать одну из первых в Украине самиздатовских газет «Поступ», выходящей с апреля 1989 года. В это же время осуществился переход общества от культурнической к политической деятельности. Его первым председателем был избран член Львовского горкома ЛКСМ Украины, почитатель украинского рока и патриот своего города О. Шейка. Представители исторической секции большое внимание уделяли лекциям о прошлом Галичины, возвращению к народным промыслам края, а экологи организовали в 1988 году экспедицию по Днестру.

Датой организационного оформления первой неправительственной, независимой от властных структур общественной природоохранной организации «Зеленый мир» считается 28 декабря 1987 года.

В ноябре 1987 года увидел свет первый машинописный номер внецензурного литературно-художественного и научно-популярного альманаха «Хорал-зелье» под редакцией И. Калинец, а в декабре 1987 года бывшие политзаключенные В. Черновол, И. Гель, М. Горынь возобновили выпуск нелегального журнала «Украинский вестник».

В рассматриваемый период было создано объединение социально-политических клубов, в состав которого вошли клубы «Лонжюмо», «Родина», «Трезвость», «Большевик». Последний из них являлся наиболее радикальным, о чем свидетельствовало его намерение создать марксистско-ленинскую рабочую партию, альтернативную КПСС. А общественно-политический клуб «Демократизация», созданный в Полтаве в 1987 году, считал необходимым осуществление экономических мер, направленных на соединение централизованного планирования с рыночными механизмами [117, с. 84, 85].

На втором этапе суверенизации впервые проявилась такая форма прямой демократии как массовые народные митинги. Первый из них прошел в форме экологической демонстрации в Киеве 26 апреля 1988 года, во вторую годовщину Чернобыльской аварии. Ее участники, не выдвигавшие политических требований, были разогнаны милицией. Примерно через полтора месяца, 13 июня 1988 года во Львове во время учредительного собрания Общества украинского языка, после отказа властей предоставить для проведения этого мероприятия помещения, был проведен многотысячный митинг [260].

Митинговый способ ведения политической борьбы неформальных организаций с официальными органами власти свидетельствовал об их массовости: на март 1989 года в Украине насчитывалось около 60 тыс. «неформалов», которые провели 1200 митингов с требованиями по углублению процесса демократического переустройства общества, возрождению украинского языка, реабилитации национальной символики, легализации запрещенных церквей — Украинской Автокефальной Православной Церкви и Украинской Греко-Католической Церкви, установлению экономического и политического суверенитета республики [8, с. 69].

Приобретение общественным движением массовых форм требовало принятия соответствующих мер со стороны властей, как республиканских, так и местных. В связи с этим обратимся к практике их работы с целью определения степени их адекватности возникающим вызовам со стороны определенной части общества.

Правоохранительные органы в целом должным образом выполняли свои функции в изменившихся условиях. По большому счету, эта работа была для них привычной. Так органы государственной безопасности не только отслеживали контакты бывших политзаключенных, диссидентов в целом, конкретные шаги, предпринимаемые лидерами самодеятельных формирований, просчитывали их планы по проведению тех или иных общественных актов, а и своевременно информировали партийные органы, к примеру, о том, что «из-за отсутствия навыков ведения политических дискуссий, недостатка информации по малоизученным вопросам истории нашей страны и республики преподаватели вузов, партийные и комсомольские активисты зачастую сложные проблемы разясняют неубедительно, проявляют уступчивость под напором экстремистов, не могут увлечь, повести за собой молодежь» [8, с. 75].

Скажу больше, этими качествами не обладало и большинство партийных работников различного ранга, не привыкших активно работать с людьми вне стен служебных кабинетов и зданий. А немалая часть идеологического актива, лекторов общества «Знание» (преподаватели вузов и средних специальных учебных заведений, учителя) подыгрывала новым общественным движениям либо «перебегала» на сторону идейного противника, при этом не разрывая своих отношений с партийной или комсомольской организациями, в которых они состояли на учете.

В служебной записке «О замыслах создания «Украинского народного фронта» от 9 ноября 1988 года председатель КГБ УССР М. Голушко, основываясь на полученных оперативным путем проектах документов данного зарождающегося формирования, заверил первого секретаря ЦК Компартии Украины В. Щербицкого в том, что «органами КГБ осуществляется контроль за ситуацией, разоблачение настоящих замыслов организаторов создания «фронта», недопущение экстремистских, националистических действий с их стороны, прекращение попыток проникновения в самодеятельные общественные организации, ориентирующиеся на создание «фронта», враждебно настроенных лиц, в прошлом осужденных за осуществление государственных преступлений» [8, с. 70].

В данном и в других документах этого ведомства, как и в решениях партийных комитетов того периода, отсутствовал оттенок тревоги за изменяющуюся общественную ситуацию, осознания утраты доверия к ним со стороны народа. Улица не воспринимала директивный стиль

общения и напрочь отвергала язык ультиматумов. Чтобы это понять, надо было как можно чаще бывать на этой улице, а еще лучше — начинать и заканчивать на ней рабочий день.

Реакция руководства республики на нарастание общественной активности различных слоев населения ничем не отличалась от той, что была годами раньше. Выступая в октябре 1988 года на встрече с комсомольским активом и ветеранами партии, В. Щербицкий отметил, что «политическая и идеологическая обстановка в нашей республике здоровая» [128, с. 96], в чем его ежедневно заверяли не только руководители правоохранительных органов, а и Л. Кравчук — по долгу своей службы, но не по собственному ощущению. Кто-кто, а он умел держать «нос по ветру», всегда предугадывая выгодный паcьянс расклада политической ситуации. Как ни странно, но первый секретарь ЦК Компартии Украины знал истинную цену руководителю своего идеологического ведомства, но вынужден был держать его под рукой за отсутствием в обойме лучшего и проверенного аппарата.

Далеко не всегда провластную позицию по острым вопросам политической жизни занимали работники средств массовой информации, в том числе и печатных органов партийных комитетов, что я детально продемонстрирую на примере областных и городской одесских газет в следующем подразделе книги. Пока же ограничусь использованием опубликованных данных из Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины, которые свидетельствуют о том, что «только в 1989 году по материалам органов КГБ в республиканской и местной прессе было помещено более 280 статей, подготовлено 120 радио- и телепередач, которые разоблачали «антиобщественную» направленность самодельных объединений» [8, с. 70].

Судя по приведенному тексту, выходит так, что участники общественных организаций объединились для того, чтобы действовать против самих себя как части общества, коль их поступки имеют антиобщественную направленность. Тот факт, что кто-то из членов общества выражает свое несогласие с тем, что его окружает, не означает асоциальность их поведения. А если это и так, то подобные оценки надлежит делать судебным инстанциям.

Спору нет, партийные комитеты республики в указанный период «перестройки», оказались между молотом и наковальней: испытывая давление со стороны новых общественных движений, они постоянно пребывали в зоне критики и недоверия, исходящих от руководства

КПСС. Чего только стоит фраза, брошенная М. Горбачевым в массы во время его пребывания в Киеве, приведенная в одном из интервью первого Президента Украины: «Вы их, — показывает на нас, — снизу, а мы их сверху» [264]. Но вышло так, что они его «снизу» и «сверху», а Л. Кравчук оказался «в дамках»: уметь надо!

Для понимания значимости второго этапа процесса суверенизации Украины, целесообразно проанализировать его содержание в контексте хронологии основных событий до создания, в ходе создания и после создания Руха. Данный подход является вполне обоснованным и оправданным, поскольку принято считать, что НРУ основан как общественно-политическое объединение, сформировавшееся на основе различных демократических неформальных групп по образцу народных фронтов в Прибалтике [75]. Не менее важным является и учет общедемократической и национальной составляющей в процессе кристаллизации руховской идеи [195].

Вместе с тем, я бы предложил рассматривать эти общие, не подлежащие сомнению положения, с учетом различных точек зрения: организационной, идейно-концептуальной, политической и социально-кадровой, поскольку внутри зарождающихся новых общественных движений, среди их членов по указанным критериям имелись расхождения, а между отдельными организациями даже возникли противоречия.

И потом, вряд ли уместно упорствовать в поиске доказательств наличия прямой связи и зависимости между отдельными неформальными организациями, между их республиканскими и региональными структурами, поскольку они далеко не всегда имели место, а их взаимоотношения не носили линейного характера. При этом зачастую одни и те же персонажи выступали инициаторами создания разных общественных организаций.

Один из лидеров Руха Л. Лукьяненко, отличающийся от своих соратников радикальностью взглядов, стоял у истоков создания в июле 1988 года в Киеве УХС, давшего толчок для образования НРУ, других общественных движений и партий. В «Декларации принципов» УХС, обнародованной 7 июля 1988 года, первым среди основных было провозглашено «восстановление украинской государственности». Причем, «будучи субъективно склонными к радикальным действиям», руководители УХС свою задачу видели «не в демонстрации нашей решительности и радикальности, а в распространении самостийницької идеи и пробуждении граждан к общественной активности».

Кроме того, ставились задачи объединения самостоятельных право-защитных групп и формирований в различных областях Украины; содействие организационному объединению националистически настроенных лиц; создание основы для оппозиционной политической партии. Лидеры УХС совместно с проводниками других организаций активно выступали за обсуждение в среде творческой интеллигенции и студенческой молодежи вопроса об использовании национальной символики: трезубца и желто-голубого флага. Вскоре филиалы УХС образовались в Киеве, Харькове, Тернополе, Одессе, Донецке, Черновцах и других городах Украины [56, с. 9].

Для пропаганды задач УХС, изложенных в «Декларации принципов», использовался «Украинский вестник (редактор — В. Черновол), тираж которого составлял 1000 экземпляров [143, с. 94].

Практическая реализация задач, сформулированных УХС, требовала объединения усилий новых общественных движений в рамках единого движения по примеру прибалтийских фронтов. Эти попытки предпринимались неоднократно в Киеве, Львове, других городах, но они пресекались властями.

Осенью 1988 года идея создания народного фронта проникла в писательскую (Союз писателей Украины) и академическую (Институт литературы АН УССР) среду, из которой вышли инициативные группы по разработке проектов устава и программы будущего движения. В результате проделанной работы соответствующие документы были одобрены на пленуме Союза писателей Украины, а 16 февраля 1989 года проект программы Народного руха Украины за перестройку был опубликован в «Литературной Украине».

Публикация проекта программы НРУ ускорила процесс его создания в регионах. Первой в Украине была создана Тернопольская краевая организация Руха, учредительная конференция которой состоялась 24 марта 1989 года. Председателем краевой организации стал поэт Михаил Левицкий. Второй организацией НРУ стал Львовский краевой Рух. Его учредительная конференция состоялась 7 мая 1989, а 1 июля этого же года в Республиканском доме кино состоялась учредительная конференция Киевской организации НРУ. Учредительная конференция по созданию Черновицкой региональной организации Народного руха Украины состоялась 26 августа 1989 года.

Учредительный съезд Народного руха Украины за перестройку состоялся 8–10 сентября 1989 года в Киеве. Его 1109 участников представляли около 280 тыс. членов движения, объединенных в 1247 орга-

низациях [243]. В проведении съезда приняли участие «110 депутатов Верховного Совета УССР и местных советов, 300 приглашенных, 33 народных депутата СССР, 228 членов и кандидатов в члены КПСС, 984 представителя интеллигенции» [42, с. 54].

Во время проведения учредительного съезда был рассмотрен ряд задач, которые возлагались на НРУ, а именно: суверенитет Украины, демократизация общественной жизни, национальное возрождение и перспектива перестройки. Как правило, они воспринимались не как нечто отдельное, а — взаимосвязанно. Однако видение делегатами государственных и политических институтов Украины в то время было разным. Учредительный съезд НРУ положил начало появлению в нем двух общественно-политических течений: умеренного (О. Гончар, И. Драч, М. Горынь и др.), которые шли на сотрудничество с партийными органами и выступали за экономическую независимость республики в составе СССР, и радикального (В. Чорновил, Л. Лукьяненко, В. Барладяну-Бирладник и др.), которые решились на открытую конфронтацию с государственным руководством и отстаивали лозунг независимости Украины [95, с. 41].

По состоянию на ноябрь 1989 года НРУ за перестройку организационно оформился во всех областях республики. По данным обкомов партии, общая численность членов Руха насчитывала около 77 тыс. человек. В его состав входили: инженерно-технические работники (22,3 %), представители творческой интеллигенции (14,9 %), преподаватели (13,4 %), ученые (12 %), рабочие и служащие (по 9 %), пенсионеры (4,3 %), руководители среднего звена (3,6 %). При этом 60 % участников организации приходилось на западные, 22 % — центральные, 12 % — южные и только 6 % — на восточные области. По возрасту больше половины членов НРУ были лицами от 25 до 45 лет, в западных областях большую его часть составляла молодежь, в центральных, восточных и южных — 40–50-летние. Среди руховцев около 8 % были членами КПСС, более 35 % — ВЛКСМ. Мотивы участия в НРУ его рядовых членов и руководителей определялись несколькими факторами: беспокойство судьбой страны, республики (84 %), желание сохранить национальную самобытность Украины (78 %), недовольство деятельностью партийных, советских, общественных организаций (62,4 %). Третья часть членов организации присоединилась к НРУ для активного участия в «перестройке». Отношение населения к НРУ было неоднозначным. Согласно опросу общественного мнения, 36,9 % людей поддерживали идею его создания, 25 % — от-

носились к нему негативно, а 28 % — затруднились с ответом [56, с. 14–16].

Для поддержки идей НРУ 11–12 февраля 1989 года было создано республиканское Общество украинского языка им. Т. Шевченко (ТУМ), члены которого не только занимались вопросами возрождения языка и культуры, но и активно интересовались политической жизнью.

На апрель 1989 года только во Львовской области эта организация насчитывала 13 тыс. членов, объединившихся в 66 первичных ячеек. Большинство из них проводили общественную работу по повышению общекультурного уровня населения, изучению и пропаганде народных традиций, фольклора. Активисты организовали массовый сбор подписей среди населения за предоставление украинскому языку государственного статуса и направили их в Президиум Верховного Совета УССР.

Идею создания Народного руха Украины за перестройку поддержали также члены республиканского общества «Мемориал» (функционировало с 4 марта 1989 года как составляющая Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал», организованного в Москве в августе 1988 года). Деятельность «Мемориала» была направлена на увековечение памяти лиц, незаконно репрессированных в 1930–1950-е годы, освещение «белых пятен» в истории, а также борьбу против насильственных и недемократических методов решения социально-политических проблем.

О социальной базе новых общественных движений свидетельствуют данные о том, что их численность в июне 1989 года составляла более чем 47 тысяч объединений следующей направленности: социально-политической — 6957, культурно-исторической — 1460, экологической — 1946, художественно-развлекательной — 10859, физкультурно-оздоровительной — 6124, спортивно-технической — 4239, коллекционно-собираательской — 685 [19, с.140–141].

Третий этап процесса суверенизации Украины, связанный с кризисом Компартии Украины и формированием многопартийности, стал следствием развития перестроечных процессов как в Москве, так и в Киеве в 1988–1989 годы. Ключевую роль в них сыграла утрата лидирующих позиций в обществе Компартии Украины, насчитывающей в 1991 году 3 млн 294 тыс. человек [99].

Опираясь этими цифрами, надо видеть разницу в мере ответственности за кризис партии ее рядовых членов, партийных работни-

ков различных уровней, а также руководящего состава (Политбюро и секретари ЦК Компартии Украины), «...разделившегося на две части: одна из них ориентировалась на центр, другая — на собственные силы» [126, с. 588]. Среди его второй части было немало коммунистов-отступников («перевертыши»), которые поначалу противились новой национальной символике, а впоследствии умело разыграли «национальную карту».

Руководство Компартии Украины на протяжении всей своей деятельности никогда не выходило за рамки своих полномочий, следуя принципу демократического централизма и партийной дисциплины, поэтому ее монопольное положение в украинском обществе утрачивало свое значение по мере обострения кризиса в СССР и в руководстве ЦК КПСС.

ЦК Компартии Украины на данном этапе суверенизации практически самоустранился от выполнения политических и идеологических функций и все более напоминал орган управления народным хозяйствам республики, выполняя команды и решения союзного партийно-государственного руководства. Этим же целям была подчинена и работа партийного аппарата республиканского, областного, городского и районного уровней. Секретари первичных партийных организаций обеспечивали выполнение решений вышестоящих партийных органов. Таким образом, большая часть партноменклатуры была ориентирована на работу с бумагами, а не людьми, не имела специального образования и навыков ведения политической работы в нестандартных условиях. Исключение составляли работники идеологических подразделений партийных комитетов, задача которых заключалась в идеологическом обеспечении выполнения указаний ЦК КПСС, народнохозяйственных планов и в банальном «навешивании лапши на уши» советских граждан, дабы у них никогда не возникало сомнений в правильности курса, выбранного руководством СССР.

Внутрипартийная реформа, связанная с повышением ответственности партийных комитетов за внедрение в повседневную жизнь политики гласности и демократизации, реструктуризацией партийного аппарата (фактически — с его сокращением) не привели к ожидаемым результатам.

Объединение отделов пропаганды и агитации, науки и учебных заведений, культуры обкомов партии в один идеологический отдел сопровождалось ликвидацией лекторских групп этих партийных комитетов и должностей лекторов в горкомах и райкомах партии, на

которых в ту пору легла основная тяжесть работы с неформальными организациями. Введение в штат обкомов партии должностей консультантов идеологических отделов обезличило многие участки политической работы в массах, превратив эту категорию работников в «отписщиков» и «бумаготворцев».

Большая часть «сокращенцев» партаппарата пришлась на отраслевые отделы. В конце 1988 года сокращение численности работников обкомов и Киевского горкома партии составило 693 человека (28,4 %) [128, с. 116]. Это были люди, которые значительную часть своей деятельности посвятили партийной работе, которая заменила им работу по специальности на прежнем месте. Не все они были пенсионного возраста, поэтому сокращение для многих из них стало своего рода вызовом. Число таких «жертв» «перестройки» значительно увеличилось после запрета деятельности Компартии Украины: многие из них оказались просто выброшенными на улицу. Речь идет о простых исполнителях воли ЦК КПСС, не получивших за годы служения партии и народу ни дач, ни автомобилей, но подорвавших свое здоровье, утративших веру в дело, которому они служили, и в конечном счете — профессиональные навыки по своей первичной занятости в сфере трудовой деятельности.

Соответственно сократился и общий штат сотрудников обкомов партии: от 107 номенклатурных единиц Донецкого обкома до 61 — Ивано-Франковского [128, с. 116]. Много это или мало — достаточно соотнести эти цифры со штатным расписанием современных областных государственных администраций, численность персонала которых превышает 500 человек.

Новая политическая ситуация продемонстрировала несовместимость сложившихся десятилетиями стереотипов в стиле и методах работы Компартии Украины с гласностью и демократизацией. Она оказалась не готовой к деятельности в условиях политической конкуренции, которую начали создавать ей национально-демократические силы.

Не по духу и не по плечу была для Компартии Украины и реализация задачи, сформулированной И. Дзюбой: противопоставить московской имперской идее, принятой определённой частью наших земляков, украинскую национальную идею, понятную всему обществу, — идею независимой Украины «без холопа и без пана» [62, с. 265]. Комплекс холопства в видоизмененной форме насаждался десятилетиями официальной пропагандой как антипод панства.

И Компартия Украины, находясь в зависимом положении от ЦК КПСС, успешно продуцировала данную идеологию.

Компартия Украины после XIX Всесоюзной партконференции стала утрачивать свою монолитность. Первые признаки разногласия в ее стане исходили от первых персон. Так, по словам Л. Кравчука (интервью 1993 года), для себя он все решил в середине 1990 года, «когда состоялись первые свободные выборы в республике, и партийные функционеры потерпели на них поражение, я понял, что система пошатнулась» [186]. Тем самым Л. Кравчук явился символом перехода части партийной номенклатуры на позиции национал-демократов, уделяя основное внимание не сохранению партийного влияния на массы и противодействию политических оппонентов, а осведомленности об их планах и действиях с целью сохранения за собой власти.

Как ни странно, но с молчаливого согласия главного идеолога республики советскую систему начали расшатывать не только руховцы, а и члены Компартии Украины, ставшие на путь фракционности. Речь идет о демократической платформе в республиканской партийной организации, официально заявившей о себе 10–11 февраля 1990 года в Харькове, на региональной встрече 109 представителей десяти партийных клубов. Среди них 50 человек были членами выборных партийных органов, 22 — партийными и советскими работниками, 30 — народными депутатами. Наиболее мощной организацией была Киевская организация демплатформы, объединяющая свыше 160 парторганизаций и партклубов [128, с. 229].

В ответ на это ЦК Компартии Украины 13 апреля 1990 года принял постановление «За консолидацию Компартии Украины и противодействие созданию в ней фракционных группировок», в котором демократическая платформа обвинялась в переходе к организационному оформлению своих структур. Однако политика запретов не принесла желаемых результатов: на первой республиканской конференции партклубов (Харьков, 24–25 мая 1990 года) завершился процесс объединения политических сил, стоящих на позициях демплатформы [128, с. 229].

Параллельно начался процесс объединения оппозиционных сил в новом составе Верховного Совета Украины, выборы в который состоялись в марте 1990 года. Такой структурой в украинском парламенте стал Народный Союз, объединивший 125 народных депутатов. На автономных началах в него вошли и коммунисты из «Демократической

платформы в КПУ». Наибольшее представительство в Народном Союзе имели западные регионы — 24 депутата из Львовской, 11 — из Ивано-Франковской, 8 — из Тернопольской областей и из Киева — 17 депутатов [156]. Сложившуюся информацию, свидетельствующую о создании коммунистам кроме антикоммунистической и антиимперской оппозиции еще и парламентской, спустя годы Л. Кравчук прокомментировал так: «...часть представителей Руха и вице-спикер Владимир Гринев (один из лидеров демплатформы. — *примечание мое*) не хотели принимать независимость из рук коммунистов [264]. Напомню, что среди депутатов парламента было 355 коммунистов.

С целью укрепления своего пошатнувшегося положения в обществе руководство Компартии Украины реализовало идею (провозглашена в феврале 1990 года) создания Союза трудящихся Украины за социалистическую перестройку в противовес НРУ за перестройку. Новое движение, в котором ключевым было словосочетание «за социалистическую перестройку», успешно прошло регистрацию в мае 1990 года.

В целях осуществления мониторинга общественных настроений еще в июне 1989 года идеологическим отделом ЦК Компартии Украины был проведен социологический опрос, который показал продолжение углубления процесса потери доверия к партии и ее органам со стороны как трудящихся, так и коммунистов. Компартию Украины поддерживали лишь треть населения и 62 % коммунистов. Наблюдалась тенденция к сужению ее социальной базы — немалая часть рабочих промышленности, строительства, транспорта, связи не намерены выступать на стороне партии (40 %) и только 26,3 % поддержали бы ее инициативы [128, с.204].

Рядовые коммунисты стали отчаиваться в коммунистической идеологии, добровольно выходили из партии, не доверяли руководящим партийным органам. За первые пять месяцев 1990 года из рядов Компартии Украины вышло 28 тыс. человек [42, с. 113]. В течение 1990 года заявления о выходе из Компартии Украины подали 220 тыс. человек. Сотни тысяч коммунистов перестали платить партийные взносы, отказывались участвовать в жизни партийных организаций [225].

Компартия Украины фактически раскололась. Часть коммунистов понимала необходимость реформ и обновления жизни республики и желала принять участие в их проведении, однако было немало и таких, которые выступали против изменений.

Немаловажно и то, что в Компартии Украины не нашлось своего А. Бразаускаса, который не просто отделил Компартию Литвы от КПСС, но и повел ее по пути демократизации. Решение В. Ивашко занять предложенную М. Горбачевым должность заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС и переехать в Москву оказалось несчастливым и для него, и для Компартии Украины, только дискредитировав тех, кто за него проголосовал. В это же самое время во главе Верховной Рады появился бывший главный идеолог коммунистов УССР Л. Кравчук, который начал переходить под знамена Руха, перенимая его лозунги. А все потому, что он был не в состоянии что-то поменять в партии и обществе, да и не хотел этого делать, заботясь сугубо о своих личных интересах, поступая по принципу: не важно куда перемещается «корыто» — главное всегда быть при нем.

Весной 1990 года руководители Руха вышли из Компартии, начался процесс создания новых партий. Появлению новых партий в значительной степени способствовала отмена 24 октября 1990 статьи шестой Конституции УССР, в которой были сформулированы положения о «руководящей и направляющей роли партии». Коммунистическая партия лишалась политической монополии в обществе, теряла функции управления государством. Еще ранее — 29 сентября 1990 года было принято постановление Верховного Совета УССР «О порядке регистрации общественных объединений», что ускорило процесс формирования многопартийной системы. Для официальной регистрации партий они должны были объединять не менее 3 тыс. членов.

Первой новой легализованной партией в Украине, зарегистрированной Минюстом УССР, была Украинская республиканская партия (УРП), возникшая на базе Украинского Хельсинского Союза. Ее инициаторами выступили члены УХС Левко Лукьяненко, Степан Хмара, братья Михаил Горынь и Богдан Горынь, Олесь Шевченко и другие — те, кто открыто противостоял советскому режиму. Учредительный съезд партии состоялся в конце апреля 1990 года. Программа партии, принятая на съезде, отличалась последовательностью, принципиальностью и радикализмом.

Другой партией, созданной тогда же, в апреле 1990 года, была Украинская христианско-демократическая партия (УХДП), образованная на базе Украинского христианско-демократического фронта. Партия позиционировала себя как национально-демократическая и антикоммунистическая политическая организация. В програм-

ме и уставе УХДП подчеркивалось, что ее конечной целью является «создание независимой украинской государственности». На 1990 год УХДП насчитывала около 2 тыс. человек, 80 % членов партии представляли организации Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей. Другие организации, такие, как Черкасская, Киевская, Одесская и Винницкая, Хмельницкая имели не более 15 членов партии каждая. Отсутствие единой политической стратегии, регионализм, постоянные расколы помешали партии стать влиятельной политической силой.

В мае 1990 года состоялось учредительное собрание социал-демократов, а в июне того же года на съезде в Киеве Украинская народно-демократическая лига трансформировалась в Украинскую народно-демократическую партию. Было объявлено также о создании Украинской крестьянской демократической партии (УКДП), Киевского либерально-демократического союза. На базе последней в ноябре 1990 была создана Либерально-демократическая партия Украины. Осенью того же года состоялся учредительный съезд Партии зеленых Украины. В Днепропетровске появилась Народная партия Украины. В декабре 1990 года начали свою деятельность Партия демократического возрождения Украины и Демократическая партия Украины.

Украинская Демплатформа вышла из Компартии Украины, создав в конце 1990 года Партию демократического возрождения Украины (ПДВУ). Традиционно социал-демократия опиралась на мощные профсоюзы. В Украине тесного объединения усилий с независимыми профсоюзами, шахтерским движением не произошло, хотя совместно с НРУ ей удалось подготовить общественное мнение к восприятию идеи независимости. И это было большое достижение. Мощной оказалась позиция ПДВУ в Верховной Раде, где она совместно с НРУ эффективно влияла на деятельность парламента и его руководство. Это проявилось, в частности, в принятии Декларации о государственном суверенитете Украины 16 июля 1990 года и, наконец, в провозглашении независимости Украины 24 августа 1991 года. Из ПДВУ вышло немало ярких личностей, таких как М. Попович, А. Емец, В. Хмелько, В. Гринев, Е. Кушнарев, В. Филенко.

Всего в течение 1990–1991 годов в Украине действовало почти 20 политических партий. Некоторые из вновь созданных партий, в том числе Украинская национальная партия, Украинская народно-демократическая и Украинская республиканская партии, провели 1 июля

1990 года в Киеве Межпартийную ассамблею. Она объединила всего 28 общественно-политических организаций, которые высказались за бойкот советских государственных структур, оценив их как колониальные, навязанные Москвой, и предложила создавать общественные комитеты, проводить запись в гражданство УНР на основании закона о гражданстве УНР от 2 марта 1918 года. Сторонники этого пути считали, что если таким образом будет зарегистрировано более 50 % населения УССР, то это даст основания для созыва Национального конгресса граждан Украины, который станет парламентом и провозгласит независимость Украины. Регистрация граждан УНР проводилась в 23 областях УССР. К концу 1990 года Межпартийной ассамблеей было зарегистрировано более 2,5 млн человек [54, с. 131–137].

Новые партии, как правило, образовывались вокруг отдельных народных депутатов или групп в Верховной Раде. Такие партии имели лучшие стартовые возможности, потому что могли пропагандировать свои взгляды с трибуны Верховной Рады.

Некоторые партии создавались «под лидера». Особую группу среди руководителей этих партий и их актива составляли бывшие участники диссидентского движения.

Среди лидеров новых партий появлялось много и таких, кто в прошлом состоял в Коммунистической партии. Многих из них жизнь заставила пересмотреть свои взгляды, но были и такие, кто просто приспособился.

Почти все вновь созданные партии не в состоянии были определить свою социальную базу. Ориентация значительной части партий на средние слои населения не учитывала тогдашней структуры общества. Появление отдельных партий не столько было связано с реакцией на общественные запросы, сколько было следствием стремлений их инициаторов «войти» в политику.

Такие партии стали скорее организационными образованиями искусственного характера, поскольку держались не на политической общности и стабильной социальной базе, а на единстве других интересов, например, финансовых, профессиональных. Своеобразную группу составляли партии, различия между которыми можно обнаружить лишь в названиях.

Новые партии и общественные организации по-разному оценивали политическое положение в республике и определяли свое отношение к государственному статусу Украины.

Апофеозом формирования в УССР многопартийной системы стало принятие 30 августа 1990 года Президиумом Верховного Совета УССР решения о запрете деятельности Компартии Украины, которое было основано на том, что ее руководство своими действиями подержало государственный переворот в Москве.

Четвертый этап суверенизации Украины характеризуется становлением независимого Украинского государства, пришедшее на вторую половину 1990 года — 1991 год. Его основное содержание связано с институционализацией суверенизации, сопровождаемой принятием украинским парламентом четырех очень важных политико-правовых документов, во многом определивших судьбу Украины, — Декларации о государственном суверенитете УССР (16 июля 1990 года), Закона об экономической самостоятельности Украинской ССР (3 августа 1990 года), Акта провозглашения независимости Украины (24 августа 1991 года), Закона о правопреемственности Украины (12 сентября 1991 года), увенчавшихся Всеукраинским референдумом, состоявшимся 1 декабря 1991 года.

При характеристике указанного этапа важно не только передать фабулу политических решений, а также учесть исторический контекст и национальную специфику институционализации процесса суверенизации.

Прежде всего надо понимать, что Украина не была первопроходцем на этом пути. Первые шаги в сторону суверенизации предприняли прибалтийские республики и РСФСР. Причем развертывание самого процесса, его поступательность определялись сценарием политических событий в Москве, ведущих к утрате союзной властью контроля за происходящими общественными процессами.

Если в РСФСР демократы (Б. Ельцин) боролись с центром (М. Горбачев) за власть, то в УССР участники новых общественных движений выступали против союзного центра, за выход республики из состава СССР (и то не сразу).

В отличие от республик Прибалтики и РСФСР, где лидерами борьбы были лица, занимающие ключевые посты во властных структурах, в УССР тон задавали национал-демократы, представленные бывшими «узниками совести» и писателями, которые не были искусственными политическими интриганами, в отличие от их оппонентов из числа суверен-коммунистов. Сознание национал-демократических лидеров было в некотором смысле ущербным, на что наложил отпечаток их образ жизни вне воли. Они до конца так и не смогли

справиться с состоянием эйфории от свободы высказывания и реализации на практике своих мыслей и политических устремлений жить в собственном государстве. Суверен-коммунисты видели свое предназначение в том, чтобы быть при власти, и ценили власть для себя, а не служение своему народу. На знамени первых было начертано «против власти», а вторых — «за себя во власти». В этом и состоит парадоксальность украинской суверенности.

Эта парадоксальность характерна и для самого процесса институционализации суверенности. Как справедливо отмечает в своем диссертационном исследовании Э. Андриюченко, «...приблизительно до весны 1990 года о приобретении Украиной независимости всерьез речь не шла — на повестке дня были вопросы о федерализации СССР, преобразования его на конфедерацию республик, децентрализацию различных сфер жизни страны» [4, с. 35].

Тем не менее, как любил выражаться М. Горбачев, процесс пошел. Среди его причин — усиление деструктивных тенденций «перестройки», расширение процесса суверенизации на советском пространстве, радикализация общественного климата в республике, укрепление социальной базы новых политических партий, падение авторитета Компартии Украины, забастовки шахтеров.

Движение Украины в сторону независимости было положено первыми альтернативными выборами в Верховный Совет УССР 12-го созыва, состоявшимися в марте 1990 года. Уже в первый день ее работы, 15 мая 1990 года, возникло противостояние между «группой 239» (коммунистическое большинство «За суверенную Советскую Украину») и оппозиционным «Демократическим блоком» — Народным советом. Правда, вскоре одним и другим пришлось идти на компромиссы в процессе работы над проектом Декларации о государственном суверенитете УССР. С этой целью были созданы две депутатские группы — Временная комиссия (руководитель — известный экономист С. Дорогунцов) и Комиссия по вопросам государственного суверенитета, межреспубликанских и межнациональных отношений (руководитель — Н. Шульга, заведующий сектором ЦК Компартии Украины). Обе комиссии интенсивно работали над проектом документа с 28 июня по 11 июля 1990 года, а ее результатом стало принятие 16 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете Украины. Из 384 депутатов, зарегистрированных в зале, «за» проголосовали 355 человек, «против» — 4, воздержался — 1, остальные — не участвовали в голосовании, что дает основания считать ее актом

политического компромисса между суверен-коммунистами и национал-демократами, и таким, который учитывал, что УССР все еще оставалась субъектом советского федеративного государства

Данное утверждение подтверждается и содержанием Декларации, среди положений которой наиболее важными являются следующие: провозглашение государственного суверенитета Украины как верховенства, самостоятельности, полноты и неделимости власти Республики в пределах ее территории и независимость и равноправие во внешних сношениях; определение народа Украины как граждан Республики всех национальностей, а ее народа единственным источником государственной власти в Республике; обеспечение Украинской ССР верховенства Конституции и законов Республики на своей территории; наличие у Украинской ССР своего гражданства и гарантирование каждому гражданину права на сохранение гражданства СССР; осуществление Украинской ССР верховенства на всей своей территории; исключительное право народа Украины на владение, пользование и распоряжение национальным богатством Украины; право Украинской ССР на свою долю в общесоюзном богатстве, в частности в общесоюзных алмазном и валютном фондах и золотом запасе, которая создана благодаря усилиям народа Республики; самостоятельность Украинской ССР в решении вопросов науки, образования, культурного и духовного развития украинской нации, гарантирование всем национальностям, проживающим на территории Республики, права их свободного национально-культурного развития; право Украинской ССР как субъекта международного права осуществлять непосредственные сношения с другими государствами, заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами, участвовать в деятельности международных организаций в объеме, необходимом для эффективного обеспечения национальных интересов Республики в политической, экономической, экологической, информационной, научной, технической, культурной и спортивной сферах [59].

Изначально день принятия Декларация был признан праздничным и выходным днем. Но все проходит, прошло и это, а вместе с ним тускнеет и народная память об этом событии.

Законодательная инициатива Верховного Совета УССР была воплощена в принятие 3 августа 1990 года Закона об экономической самостоятельности Украинской ССР. В этот же день было принято постановление Верховного Совета Украинской ССР «О реализации

Закона «Об экономической самостоятельности Украинской ССР». Данный Закон определяет содержание, цели и основные принципы экономической самостоятельности Украины как суверенного государства, механизм хозяйствования, регулирования экономики и социальной сферы, организации финансово-бюджетной, кредитной и денежной системы Украинской ССР. Экономическая самостоятельность Украинской ССР базируется на таких основных принципах: собственности народа республики на ее национальное богатство и национальный доход; разнообразия и равноправия форм собственности и их государственной защите; децентрализации собственности и разгосударствлении экономики; полной хозяйственной самостоятельности и свободе предпринимательства всех юридических и физических лиц в рамках законов Украинской ССР; самостоятельности регулирования денежного обращения; защищенности внутреннего рынка. Основу экономической самостоятельности Украинской ССР образует собственность ее народа на национальное богатство; собственностью народа Украины является земля, ее недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, находящиеся в пределах территории Украинской ССР, природные ресурсы ее континентального шельфа и исключительной (морской) экономической зоны, весь экономический, научный и технический потенциал, расположенный на территории республики. В законе сформулированы финансово-бюджетная, кредитная и денежная система; сущность управления народным хозяйством; определена юридическая ответственность за нарушение законодательства об экономической самостоятельности Украинской ССР [189].

Значение постановления Верховного Совета Украинской ССР «О реализации Закона «Об экономической самостоятельности Украинской ССР» для становления независимости республики заключается в поручении Совету Министров Украинской ССР в месячный срок разработать концепцию и программу перехода Украинской ССР к регулируемой рыночной экономике, а также в двухмесячный срок подготовить такие проекты законодательных актов о: собственности; земле; налогообложении; аренде; предпринимательстве; предприятии; акционерных обществах; банках; финансово-кредитной системе; ценных бумагах и фондовом рынке; налоговой инспекции; защите потребителя; ценообразовании; разгосударствлении собственности; труде; внешнеэкономической деятельности; таможенной службе; охране природы, а также антимонопольное законодательство [192].

Указанные документы свидетельствуют о серьезных намерениях народных депутатов не только относительно выхода из состава СССР, а и в отношении создания предпосылок перехода к новой системе экономических отношений как к основе будущей украинской государственности.

Однако реализация принятых решений затягивалась из-за отчаянных попыток руководства СССР принудить украинские власти к подписанию нового Союзного договора, которому предшествовали Всесоюзный референдум от 17 марта 1991 года и последующий за ним Ново-Огаревский процесс.

Всесоюзный референдум показал, что 70,2 % его участников от нашей республики поддержали горбачевскую модель обновленной федерации, а 80 % высказались за то, чтобы Украина входила в состав союзного государства на принципах Декларации о государственном суверенитете УССР. Если сторонников сохранения Советского Союза в Донецкой, Николаевской, Луганской, Крымской, Хмельницкой областях было 85–87 %, то во Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областях соответственно 16,4 %, 18,2 % и 19,3 %, в Киеве — 44,6 % [128, с. 265]. Еще в феврале 1991 года в Минске представители Украины вместе с делегациями России, Белоруссии и Казахстана обсуждали вопрос о создании «Содружества» [169].

А вот, что касается Ново-Огаревского процесса, то руководство УССР даже не сформировало собственную делегацию для обсуждения проекта Союзного договора.

Сценарий дальнейшего углубления процесса украинской суверенизации был предопределен событиями в Москве 19–21 августа 1991 года. Через три дня после неудачной попытки так называемого путча Верховный Совет УССР приняла постановление «О провозглашении независимости Украины», устанавливающее: первое — с момента провозглашения независимости действующими на территории Украины является только ее Конституция, законы, постановления Правительства и другие акты законодательства республики; второе — 1 декабря 1991 года провести республиканский референдум в подтверждение Акта провозглашения независимости, а также приняла Акт провозглашения независимости Украины, в котором содержались такие исторические по своей значимости положения: независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства — УКРАИНЫ; территория Украины является неделимой и неприкосновенной; отныне на территории Украины имеют силу

исключительно Конституция и законы Украины; этот акт вступает в силу с момента его одобрения украинским народом [191].

Отталкиваясь от последнего положения, а также учитывая конституционный статус народа как единственного источника власти, следует задуматься над тем, тот ли день выбран для точки отсчета нашей независимости.

Однако воздадим свое по заслугам и двадцать четвертому дню августа, ссылаясь на патриарха украинской независимости И. Юхновского, который в 2020 году по этому поводу заметил: «Мы были народом все прошлые века — народом, который боролся за право иметь свое государство. Но только 24 августа 1991 года народ стал политической нацией, волей которой было образовано независимое государство. И его признал весь мир» [154].

Вместе с тем, имеет смысл придать значение и глубокомысленной фразе Л. Лукьяненко: «В 1991 году независимыми мы не стали», — которую можно трактовать как в широком, так и в узко-контекстном смысле. Именно последний в его редакции выглядит следующим образом: «в проекте я написал «восстановление украинской государственности». А когда началась дискуссия и обсуждение этого проекта, то кто-то говорит: «Подождите, а какая у нас последняя украинская государственность была? Петлюровская». А Петлюра — антисоветской, антиукраинской и так далее. И, значит, это бы затянулось, была бы дискуссия, и могли бы провалиться все. Поэтому заменили: не «возрождение», а «провозглашения». Ну, это был такой существенный момент» [116].

Чтобы не возвращаться к дискуссии на эту тему, настаиваю, как и ранее, на том, что применительно к украинскому народу в исторических рамках 1991 года это было установление, а не возрождение независимости, а термин «провозглашение» не является антиномией слову «восстановление». Здесь, вероятно, уместно вести речь о возрождении идеи независимости, а не о независимости как таковой. Если уж втягиваться в дискуссию по существу, то можно сослаться по этому вопросу на известную в широких научных кругах точку зрения П. Толочко, утверждающего, что большей независимости, чем в советский период, Украина не имела. Поэтому я все же сторонник термина «суверенность», но Акт провозглашал независимость, и от этого не уйти.

После принятия Акта провозглашения независимости Украины вполне логичным был следующий шаг на пути утверждения суверенитета, на который пошел украинский парламент, приняв 12 сентября

1991 года Закон о правопреемственности Украины. К его основным положениям следует отнести такие: с момента провозглашения независимости Украины высшим органом государственной власти Украины является Верховная Рада Украины в депутатском составе Верховного Совета Украинской ССР; до принятия новой Конституции Украины на территории Украины действует Конституция (Основной Закон) Украинской ССР; государственная граница Союза ССР, отделяющая территорию Украины от других государств, и граница между Украинской ССР и Белорусской ССР, РСФСР, Республикой Молдова по состоянию на 16 июля 1990 года является государственной границей Украины; Украина подтверждает свои обязательства по международным договорам, заключенными Украинской ССР до провозглашения независимости Украины; Украина является правопреемником прав и обязанностей по международным договорам Союза ССР, не противоречащим Конституции Украина и интересам республики; Украина дает согласие на обслуживание внешнего долга Союза ССР по состоянию на 16 июля 1990 года в части, которая определяется отдельным межгосударственным соглашением; Украина не несет обязательств по кредитным договорам и соглашениям Союза ССР, заключенным после 1 июля 1991 года без согласия Украины; все граждане Союза ССР, на момент провозглашения независимости Украины постоянно проживающие на территории Украины, являются гражданами Украины; Украина гарантирует обеспечение прав человека каждому гражданину Украины независимо от национальной принадлежности и других признаков в соответствии с международно-правовыми актами о правах человека [190].

Два последних положения являются и сегодня очень актуальными для тех, кто не сумел за последние тридцать лет воплотить в жизнь детскую мечту стать проводниками и проводницами, стюардами и стюардессами или хотя бы овладеть вспомогательными профессиями, связанными с доставкой к месту отправления пассажиров их багажа.

Феерией институционализации процесса становления суверенного украинского государства являются результаты Всеукраинского референдума, проведенного 1 декабря 1991 года.

Использование термина «феерия» в значении волшебства — отнюдь не является умалением общественной значимости волеизъявления украинских граждан. Все выглядит именно так, если сопоставить результаты референдума (90,32 % его участников подтвердили Акт провозглашения независимости Украины) и итоги голосования тех

же граждан за восемь месяцев до этого, за сохранение СССР в рамках Всесоюзного референдума («за» — 70, 2 %). С позиций современных украинских реальностей не нуждаются в комментировании результаты Всеукраинского референдума по Крымской АССР (54,19 %) и Севастополю (57,04 %) [194]. Показатели по восточным и южным областям незначительно отличались от среднереспубликанских. На их основании можно сделать вывод о том, что для большей части украинских избирателей выбор был сделан по ситуации, изменившейся после августовских событий 1991 года, а не осознанно. Тем, что легко дается, как правило, не дорожат (осознанность выбора убежденными национал-демократами здесь не ставится под сомнение). Для пушей убедительности сошлюсь на И. Драча, который так подвел итог своих национально-политических устремлений: «Я никогда в жизни не думал, что мы создадим вот такую Украину, что она доживет до подобного идиотского состояния» [67].

Что называется, как вынашивался плод, таким и он появился на свет.

3.2. СПЕЦИФИКА «ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ» ПРОЦЕССОВ В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Одесская область представляет интерес как объект исследования не только в силу ее места и роли в общественно-политических процессах рассматриваемого периода, а и как место жизнедеятельности автора, который в силу своего служебного положения находился на острие политического и идеологического противостояния официальной власти и новых общественных движений. Учитывая данное обстоятельство, первостепенное внимание будет уделено анализу динамично развивающейся общественно-политической ситуации в Одессе и области в период суверенизации республики, приходящейся на нисходящую фазу «перестройки». Таким образом, аналитика местных общественно-политических процессов будет подана в контексте их эволюции на всесоюзном и республиканском уровнях, служащих определенным фоном проявления специфики «перестроечных» процессов в Одесской области. Естественно, описываемые события будут сопровождаться ссылками на источники и подкрепляться личными впечатлениями автора как активного участника и невольного свидетеля всего того, что имеет отношение к теме исследования.

По аналогии с предыдущим подразделом книги, начну с оценки общественно-политической ситуации в области в 1988–1991 годах и расстановки противоборствующих сил. Начало точки отсчета суверенизации в Одесской области, датированное годом позже, чем в республике в целом, свидетельствует о некотором запаздывании развития «перестроечных» процессов в этом регионе. Это первая, но не главная отличительная особенность «перестроечных» процессов на Одешине. К их более отличительной особенности я бы отнес преобладание социального начала над национальным, что отражало специфику полиэтничного состава населения и дух Одессы как интернационального города с его обширными международными связями. Поэтому новые неформальные организации выступали с критикой существующих порядков, во-первых, с гражданских позиций и, во-вторых, как патриоты Одессы. Третья особенность состоит в присутствии вольнодумства при оценке действий любых властей — союзных, республиканских, местных. Четвертая особенность — это слабое проявление диссидентских тенденций в неформальных движениях, большее доверие к центральной власти, не исчерпавшей в полной мере кредит доверия к ней, и нелюбимая критика проявлений консерватизма и коррупционности местной власти. Пятая особенность одесских «перестроечных» процессов заключается в достаточно широкой социальной, профессиональной и этнической палитре участников неформальных организаций, среди которых не последнюю роль играли представители научной интеллигенции. Шестая особенность проявлялась в активной роли в происходящих процессах местной партийной прессы, которая далеко не всегда отстаивала прокоммунистическую точку зрения. Седьмая особенность — открытый характер дискуссий противоборствующих сторон, их публичность. Еще одна особенность состояла в пассивной личной роли в этом процессе руководящего состава партийных комитетов и недооценке ими проявления двойных стандартов со стороны коммунистов из числа идеологического актива.

Оценивая общественно-политическую ситуацию в области с момента провозглашения М. Горбачевым «перестройки» как относительно стабильную в 1985–1987 годы, следует иметь в виду достаточно мощный ее природно-ресурсный, экономический, научный и культурный потенциал и наполненную духом оптимизма одесскую ментальность, что создавало определенный задел прочности существующей социальной системы. Одесса имела «свое» управление же-

лезной дороги, Черноморское морское пароходство (государство в государстве с огромными валютными поступлениями в государственную казну), Черноморское производственное объединение рыбной промышленности «Антарктика», крупные машиностроительные предприятия, развитую пищевую промышленность, учреждения академической и отраслевой науки и немало предприимчивых людей, умеющих делать деньги как в законный, так и в незаконный способ.

Поэтому, когда в апреле 1985 года М. Горбачев призвал всех ускориться, в Одессе было немало граждан, всегда предпочитающих динамичность развития. Наконец, когда в 1987 году последовал призыв всем перестраиваться, — это кроме смеха ничего не вызвало. М. Горбачева стали воспринимать скорее с насмешкой, чем серьезно. И это было характерно для многих одесситов, независимо от их социального положения. Но вскоре наступило время, когда стало уже не до смеха. С одной стороны, стало заметно ухудшаться социально-экономическое положение в стране, что ощущалось и в благополучной Одессе. С развертыванием гласности и демократизации всех сфер общественной жизни политические процессы вышли из-под контроля проводников «перестройки».

Поэтому появление новых общественных движений в Одессе застало врасплох ее партийно-государственную верхушку, не привыкшую к проявлениям альтернативных взглядов, идущих вразрез с линией партии.

Но все же главная проблема состояла в том, что, когда М. Горбачев стал «переводить стрелки» на своих оппонентов и местную элиту, взрыву протестного движения способствовала «взрыхленная» социальная почва, возделанная одесскими диссидентами в 1970-е — первой половине 1980-х годов. Безусловно, с той поры изменились условия противостояния между властью и ее оппонентами, оно приобрело преимущественно открытый и публичный характер, хотя случаи нарушения существующего законодательства и в «перестроечный» период так же, как и ранее, имели соответствующую правовую оценку. Однако, если с наступлением гласности и демократизации общественной жизни участники протестных движений пользовались относительной свободой (в этом ценность «перестройки»), то в предшествующий период малейшая критика существующего режима попадала под те или иные статьи уголовного кодекса.

Среди осужденных за «антисоветскую деятельность» были и те, кто выступал в защиту ущемленных прав украиноязычного населе-

ния, за расширение сферы функционирования украинского языка и культуры в УССР.

Среди них был и ныне известный в Одессе писатель и общественный деятель Олекса Ризныкив, осужденный в 1972 году к 5,5 года лагерей сурового режима за проведение антисоветской агитации и пропаганды.

В 1976–1985-й годы по обвинению в «клевете на советский строй» и распространение самиздата были осуждены: студент Одесского института связи В. Гончаров, лаборант Одесского государственного университета В. Барладяну (дважды), инженер П. Грабовенко, бывшая учительница А. Михайленко, а также О. Коденчук, Г. Казанцева (Генчу), О. Матусевич, В. Цыбулин, М. Непомнящий [199, с. 160].

В распространении инакомыслия и установлении идейно-организационной коммуникации трудно переоценить значение такого феномена одесского диссидентского движения как «Одесская библиотека» самиздата, создателем и первым хранителем которой был В. Игрунов, известный и как организатор нелегального марксистского кружка (1965 год). Впервые В. Игрунов был арестован в 1975 году, однако отказался участвовать в следствии, поскольку не считал свою деятельность ни антисоветской, ни противозаконной. По решению Одесского областного суда от 13 марта 1976 года он был направлен на принудительное лечение в Одесскую психиатрическую больницу, где врачебная комиссия отказалась дать заключение о вменяемости «ввиду сложной структуры личности». В Институте судебной психиатрии имени Сербского обвиняемому был поставлен диагноз «вялотекущая шизофрения», но из-за международных протестов В. Игрунов был вновь освидетельствован непосредственно в следственном изоляторе, после чего рекомендация была изменена на более мягкую — содержание в больнице общего типа [199, с. 160; 38].

В своем недавнем интервью В. Игрунов (ныне гражданин Российской Федерации и депутат российского парламента 1993–2003 годов), вспоминая одесский период своей политической деятельности, называет себя диссидентом в диссидентстве [38]. Вероятно, при этом принимались во внимание два обстоятельства: роль «Одесской библиотеки» самиздата как сеятеля революционных идей и наличие диссидентской среды, что подтверждается наличием связи коллекционера и распространителя неподцензурной литературы с критически настроенной студенческой молодежью Одессы, к которой

имели отношение и мои сокурсники — Г. Павловский (впоследствии кремлевский политехнолог), К. Ильницкий (в наши дни — главный редактор журнала «Порты Украины»), И. Иванников (его дальнейшая судьба мне неизвестна). Эти юные «революционеры» при первом знакомстве с В. Игруновым в 1971 году, который был старше их всего на три года, обвинили его в буржуазности. А Г. Павловский, обладавший острым аналитическим умом и нестандартным мышлением, проходящий спустя пять лет свидетелем в деле В. Игрунова, сообщил следователю, что подследственный — человек с «чрезмерно критическим складом ума». Г. Павловский тогда невольно «подставил» и всеми нами уважаемого доцента нашего университета В. С. Алексеева-Попова, предложив ему ознакомиться с запрещенной книгой А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» [63].

Характеристика Г. Павловского, данная В. Игрунову, подтверждала заключение одесских психиатров относительно его сложной структуры личности.

Следует признать, что дело В. Игрунова не пропало даром, а его библиотека оставила неизгладимый след в молодых душах и сердцах. Мои упомянутые ранее однокурсники вошли в историю одесского инакомыслия как основатели студенческого кружка-коммуны «СИД» («Субъект исторической деятельности»). В 1975 году В. Килеса (один из сидовцев) издал под псевдонимом «Вячеслав Витязев» мемуарно-публицистическую книгу с одноименным названием, которая стала популярной в «Самиздате». В печатном варианте она была издана в 2008 году тиражом 400 экземпляров. Ознакомился с ней и я, обнаружив в трех местах упоминание о себе. В двух первых случаях я предстаю как сторонник сидовцев, выступив с ними против деканата и факультетского партийного бюро, продвигавших на выборную должность секретаря факультетского бюро ВЛКСМ Г. Орлова (ушел из жизни еще в довольно-таки молодом возрасте) — ловкого интригана, который в силу этого свойства и возраста скорее походил на преподавателя, чем студента. Такие кадры тогда ценились в среде политиканов и партийных идеологов. Будучи комсоргом второго курса, я открыто выступал против Г. Орлова, что не осталось незамеченным деканатом, который после провала кандидатуры своего ставленника Г. Орлова на заседании вновь избранного комсомольского бюро сделал ставку на В. Глебова (ныне — директор Института социальных наук Одесского национального университета имени И. И. Мечникова). Мне же пришлось довольствоваться должностью заместителя секретаря бюро ист-

фака. Актив нашего курса пользовался не меньшим авторитетом на факультете, чем деятельные студенты старших курсов. И это вопреки, а не благодаря наличию на курсе трех сидовцев и примкнувшего к ним В. Попкова (в настоящее время — профессор, заведующий кафедрой Одесского национального университета имени И. И. Мечникова). Герои данного сюжета «работали в тени и серьезно не воспринимались однокурсниками, среди которых «погоду делала» наша четверка (Ю. Косилов, впоследствии — доцент Национального университета «Одесская морская академия», ушедший из жизни в 2018 году, Е. Храмченков, после окончания университета работал учителем в одной из школ Тирасполя, С. Будзарь, дослужился до звания подполковника СБУ, А. Павлов, профессор, заведующий кафедры Одесского национального технологического университета), довольно часто вступающая в конфликт с формальными лидерами курса — старостой и партгором из числа «стариков», за плечами которых была армейская служба и несколько лет трудового стажа.

Рано или поздно наше мятежное поведение получило оценку со стороны деканата. Для этого был использован случай, произошедший 18 марта 1970 года на лекции доцента П. Г. Чухрия, который занялся плагиатом, постоянно зачитывая фрагменты статьи, которую накануне проштудировал я. Это позволило мне несколько раз делать «ходы», упреждая лектора, зная структуру и содержание журнальной статьи. После взбучки преподавателя я в знак протеста добровольно покинул аудиторию. Через пять минут то же самое проделал и Ю. Косилов. После лекции, во время большого перерыва в факультетском буфете наша четверка и еще трое сокурсников подняли бокалы с шампанским в честь 100-летия Парижской Коммуны и 20-летия Ю. Косилова. Реакция деканата (а не инициатива сокурсников, как это преподносит в своей книге В. Килеса) последовала в виде жестких санкций против меня. А вот как описывает этот факт В. Килеса: «...Все к лучшему в этом лучшем из миров! Это ему (А. П.) за Игоря Иванникова! Я собирался «прокатить» его (то есть меня), на осеннем отчетно-выборном собрании, но к этому прибегать уже не придется» [39]. Этот фрагмент у меня ничего кроме улыбки не вызывает, поскольку на «прокатить» (за то, что я на комсомольском собрании дал объективную оценку деятельности указанного студента) — у В. Килеса и его приятелей кишка была тонка. Да и я, как и мои студенческие друзья, в отличие от моего критика, не идеализировали себя и не вынашивали «наполеоновских» планов.

В постсоветское время В. Килеса стал известным крымским писателем, проработав более пятнадцати лет руководителем инспекции по делам несовершеннолетних, а до выхода на пенсию занимал должность начальника управления по правовой и кадровой работе Министерства экономики Автономной Республики Крым. К. Ильницкий вскоре после окончания университета женился на О. Гапеевой (выпускнице истфака, ставшей поэтессой), до этого находящейся в браке с Г. Павловским. В студенческие годы он попал в поле зрения КГБ, не только как сидовец, а и как один из авторов студенческой стенгазеты, содержащей намек на мрачное будущее СССР и безысходность человеческой цивилизации. К. Ильницкому в этой связи повезло больше, чем Г. Павловскому, поскольку его родитель занимал высокий пост в городской прокуратуре.

Г. Павловский после окончания университета в силу своей неблагонадежности получил диплом не сразу. Тем не менее ему было оказано доверие поработать по справке в школе села Бирносово, которое в настоящее время входит в Захарьевскую поселковую объединенную территориальную общину Раздельнянского района Одесской области. Сегодня в нем проживает 170 человек, а в начале XIX века здесь проживал прадед адмирала А. Колчака.

Последние сорок пять лет Г. Павловский проживает в Москве, где в 1980-х годах издавал диссидентский журнал, за что на какое-то время стал постояльцем Бутырки. В 1990-е годы у него дела пошли в гору: его услугами как политтехнолога и идеолога активно пользовались Б. Ельцин и В. Путин.

И. Иванников — мой земляк, обладавший энциклопедичными знаниями, которыми не всегда умело пользовался. К тому же, чтобы быть успешным, ему недоставало аккуратности и упорства в достижении цели. Как сложилась его дальнейшая судьба — мне не ведомо.

Студенческая малочисленная коммуна «СИД», распираемая внутренними противоречиями, порожденными чрезмерными амбициями каждого из ее участников, при отсутствии у оных зрелых мировоззренческих установок и связи с социальной практикой, была изначально обречена на крах. Ее жизненный цикл завершился в 1972 году, когда В. Килеса, закончив учебу, отбыл для прохождения службы в Вооруженных Силах СССР как офицер-двухгодичник.

Можно по-разному оценивать увлечения, ибо о деятельности речь не идет в силу ее отсутствия, участников университетской студенческой коммуны «СИД», но без всякого сомнения — это были моло-

дые люди, вышедшие из повиновения, порой и собственной воли, страстно желающие, выражаясь языком В. Высоцкого, прорваться за флажки.

В эти же годы штормило и на филологическом факультете университета, где возмутителем спокойствия был В. Барладяну, рукопись диссертации которого на тему «Образ человека в живописи и литературе Второго Болгарского царства 1118—1396 годов» вызвала нездоровый интерес не только у коллег, а и куратора из КГБ. К тому же несколько раз на него доносили студенты, одиозно воспринимавшие его некоторые реплики во время проведения занятий. В марте 1974 года на партийном собрании факультета романо-германской филологии В. Барладяну был исключен из КПСС, а 5 мая 1974 уволен с работы в Одесском университете.

Именно в этот период вокруг В. Барладяну стали объединяться единомышленники, среди которых были физик, доцент Института сухопутных войск В. Шлапак, сотрудники Селекционно-генетического института — М. Мосюк (бывший студент химфака университета, с которым мы вместе играли в баскетбол), и Ф. Нарийчук (в конце 1980-х годов — один из активистов неформальных объединений), С. Заремба (выпускник истфака университета, впоследствии — аспирант и научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины). Еще в 1971 году С. Заремба поделился с В. Барладяну планом действий: съехаться его единомышленникам в его родное село в Винницкой области, будто на его день рождения, и создать организацию за освобождение Украины. Но 1972 год начался с повальных арестов украинских патриотов. У некоторых киевских соратников этот год охладил пыл, и это событие официально не состоялась. Но было уже поздно. Тягу молодежи к патриотической деятельности остановить было невозможно. Заработал «Самиздат». На квартире В. Барладяну создавались фотокопии по труду «Интернационализм или русификация» И. Дзюбы, произведений А. Солженицына, перепечатывалась Декларация прав человека. Пригодилась и большая библиотека Т. Максимюка, в которой была фотокопия журнала «Украинская жизнь» (Москва, 1912. № 2), статьи С. Петлюры о Тарасе Шевченко, М. Грушевского «Новое знамя националистов» и другие публикации на актуальную украинскую тематику, а также фотокопия книги «Украина и московский империализм» Л. Когута 1916 года издания [31, с. 4—5].

Следует упомянуть и о судьбе «Одесской библиотеки». После В. Игрунова ее последним хранителем и библиотекарем до ареста

(1982 год) был П. Бутов, в настоящее время проживающий в Германии.

Поступление материалов «Одесской библиотеки» «Самиздата» (фотоленки, фотокопии, машинописные копии, несколько книг и периодических изданий, изданных за рубежом) в середине 1990-х годов в фонд Государственной публичной исторической библиотеки России способствовало появлению идеи о реконструкции библиотеки «Самиздата» как таковой, которая стала воплощаться в жизнь в 2005 году.

Несмотря на то, что «Одесская библиотека» сохранилась не полностью (в Историческую библиотеку поступило около 100 наименований, а В. Игрунов утверждает, что собрание библиотеки насчитывало более 500 единиц), своеобразие данного собрания прежде всего в том, что оно представляло стихийный срез той литературы, которая читалась в «Самиздате». Немаловажным фактом является также то, что представителям «Одесской библиотеки» удалось установить контакты с единомышленниками в других городах СССР (Ленинграде, Новосибирске, Симферополе, Николаеве). И, наконец, уникальной отличительной чертой «Одесской библиотеки» была библиографическая деятельность. Во всяком случае, до своего ареста В. Игрунов подготовил тематическую картотеку — указатель к «Хронике текущих событий». Это был первый справочный аппарат к материалам «Самиздата», подготовленный на территории СССР. По свидетельству А. Даниэля, эта картотека не была конфискована при аресте В. Игрунова [229].

Учитывая дефицит наименований в количестве 400 экземпляров, можно предположить, что какая-то их часть осела в фондах частных лиц, пользующихся «Самиздатом», тем самым расширив их мировоззренческий горизонт и географические рамки распространения инакомыслия, импульсы которого с новой силой проявились в годы «перестройки».

Опыт функционирования Одесской и других самиздатовских библиотек свидетельствует о том, что советский человек находился в постоянном поиске закрытой от него информации не обязательно политической, антисоветской. Общество было настолько пропитано цензурой, что более-менее развернутые ответы на любые вопросы (не только гуманитарной тематики) не могли быть получены, поскольку упирались в труднодоступную литературу, авторами которой являлись «немарксистские» писатели, а то и откровенные «враги народа». Таким образом, ответы на многие вопросы, интересовавшие совет-

ских людей, были связаны с самостоятельным поиском литературы. Ну а запретный плод, как известно, сладок.

Как следует из представленного материала, одесское инакомыслие в его различных формах не имеет четко выраженных временных ограничений, а окончание того или иного этапа является началом нового. Однако такого заключения недостаточно для исчерпывающей оценки его проявления в период «перестройки». Гласность и демократизация, провозглашенные М. Горбачевым, практически сняли ограничения на свободу выражения мыслей в рамках действующего законодательства, которое не всегда поспевало за происходящими в обществе изменениями.

Тон в разворачивании палитры политической борьбы и идеологических баталий задавали одесские диссиденты, среди которых видное место занимал В. Барладяну (1942–2010) — человек со сложной и во многом трагической судьбой.

По признанию самого Василия Владимировича, настоящая фамилия его отца — Гулый-Гуленко, а Барладяну-Бырладныком он стал в 1921 году после усыновления, поскольку его дед — генерал-хорунжий армии УНР был арестован и осужден на длительный срок. Его семья в 1941 году переехала из Одессы в село Шибка Григориопольского района Молдавии, где на следующий год появился на свет будущий украинский националист, как он себя называл.

Возвращаясь к предыдущему эпизоду, связанному с увольнением В. Барладяну в 1974 году из Одесского государственного университета, замечу, что через два года во время обыска в его квартире сотрудниками КГБ был изъят сборник патриотических стихов «Шей, жена, скорее флаг», автобиографическая повесть «Компромисса не будет», много научно-публицистических статей о политической ситуации в Украине и по национальному вопросу. Поэтому в сентябре по указанию КГБ его уволили с работы [9].

Спустя полгода В. Барладяну передал руководителю УХС М. Руденко копию своего заявления на имя прокурора Одесской области с протестом против преследований по национальным мотивам, которое никак не повлияло на ход дела, а также статью «К людям доброй воли» и автобиографический очерк «А как же иначе?» (его русскоязычный аналог в 1977 году был опубликован в Париже, а второе издание — в его книге «Горе от ума»). На следующий год он был осужден на трехлетний срок по ст. 187-1 УК УССР («клевета на советский государственный и общественный строй»). За три дня до окончания

срока, 29 февраля 1980 года, В. Барладяну был вывезен в Ровенский следственный изолятор, где против него было сфабриковано новое «дело», и он был осужден по той же статье еще на 3 года лишения свободы [178].

С началом «перестройки» В. Барладяну снова активно включается в правозащитную и национально-освободительную борьбу. В сентябре 1987 года он вошел в редакцию восстановленного за месяц до этого В. Черноволом журнала «Украинский вестник», был членом редколлегий журналов «Кафедра» и «Украинские перспективы», где опубликовал ряд статей. Как активный деятель УХС, В. Барладяну в июле 1988 года был избран одним из заместителей председателя этой организации

В 1992 году В. Барладяну вернулся к преподавательской работе в Одесском университете. Был избран членом Союза писателей и Союза журналистов Украины. Указом Президента Украины от 26 ноября 2005 года был награжден орденом «За заслуги» III степени.

В последние годы жизни он находился в угнетенном состоянии, связанном с тем, что долгие годы его борьбы за независимость Украинского государства не сделали счастливым украинский народ. Могу об этом судить на основании своих личных впечатлений от встреч с В. Барладяну, проживающим неподалеку от меня.

Другим известным лидером одесских неформальных движений был В. Цымбалюк (1936–2007) — член КПСС, кандидат философских наук, полковник Советской Армии (ушел на пенсию с должности начальника кафедры Одесского высшего артиллерийского училища), доцент Одесского института связи имени А. С. Попова. На протяжении пятнадцати лет возглавлял Одесскую краевую организацию НРУ.

Но в 2004 году, после долгих лет борьбы с руководством Центрального провода Руха (Украинской народной партии), предавшим главные идейные принципы национально-освободительного движения, на которых создавалось это движение, В. Цымбалюк сложил свои полномочия и вышел из Руха, публично заявив о «аморальности этой организации и невозможности оставаться в Рухе» [34].

В. Цымбалюк, в отличие от В. Барладяну, перешел на национал-демократические позиции после долгих лет пребывания в КПСС, что во многом способствовало его карьерному росту как советского офицера, однако отталкивало от него немалую часть соратников. Что делалось в душе Виктора Демьяновича после таких идейно-политических метаморфоз, — было ведомо его близким людям. Возможно,

он сам и не испытывал по этому поводу никакого душевного дискомфорта. Но тем не менее именно в этом и заключалось уязвимость его лидерства, хотя на людях он никогда не давал повода усомниться в его идейных позициях, если они имелись в традиционном представлении о них. Здесь уже больше ценилось искусство выработки тактики политической деятельности. И с этим у В. Цымбалука было все в порядке. Я в этом неоднократно лично убеждался, вступая с ним в полемику.

Но прошли годы, которые напомнили о том, что по весне лед имеет свойство превращаться в воду, а с приходом знойного южного лета теряет свои первоначальные свойства и сталь. Когда давний идеологический противник лидера местных руховцев Р. Боделан баллотировался на пост одесского мэра, В. Цымбалука приложил немало усилий, чтобы Руслан Борисович занял эту должность. Но когда у В. Цымбалука выявили быстро прогрессирующее онкологическое заболевание, мэр способствовал тому, чтобы его прооперировали в Одесском военном госпитале по минимальной шкале финансовых затрат, что продлило жизнь В. Цымбалуку на несколько лет.

К тройке лидеров одесских неформальных движений относился доктор философских наук, профессор А. Уемов (1928–2012), который был «мозгом» этого движения, хотя и относился к этой деятельности без фанатизма. Фигура А. Уеова на тот момент, как философа и логика науки, была, пожалуй, весомее, чем лидера киевских неформалов М. Поповича.

А. Уемов был из тех мыслителей, которые отличались нестандартностью не только мышления, а и поведения, за что и был подвергнут гонениям со стороны властей. Когда он преподавал у нас на факультете, ему едва перевалило за сорок, а производил он впечатление мудрого, немало повидавшего в жизни человека. Это происходило скорее не из-за окладистой бороды, придававшей его облику величие высокопоставленного духовного сановника, и мудрости, которая веяла только от одного его взгляда, не говоря уже о произнесенных им глубокомысленных фразах. Странно то, что он редко улыбался, но заразительно смеялся, не любил острить сам, но ценил тонкий юмор в других. Он знал цену времени, не любил читать мораль кому бы то ни было, а тем более студентам, что ему вменялось в вину при освобождении в 1973 году от должности заведующего кафедрой философии. Это я почувствовал во время защиты своей дипломной работы:

досталось и нам, его ученикам. Поэтому, когда наступило «перестроечное» время, он не только не считал для себя обременительным участие в деятельности неформальных движений, а расценивал ее как свой общественный долг.

В ту пору было вершиной легкомыслия недооценивать роль в политическом противостоянии партийной организации области и новых общественных движений средств массовой информации в целом, и их руководителей в частности.

Тогда наибольшей популярностью в городе пользовалась самая молодая газета — «Вечерняя Одесса» и ее бессменный главный редактор Б. Деревянко (1938–1997), уроженец поселка Ивановки, что находится в 70 километрах от областного центра. Вышло так, что я в начале 1980-х годов там работал и жил в доме напротив детского сада, где нес охранную службу отец Бориса Федоровича. Место рождения и семья будущего гения одесской журналистики не давали ему никаких дополнительных дивидендов в его личностном становлении.

В своей книге «Исповедь» Р. Боделан залог успеха «Вечерней Одессы» видит не в огульной, а в спокойной и аргументированной критике имеющихся промахов в работе, прямоте в суждениях и умении анализировать события, сопоставлять факты, присущие ее руководителю. При этом бывший руководитель области признается в том, что между ним и главным редактором сложились доверительные отношения, что позволяло ему иногда отводить удар от Б. Деревянко, который ему норовили нанести руководители партийных и советских органов [15, с. 43, 44]. Да вот от выстрела ранним утром 11 августа 1997 года в спину главного редактора уберечь никто не смог.

Не берусь оценивать, насколько всегда главный редактор «Вечерней Одессы», как органа горкома партии, был корректным в выборе объекта критики, но именно я, как руководитель ключевого подразделения обкома партии, однажды ощутил аморальный груз использования газетой грязных технологий, когда в формате круглого стола не от лица сотрудника газеты, а от непосредственного участника дискуссии преднамеренно был напечатан неправдивый, негативный материал, имеющий целью опорочить меня как представителя обкома партии. После этого в телефонном разговоре с руководителем газеты я так и не добился не только признания им факта нарушения служебной этики, а даже элементарного извинения (детали диалога не столь важны). И таких моментов в работе руководителей средств массовой информации области в то время было предостаточно.

Не меньший интерес в свете происходящих в обществе изменений представляет состояние готовности к диалогу в изменившихся условиях игры в лагере партийных бонз.

В декабре 1987 года и в ноябре 1988 года в обкоме партии произошла замена ключевых фигур, произошедшая не по наитию, а направленная из центра. Сначала секретарь обкома, ведающий идеологией, Г. Максименко (типичный комсомольский выдвиженец, мало что умеющий сам, но требующий наличия всяческих умений и прежде всего угодливости от починенных) вернулся в столицу, чтобы возглавить журнал «Под знаменем ленинизма», которому времени для существования оставалось всего ничего — каких-то три года с небольшим.

Р. Болелан, пришедший на смену Г. Максименко, был куда более кстати не только ко времени, а и к месту. Руслан Борисович был достаточно демократичен в общении, умел найти общий язык с любой аудиторией и обладал огромным опытом партийной и комсомольской работы, а главное — был хорошо знаком с текущей ситуацией в области, имел тесные контакты с партийно-советским и хозяйственным активом. Все это в какой-то мере обнадеживало, но отнюдь не гарантировало окончательный успех в деле, к которому необходимо было приступить новому секретарю обкома партии.

В 1988 году подошел к пенсионному рубежу первый секретарь обкома партии А. Ночевкин, который в разговоре с подчиненными придерживался безапелляционного тона, при этом часто сдвигая брови на переносице и тем самым невольно подтверждая свою принадлежность к полученной при рождении фамилии. В это же самое время в Москве паковал чемоданы (началась реорганизация партийного аппарата) заместитель заведующего организационным отделом ЦК КПСС (до столицы длительное время возглавлявший соответствующий отдел в ЦК Компартии Украины) Г. Крючков, отправленный М. Горбачевым как дальновидный, принципиальный и критически мыслящий партийный работник в Одесский обком партии на смену А. Ночевкину.

Благодаря Г. Крючкову, проработавшему в должности первого секретаря Одесского обкома партии с 5 ноября 1988 года по 3 апреля 1990 года, удалось в целом сохранить контроль со стороны партийных комитетов за развитием общественно-политических процессов в области и тем самым не допустить жесткого противостояния между противоборствующими сторонами. Однако можно предположить,

что уезжал он из Одессы в Киев с полным осознанием того, что как на общесоюзном, республиканском, так и региональном уровнях КПСС как авангард общества в условиях «перестройки» потерпела полное фиаско. Вопрос о судьбе союзного государства решался в ближайшие месяцы.

Чтобы понять причины такого пессимистического прогноза, вернемся в Одессу 1988 года, к началу конца. К этому времени партийные организации области, как и всей страны, оказались в роли обороняющихся, отыгрывающихся и оправдывающихся. По мере развития «перестройки» право «первой подачи» получила оппозиция, поэтому партийные комитеты были вынуждены всякий раз принимать подачу, неэффективно растрачивая свой ресурс и постепенно утрачивая инициативу. По сути, это была политическая игра в вопрос и ответ. Менее искушенная в этих играх оппозиционная сторона имела преимущество перед властными институтами по той простой причине, что она выявляла изъяны в их работе и в ответ встречала не поддержку, а осуждение.

Исследуя процесс становления общественно-политических движений на Юге Украины, Е. Шипотилова точно подметила, что «в отличие от компартийного руководства, с их абстрактными лозунгами и идеологемами, неформалы фокусировали внимание граждан на вполне конкретных, актуальных проблемах региона, предлагали действенные пути решения. Назревшие социально-политические вопросы побудили активное население к вступлению в экологические, культурные, а в дальнейшем и чисто политические общества» [261].

Прежде чем перейти к характеристике этих неформальных движений, считаю уместным выйти за рамки устоявшейся их оценки как оппозиционных, антикоммунистических, антисоветских, проукраинских, патриотических, праворадикальных, националистических.

«Перестройка» обнажила столько негативных явлений жизни советского общества, и в этом ее основное достоинство, что в пору было задуматься над тем, а олицетворяют ли собой сложившиеся в СССР структуры власти сущность коммунистических ценностей. Поэтому вполне логично, применительно к указанному периоду развития советского общества в целом и к новым одесским общественным движениям, применить другие критерии их классификации, определив, какие из них являлись контр-, альтер- и провластными. О левом, ре-

волюционном радикализме речь уже не идет. Он ушел вместе с поколением университетских сидовцев, сообщество которых раскололось в том числе и в силу несовпадения их мировоззренческих установок при столкновении молодых «революционеров» с реальной действительностью.

Сравнивая себя с ними, еще в студенческие годы обнаружил существенное различие между нами, состоящее в том, что я пришел к осознанию несправедливости общественного устройства еще в подростковом возрасте посредством ознакомления с историей семьи, жизнью открытых, честных, трудолюбивых и свободолюбивых людей, за спинами многих из которых были не университеты, а тюрьмы и лагеря. А занимательные и не очень заумные книги, в которых отсутствовали ответы на вопросы, с которыми пришлось столкнуться в реальной жизни, появились позже, что во многом и определило мое жизненное кредо. По большому счету поступал я на исторический факультет не для того, чтобы стать профессиональным историком, а с целью поиска инструментария преобразования действительности, основанного на принципах социальной справедливости, для последующего его применения на практике.

В Одессе во второй половине 1980-х годов наиболее массовым и влиятельным неформальным общественным движением была краевая организация НРУ, у истоков создания которой, как и других неформальных организаций, стояли местные правозащитники.

Зачинателем неформального движения в Одесской области следует считать «Демократический союз содействия перестройке» (ДССП), переименованный позже в «Народный союз содействия перестройке» (НССП). Организация, возникшая в мае 1988 года под руководством В. Земельмана, мастера объединения «Рембыттехника», состояла из 11 человек. Согласно разработанной программе, «Союз» способствовал восстановлению реальной власти советов, реализации конституционных прав граждан, недопущению искажения на местах политики КПСС, установлению гласности в деятельности КГБ и Вооруженных Сил. На собрании участники ДССП выражали суждения о том, что «перестройка в стране тормозится работниками советских, партийных и административных органов» [66, с. 173–174].

Вскоре неформальное объединение раскололось. Одна из отделившихся групп (5 человек) получила название «Оппозиционная партия — Демократический союз». Лидер организации В. Павлов-

ский разделял идею Московского «Демократического союза» о создании в стране оппозиционных КПСС структур. Его группа активно занималась пропагандистской деятельностью, распространяла листовки с критикой партии и ее основателя; искала пути консолидации с оппозиционными организациями других республик и городов [149, с. 210].

Именно представители правозащитного движения Украины из пяти городов Украины — Киева, Львова, Ивано-Франковска, Одессы, Харькова, по информации председателя «Ассоциации содействия муниципальным реформам и защите прав городской общины» В. Максимовича, собрались 10 сентября 1988 года в Киеве, в помещении Дома ученых для обсуждения вопроса о создании в регионах Украины народного демократического движения, впоследствии получившего название Народный рух Украины. Одессу на этом собрании представляла журналистка И. Голобородько (ушла из жизни в июне 2021 года). Участники собрания приняли решение обратиться за содействием в организации этого движения к Союзу писателей Украины, чтобы создать оргкомитет по написанию ее Устава и проведению учредительного съезда [34].

Одесса, «бегущая» впереди планеты всей, и в вопросе создания НРУ, что называется, не пасла задних, о чем свидетельствует и дата проведения учредительной конференции краевой организации, состоявшейся 26 августа 1989 года в столице соседней республики — Кишиневе, в Республиканском доме кинематографистов. Ситуация, связанная с этим событием, является детективной. Дело в том, что власти под разным предлогом отказывали инициаторам проведения конференции в предоставлении подходящего для этого помещения в Одессе. Организаторы конференции с целью недопущения срыва ее проведения держали в тайне от делегатов место и дату ее проведения. Ее делегаты (120 человек) узнали об этом только после отправления электрички из Одессы к месту их собрания. Конференция избрала Координационный совет и сопредседателей областной руховской организации в составе семи человек [79, с. 134–135], среди которых наиболее деятельными были В. Цымбалюк, А. Уемов и Е. Акимович (философ по специальности и призванию, доцент Одесского института народного хозяйства, исключенный из КПСС, как и В. Цымбалюк, в мае 1990 года; с 2002 года — председатель Всеукраинской общественной организации «Демократическая коалиция», участник Оранжевой революции и Революции Достоинства).

Предыстория создания одесского НРУ связана с деятельностью первой одесской общественно-политической организации — «Народный союз содействия перестройке» (НССП), созданной в ноябре 1988 года при активном участии правозащитников Б. Земельмана, Л. Мендельсона, И. Голобородько, Л. Заславского, Л. Леоновой. Они же были и учредителями Одесского «Мемориала». Именно активисты этих двух общественных организаций, к которым присоединились представители национально-патриотического движения «Провсита», были инициаторами проведения руховской учредительной конференции.

НРУ ставил своей задачей демократизацию общественной жизни, полную передачу власти советам, отмену руководящей роли КПСС. Определенная часть его участников выступала с националистических позиций [267, с. 36].

Действия властей по отношению к инициативе создания организации НРУ в области не ограничились запретными мерами. За день до кишиневского мероприятия в одесском дворце самодеятельного творчества имени Леси Украинки состоялась провластная альтернативная учредительная конференция НРУ, на которой в силу служебных обязанностей довелось присутствовать и мне. Если придерживаться формальной стороны (инициаторы движения изначально заявили о своей приверженности горбачевской политике «перестройки»), то ничего предосудительного в том, что его организатором выступил обком партии, нет. Однако следует учитывать сам контекст развертывания событий и полярность целей одного и другого Рухов.

Историк руховского движения Г. Гончарук, описывая происходящее на одесской конференции НРУ, отмечает как ее слабые стороны — использование русского языка как рабочего, раздачу делегатам листовок «антируховского» содержания и выборы на киевскую учредительную конференцию делегатами от одесского НРУ такой явно не руховской персоны как Р. Боделан [45, с. 37–39]. Как по мне, суть не в том, на каком языке осуществляется общение между людьми, а в его конструктивности, открытости и доверительности, чего как раз и не ощущалось в атмосфере дворцового зала. Все происходило по накатанной партийно-аппаратной процедуре, в которой были четко обозначены «маячки», разделяющие членов социума на «своих» и «чужих», среди которых были и коммунисты.

Проведение учредительной конференции краевой организации НРУ способствовало созданию ее филиалов в области. Одним из

первых такой филиал был создан в г. Белгороде-Днестровском в сентябре 1989 года в количестве пятнадцати человек, который возглавил временно не работающий П. Чернышук, 1948 года рождения, беспартийный. Несколько позже филиалы появились в городах Измаиле и Ильичевске, в Савранском, Великомихайловском, Раздельнянском, Березовском, Ананьевском, Николаевском, Коминтерновском районах. Среди членов краевой организации НРУ преобладали служащие, число рабочих составило десять человек, среди членов Руха двадцать пять человек были членами КПСС [79, с. 136; 267, с. 36].

Краевая организация НРУ была самой массовой и влиятельной новой общественно-политической организацией в Одесской области.

Заметным влиянием на общественные настроения в области пользовался также одесский филиал Украинского Хельсинского Союза (УХС) во главе с В. Барладяну, созданный в ноябре 1988 года. Согласно замыслу В. Барладяну, члены УХС должны были занять руководящие должности в партийных и советских органах власти, чтобы «без крови строить независимое Украинское государство». Деятели объединения проводили агитацию в студенческой, молодежной среде и в украинских национально-культурных обществах. Активисты УХС принимали участие в собрании самодеятельных формирований культурологического характера, где критиковали пребывание в этих обществах партийных работников; выступали против указов Верховного Совета СССР о проведении митингов и демонстраций; агитировали за внесение изменений в Уголовный кодекс об ответственности за государственные преступления; собирали подписи в поддержку НРУ за перестройку. В. Барладяну имел налаженные связи с сотрудниками радиостанции «Свобода», которым предоставлял информацию об общественно-политической ситуации в Одессе [149, с. 210].

Руководитель республиканской организации УХС Л. Лукьяненко в своей книге упоминает о В. Барладяну как об одном из основателей этой организации, который был избран одним из ее секретарей и членом Всеукраинского координационного совета [132, с. 19, 41].

Под влиянием деятельности республиканского Общества украинского языка им. Т. Шевченко представители интеллигенции решили создать такое же общество в Одессе и с этой целью провели 15 октября 1988 года в городской библиотеке № 10 учредительное собрание, на котором присутствовало более сорока человек. Организатором общества была заведующая этой библиотекой Н. Билинская [273, с. 49]. Общество объединило учителей, литераторов, журналистов,

работников науки и культуры, разных по возрасту и национальности, и уже в конце 1988 года насчитывало около ста человек. Целью организации было возрождение родного языка, культуры, обычаев. Достаточно широким было и поле деятельности общества: от проведения праздников, тематических вечеров и концертов до торжественного празднования памятных литературно-художественных событий прошлого [164].

Однако вскоре среди членов общества возникли разногласия по направлениям деятельности: ограничиться только культурологической работой или же участвовать в митингах, критиковать деятельность партийных и советских органов и тому подобное? На этой почве в ноябре 1988 года произошел раскол общества, в результате которого из него вышли Н. Билинская и Ф. Нарийчук вместе со своими сторонниками. Остальные члены общества, настроенные более радикально, избрали своим председателем В. Грошко.

Вскоре после этого Ф. Нарийчук основал общество «Аист», которое осенью 1990 года было зарегистрировано как одесская краевая организация Общества украинского языка им. Т. Шевченко («Южное общество») [273, с. 50]. Среди первых массовых культурно-просветительских мероприятий общества стало празднование 175-летия Т. Г. Шевченко. Активисты общества участвовали во встречах с местными поэтами, в конференциях, экскурсиях, тематических вечерах, конкурсах на лучший рисунок по произведениям Кобзаря и др. [149, с. 211].

Национально-культурное возрождение и развитие украинской государственности невозможны без возврата исторической памяти народа. Этим направлением деятельности занималось Одесское историко-просветительское общество «Мемориал», учредительная конференция которого состоялась 10 июня 1989 [96]. Общество ставило своей целью восстановление исторической правды, увековечение памяти жертв репрессий, полную ликвидацию проявлений тоталитаризма во всех сферах общественной жизни, анализ мифов общественного сознания, движение к демократии, утверждение гуманистических принципов и общечеловеческих ценностей, формирование гражданского общества и правового государства. Исходным политическим принципом Одесского «Мемориала» провозглашался примат нравственных норм перед политическими интересами [146].

На отчетно-выборной конференции «Мемориала», состоявшейся в сентябре 1990 года, при обсуждении программы произошел раскол.

Часть делегатов под руководством В. Цымбалюка покинула заседание. Так в Одессе начало действовать два общества «Мемориал» [217].

Официально добровольное общество «Мемориал» приняло статус городского после регистрации Одесским горсоветом народных депутатов. Странники В. Д. Цымбалюка стали называться Одесским отделением Всеукраинского республиканского историко-просветительского общества «Мемориал» им. В. Стуса. Разница между двумя организациями заключалась в характере деятельности и конечной цели. Если городское общество осталось на принципах правозащитной и просветительской деятельности, то Одесское республиканское отделение «Мемориала», находясь на одной идейной платформе с НРУ, ставило перед собой политические задачи [244].

Активная деятельность Одесского «Мемориала» по восстановлению исторической правды сыграла большую роль в процессе реабилитации жертв советских репрессий. Так, согласно приказу Президиума Верховного Совета СССР, среди лиц, незаконно осужденных в 30-х — начале 50-х годах XX века, в Одесской области в период с июля 1988 года по 1 июля 1991 года было реабилитировано 8906 человек [149, с. 212].

Действовали в области и другие неформальные общественные организации, преимущественно не политической направленности. В силу своей немногочисленности и узкой специализации они существенно не влияли на общественно-политическую обстановку в области. Пожалуй, лишь одно из них выпадало из общего ряда.

Это было «Философское общество» (его председателем был А. Уемов, работающий в то время в одесском отделении Института экономики НАН Украины) — профессиональная общественная организация, созданная в феврале 1978 года с целью публичного обсуждения актуальных философских проблем. Его заседания традиционно проходили в Доме ученых, расположенном в центре города (улица Гоголя), поэтому на его заседания мог легко попасть любой желающий. С начала «перестройки» не только расширился круг участников общества, но и претерпела изменения и тематика заседаний, ставшая более популярной и политизированной. Здесь каждый присутствующий, среди которых неоднократно бывал и я, мог свободно высказать свою точку зрения по обсуждаемым вопросам. Таким образом, «Философское общество» было, с одной стороны, открытой площадкой и трибуной для общественной полемики, и хорошей школой политической и гражданской зрелости — с другой.

Благодаря активной общественно-политической деятельности большинство неформальных объединений превратились во влиятельную политическую силу в Одесской области, впервые посягнули на партийный монополизм в общественной жизни региона.

С целью нейтрализации влияния на массовое сознание «неформалов», эксплуатирующих в своих эгоистических интересах «перестроечные» лозунги, обком партии инициировал создание и оказывал всяческую поддержку провластным общественным организациям. Наиболее массовым (около 150 человек) среди них было Движение содействия социальному обновлению во главе с доцентом Одесского института народного хозяйства В. Пурцхванидзе (ныне 92-летний пенсионер, хранящий в своей памяти основные вехи деятельности этой организации), созданное в октябре 1988 года из числа преподавателей вузов, техникумов, учителей, служащих советских учреждений, среди которых были два депутата Одесского горсовета, а каждый пятый — членом КПСС [267, с. 38–39].

Еще одна подобная организация (общественно-политичное движение «Одесса») возникла в Институте инженеров морского флота. О ее политической направленности свидетельствует обращение оргкомитета указанного движения, опубликованное в газете «Вымпел» 20 ноября 1990 года. В этом обращении, имеющем название «Чтобы жить по-человечески», содержалась следующая оценка текущего момента, связанная с инициативами одесских неформальных организаций: «...на арену политической борьбы вышли откровенно националистические, экстремистские силы, которые в своем стремлении к власти готовы развалить Советский Союз и толкнуть страну в ужасы гражданской войны... Мы за подписание Союзного договора между суверенными республиками» [254].

Однако, чтобы жить по-человечески, гражданам необходимо надлежащим образом трудиться и уважительно относиться друг к другу, а власти преданно служить своему народу. Проще всего при возникновении трудностей искать козла отпущения, чем в данном случае и занимались инициаторы данного движения. Точнее, они нашли его и вешали на объект критики ярлык «экстремистские силы», даже не вникая в значение этого термина.

Среди новых общественных движений были и такие, спектр политических интересов которых не поддавался однозначной оценке, хотя сторонники национал-демократов расценивали их требования как шовинистические и антиукраинские.

Достаточно резонансным в этом отношении стало создание в октябре 1990 года по инициативе профессора университета, видного юриста А. Сурилова (1928–1999) «Демократического союза Новороссии и Бессарабии», который ставил целью федерализацию УССР. В одном из номеров газеты «Новороссийский телеграф» был опубликован проект «Программы демократического союза Новороссии», в преамбуле которой было заявлено, что целью союза является защита права новороссов, как переселенческого этноса, на создание собственной автономии в рамках будущего украинского федеративного государства. Язык новороссов, по мнению основателей союза, вместе с украинским и русским языками должен стать национальным в пределах своих этнических территорий [77]. Речь шла о таких трех этнических группах, компактно проживающих в Одесской области, как болгары, гагаузы, молдаване (Бессарабия) и русские (Новороссия). Однако такие политические установки были не по душе власти, да и населению, не относящемуся ни к тем, ни к другим, то есть этническим национально озабоченным украинцам, так рьяно борющимся за суверенизацию УССР. Но с другой стороны, все это выглядело недемократично: украинцам можно выходить из состава СССР, а этническим меньшинствам республики федерализация была противопоказана. Однако учитывая усиливающиеся центробежные тенденции, набирающие силу в стране, новороссийская и бессарабская федерализация одной из союзных республик имела эффект домино.

Не была позитивно воспринята общественностью и деятельность Дворянского собрания, зарегистрированного в мае 1991 года, участники которого ставили своей целью возрождение духовных традиций и способствование диалогу между людьми, «ценить благородство, честь и высокие моральные принципы» [77].

Ценить, это хорошо, а вот кто и как будет следовать указанным моральным принципам, и какова в этом роль одесских потомков дворян спустя семь десятков лет после ухода с политической арены этого класса — об этом в программе — ни слова. Моральные нормы членов этой организации стали понятны общественности из материалов, поступивших в редакцию «Вечерней Одессы», в которых один из ее лидеров — А. Костецкий выразил свое уважительное отношение к участникам так называемого августовского путча 1991 года. Об этом поведала читателям газеты О. Ильницкая, подвергшая нелицеприятной критике позицию местного «дворянина» [85].

Новые общественные организации стремились донести цели своей деятельности до широких масс, используя для этого средства массовой информации, выступления в трудовых коллективах, выпуск листовок и другой печатной продукции, учебные аудитории, агитационные площадки парков и скверов, центральные площади города, которые использовались под запланированные разовые мероприятия. Были у них и места постоянной дислокации — Дом ученых, Большая химическая аудитория университета, в которых мне лично приходилось вступать в полемику с лидерами неформальных движений.

Наибольшей популярностью у «неформалов» пользовалась такая форма политической борьбы как массовые митинги. Наиболее резонансными среди них были митинги, состоявшиеся в Белгороде-Днепровском (январь 1990 года) и на площади Октябрьской революции (Кумичево поле) в Одессе (февраль 1990 года).

Белгород-Днепровский санкционированный митинг (численность участников — 1,5 тысячи человек), проходивший под лозунгом «Правовому государству демократические выборы!», был проведен по инициативе местного горкома партии, который накануне с руководителями городского НРУ согласовал план совместных действий по обсуждению программ кандидатов в народные депутаты республики. Однако с самого начала митинга при выступлении первого секретаря горкома партии Н. Филоненко руководящие органы приступили к огульной критике руководства города, используя заранее подготовленные плакаты и листовки, в которых содержались претензии к власти.

Затем была предпринята неудавшаяся попытка овладеть инициативой ведения митинга, после которой сторонники НРУ также безуспешно намеревались провести параллельный митинг. На митинге кроме кандидатов в депутаты, которые старались обходить стороной острые вопросы, предпочтя выдвижение несбыточных обещаний, выступили также представители трудовых коллективов, лидеры общественных организаций, ветераны войны и труда — всего 30 человек, которые подвергли критике огульные неконструктивную позицию лидера местной организации НРУ П. Чернышука и его соратников, преследующих цель опорочить не только кандидатов в народные депутаты от Компартии Украины, а и любую деятельность коммунистов. Несмотря на деструктивное поведение партийных оппозиционеров, митинг достиг поставленной ее организаторами цели и одновременно продемонстрировал слабые стороны работы партийных комитетов, их неумение работать в условиях уличных политиче-

ских батальей, а также пассивность идеологического актива в работе с «неформалами».

В Одессе инициаторами митингов, прошедших 10 и 17 февраля 1990 года, были члены «Демократического блока», собравшего под свои знамена все оппозиционные силы города. На них, как и на митинге в Белгороде-Днестровском, основным лейтмотивом поведения неформалов была огульная критика обкома партии и кандидатов в народные депутаты от Компартии Украины. Впрочем, были на нем и конструктивные выступления, содержащие конкретные предложения по улучшению социально-экономической и политической ситуации в области. В частности таковым было на митинге выступление представителя еврейского национального культурного общества Ф. Мильштейна. Риторика многих радикалов содержала нотки нетерпимости и агрессивности, указания на возможность развития ситуации в Одессе по аналогии с событиями в Румынии, Закавказье и Средней Азии, призывы к борьбе с советским режимом [167].

Был на этом митинге и я. После его окончания я подготовил статью для газеты «Знамя коммунизма». Последний абзац моей статьи заканчивался такими словами: «Главное сегодня — не ошибиться в выборе попутчиков и в лозунгах. Кому, с кем и куда идти — волен решать каждый сам. Однако все это не освобождает нас от ответственности за свои слова, а еще больше за поступки» [167].

Однако тогда не прислушались к этим предостерегающим словам ни обычные одесситы из демократического лагеря, ни их вожди. И спустя почти четверть века на этом же месте, но в майский день произошла трагедия, жертвами которой по официальной версии стали 48 человек. Однако до сих пор никто не понес уголовной ответственности за совершенные преступления.

Знакомясь в наши дни с научными публикациями по исследуемой теме, сделанными на скорую руку, удивляешься примитивности мышления их авторов: виноваты во всем партократы, которые якобы ничего другого не в состоянии были создать, кроме страшилок, которыми пугали народ.

Мною в данном историческом очерке давались нелицеприятные оценки деятельности партийных комитетов в период «перестройки», однако эту критику недопустимо и несправедливо доводить до абсурда, хотя бы потому, что, те, кто пришел к власти после коммунистов, по своим профессиональным и моральным качествам и близко не стоят возле тех самых партократов.

Справедливости ради замечу, что специальные подразделения Одесского обкома партии с самого начала деятельности «неформалов» постоянно держали руку на пульсе, не ограничиваясь обличением их идеологических установок, а вступая в открытую полемику с ними, выступали с публичными лекциями в самых различных аудиториях. Несколько раз в месяц с работниками горкомов и райкомов партии проводились инструктивные совещания, сопровождаемые детальным разбором тактики работы с новыми общественными движениями, в партийные комитеты периодически направлялась экспресс-информация, содержащая анализ текущих событий. О нашем опыте работы я информировал идеологический актив республики на совещании, состоявшемся в 1989 году в Днепропетровске.

Интересно, а что по поводу всего этого думал неотягощенный политической борьбой народ? Обратимся к социологии (приведены итоги опроса 980 респондентов, проведенного в январе 1990 года социологической лабораторией Одесского государственного университета).

Данные о составе участников опроса представлены в таблице 3.2.

Таблица 3.2

Приняло участие в социологическом опросе, в %

№ п/п	Наименование	Характеристика
1.	Пол	Мужской — 46,7 / Женский — 53,3
2.	Возраст	До 20 лет — 2,9, 20–39 — 45,8, 40–59 — 40,0, 60 лет и старше — 11,3
3.	Образование	Неполное среднее — 14,3, среднее общее — 33,5, среднее специальное — 23,7, высшее и неоконченное высшее — 28,5
4.	Партийность	Беспартийных — 67,7, членов ВЛКСМ — 15,9, кандидатов, членов КПСС — 16,4
5.	Занятость	Работающих — 61,0, учащихся — 3,8, не работающих — 15,2
6.	Социальное положение	Рабочих — 27,3, колхозников, рабочих совхозов — 19,2, служащих — 53,5
7.	Проживание	В Одессе — 41,8, в области — 58,2

*Источник: составлено автором по данным [266, с. 5–13].

Проведенная под руководством известного советского социолога, профессора кафедры социологии Института социальных наук Одес-

ского национального университета им. И. И. Мечникова И. Поповой (1931–2008) выборка, представленная в таблице 3.2 репрезентирует все население области. В ней конкретно представлны мнения и позиция населения накануне выборов в Верховный Совет УССР, назначенных на март 1990 года, что имеет важное значение для оценки общественного настроения одесситов и жителей области (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Некоторые данные итогов опроса населения Одесской области, проведенного в январе 1990 года, в %

№ п/п	Наименование вопроса	Ответы	Население	
			области	г. Одессы
1.	Как в целом вы оцениваете положение дел в городе /поселке /селе?	– очень плохое	15,8	24,3
		– в основном плохое	45,9	49,5
		– в основном хорошее	20,9	8,8
		– очень хорошее	0,2	–
		– затрудняюсь дать однозначный ответ	14,9	13,8
		– не знаю положения дел	2,3	3,8
2.	Как изменилась ситуация за последние несколько лет?	– ухудшилась	44,0	58,9
		– не изменилась	20,8	17,1
		– улучшилась	13,6	3,8
		– не могу оценить в целом: что-то улучшилось, что-то ухудшилось	21,6	20,2
3.	Кому, как вы думаете, реально принадлежит власть в городе /поселке /селе?	– советам	21,7	7,6
		– партийным органам	37,4	48,7
		– руководителям ведомств, предприятий, организаций	25,3	13,3
		– «неформальным» организациям	0,4	0,3
		– дельцам, представителям «теневой» экономики	11,8	23,8
		– другим	3,4	6,3
4.	Кто является наиболее последовательным сторонником перестройки в городе /поселке /селе?	– партийные работники	18,6	10,5
		– советские работники	14,2	8,6
		– члены неформальных организаций	2,9	5,4
		– другие	5,2	6,7
		– таких сил нет	23,4	25,8
		– не знаю, затрудняюсь ответить	35,7	43,0

Продолжение табл. 3.3

№ п/п	Наименование вопроса	Ответы	Население	
			области	г. Одессы
5.	Позволяют ли принятые в республике законы о выборах избрать в советы наиболее достойных, знающих, активных людей?	– да	47,0	30,4
		– нет	23,6	37,4
		– с порядком выборов не знаком	8,0	12,1
		– затрудняюсь ответить	21,4	20,1
6.	Считаете ли вы, что выборы в городе /поселке /селе пройдут без каких-либо нарушений, в полном соответствии с законом?	– да	41,1	30,1
		– нет	26,8	37,5
		– затрудняюсь ответить	32,1	32,4
7.	Предположим, что в вашем избирательном округе выдвинуто несколько кандидатов в депутаты Верховного Совета республики. За кого вы бы, при прочих равных условиях, проголосовали?	– за работника партийных органов	16,5	9,4
		– за работника советских органов	23,5	19,2
		– за депутатов нынешних советов	12,6	12,0
		– за члена «неформальной» организации	5,5	10,1
		– ни за кого из них не голосовал бы	9,9	14,6
		– не знаю, затрудняюсь ответить	32,0	34,7

Продолжение табл. 3.3

№ п/п	Наименование вопроса	Ответы	Население	
			области	г. Одессы
8.	Какие силы в республике, по вашему мнению, способны вывести ее из кризисного состояния?	– партия	32,3	14,9
		– профсоюзы	10,7	11,1
		– «неформальные» организации	3,7	6,7
		– другие	4,1	4,1
		– таких сил нет	13,5	20,3
		– не знаю, затрудняюсь ответить	35,7	42,9
9.	Как бы вы голосовали, если бы сейчас проводился референдум по вопросу об отмене статьи 6 Конституции СССР, закрепляющей руководящую роль КПСС в политической системе страны?	– «за»	47,1	66,0
		– «против»	28,4	15,0
		– «воздержался»	24,5	19,0
10.	Как бы вы голосовали, если бы сейчас проводился референдум по вопросу о разрешении создания новых политических партий, узаконения возможности многопартийной политической системы?	– «за»	44,2	63,4
		– «против»	34,7	15,3
		– «воздержался»	21,1	21,3

№ п/п	Наименование вопроса	Ответы	Население	
			области	г. Одессы
11.	Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?	– да	28,7	18,9
		– нет	40,4	54,3
		– затрудняюсь ответить	23,7	21,1
		– не задумывался об этом	7,2	5,7
12.	Если бы у вас была возможность выбора, что бы вы предпочли?	– остаться жить здесь	75,5	72,3
		– переехать в другой город /село республики	6,1	4,8
		– переехать в другую республику	1,7	1,3
		– уехать на постоянное жительство за границу	7,7	14,0
		– затрудняюсь ответить	9,0	7,6

*Источник: составлено автором по данным [266, с. 5–13].

Данные, приведенные в таблице 3.3, несмотря на определенные расхождения в оценке сложившейся в области ситуации у жителей Одессы и области, позволяют сделать определенные обобщения.

Опрошенные (73,8 % в Одессе и 61,7 % в области) оценили положение дел как плохое, при этом почти 60 % респондентов областного центра, 44 % области отметили ухудшение ситуации с началом «перестройки». Поскольку инициатором и проводником «перестройки» является КПСС, отсюда вытекает ответственность партийных и советских органов (более 55 % респондентов указали на то, что именно им принадлежит власть) за сложившуюся в области ситуацию. Примечательно, что 11,8 % опрошенных в области и 23,8 % в Одессе считали, что власть находится в руках дельцов и «теневиков». Не вызывает оптимизма тот факт, что среди одесситов, принявших участие в опросе, каждый пятый и каждый седьмой жителей области не видели политических сил, способных преодолеть кризисную ситуацию. Это в какой-то мере связано с тем, что соответственно 37,4 % и 23,6 % респондентов отметили отсутствие сторонников «перестройки». Более двух третей опрошенных в Одессе и более 64 % в области не были уверены в завтрашнем дне, поэтому каждый седьмой одессит и 7,7 % жителей области выявили готовность выехать на постоянное жительство за границу.

Отсюда следует вывод о том, что приведенная социология во многом объясняет причины прихода к власти третьей силы (представители бизнес-структур), ставшей реальными хозяевами жизни в Украине.

В отличие от разочаровавшихся в итогах своей борьбы за суверенную Украину И. Драча, М. Поповича, В. Цымбалюка, В. Барладяну и других менее известных национал-демократов, автор этих строк предвидел печальный исход «перестройки», связанный с развалом некогда огромной страны, с ее великим героическим прошлым и многострадальным народом так и не испытавшим по-настоящему простое человеческое счастье.

Содержание эпилога, по авторской версии, предполагает отступление от последовательности в подаче заключительной части материала, предусмотренной содержанием книги, что обусловлено ключевой ролью в сюжетной линии очерков главных политических фигур на советском и постсоветском украинском пространстве — М. Горбачева и Л. Кравчука.

1. ГЛАВНЫЕ ФИГУРЫ И ИХ СТАВКИ В ЭНДШПИЛЕ

Безусловно, М. Горбачев и Л. Кравчук не были одиночками фигурами на политическом поле борьбы не за сохранение СССР, хотя формально все выглядело именно так, а за личную власть. Рядом с ними находились и иные исторические персонажи, калибром поменьше, но подобно шахматным фигурам, в отдельных игровых эпизодах не менее значимые.

Пример восхождения на олимп власти этих двух политиков союзного и республиканского масштабов, не отличающихся от основной массы людей своими профессиональными, деловыми и человеческими качествами, являющихся в общем-то типичным для советской политической и государственной практики, по-новому ставит вопрос о личности и ее роли в истории.

В этом смысле вопрос о народных массах и личности в истории скорее является надуманным, чем соответствующим реалиям жизни. Его содержание находится в плоскости недооценки каждым из нас собственных достоинств, пригодных для нахождения в институтах власти, или же нежеланием заниматься политической и государственной деятельностью, а также завышенной оценкой способностей людей, жаждущих получить власть во чтобы то ни стало. Именно переоценка возможностей политиков, не наделенных качествами, необходимыми для осуществления ими властных полномочий, которыми наделяются государственные деятели, их идеализация и выдвижение к ним завышенных требований, не соответствующих их человеческому потенциалу и профессиональным качествам, чаще всего приводит к фатальным последствиям для

общества. Поэтому каждому из нас крайне важно не сотворить себе кумира.

Все люди от своего рождения не только пребывают в истории, но и творят ее, даже если ничего не делают, чтобы изменить жизнь общества к лучшему. Только одни, не выделяясь из повседневной жизни, формируют массу, состоящую из себе подобных обывателей, не проявляя интереса к политической жизни, а иные, устремленные к главному атрибуту политической жизни — власти, с молчаливого согласия и одобрения пассивного большинства со временем становятся если не «историческими» личностями, то государственными деятелями.

По подобному смысловому лекалу и коммунистической выкройке были сотворены рассматриваемые фигуры «перестроечного» времени — единственный Президент СССР и первый Президент Украины.

К выводу о том, что между М. Горбачевым и Л. Кравчуком существует много общего, читателю нетрудно прийти самому, обратившись к моим наблюдениям, приведенным в очерке.

Однако финальная часть их деятельности на высших партийно-государственных должностях в СССР и Украине оказалась диаметрально противоположной.

Все объясняется довольно-таки просто: если для первого из них «перестройка» стала финишной прямой у обрыва, то для второго — взлетной полосой к вершинам президентской власти.

В то время как М. Горбачев в 1985 году был полон надежд на то, чтобы войти в историю страны и мирового сообщества как спаситель Советского Союза, находящегося в глубоком «застое», то Л. Кравчуку, занимавшему в то время второстепенную в УССР должность заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Украины, было вменено в обязанность доведение до населения республики исторического значения курса ЦК КПСС на ускорение социально-экономического развития СССР.

Популярность руководителя идеологического отдела ЦК Компартии была обратно пропорциональной падению авторитета инициатора «перестройки», росту недоверия к центральной власти со стороны руководства союзных республик. На фоне усиливающегося кризиса союзного государства, сопровождаемого исчерпанием кредита доверия к Коммунистической партии, ослабевали и позиции в Украинской ССР руководства ЦК Компартии Украины. Все это вместе взятое играло на руку Л. Кравчуку, способствовало его узнавае-

мости и популярности среди населения республики и одновременно бросало его в объятия активизирующих свою деятельность национал-демократов. Поначалу такая близость вызывала у главного идеолога ЦК Компартии Украины не только политическую брезгливость, а и идейное неприятие и отторжение. Однако со временем у Л. Кравчука и национал-демократов сложился обоюдovýгодный альянс как у попутчиков, двигающихся в одном направлении — к вершинам власти.

Изначально как М. Горбачев, так и Л. Кравчук призваны были в силу своих должностных обязанностей служить упрочению социализма в СССР и росту авторитета страны на международной арене. Однако на поверку вышло так, что М. Горбачев, как лидер государства, своими непродуманными реформами привел к развалу союзное государство. В свою очередь, Л. Кравчук на первых порах, как и немалая часть партийного аппарата, если не бойкотирующего «перестройку», то имитирующего деятельность в ее поддержку, по мере вхождения горбачевских реформ в нисходящую фазу, стал придерживаться двойных стандартов, не демонстрируя открыто своей отступнической позиции. Таким образом, если мера ответственности М. Горбачева определяется его некомпетентностью и своего рода халатностью по отношению к ведению государственных дел, способствующих прекращению его существования, то Л. Кравчука — как партийного функционера одной из союзных республик — подрывом основ государственного строя СССР.

Деяния одного и второго могут быть классифицированы как невыполнение своих должностных обязанностей и грубое нарушение законодательства СССР. Посягательство на государственный строй СССР было совершено М. Горбачевым «по неосторожности», произвольно. Его вина перед государством и обществом стала очевидной уже после августовских событий 1991 года в Москве, создавших по его вине непреодолимые препятствия для реализации всенародного волеизъявления, в том числе и большей части украинских избирателей, закрепленных в результатах Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года и заключающихся в поддержке дальнейшего существования СССР как обновленной федерации. Помимо этого, сложив с себя полномочия Президента СССР на основании Беловежского соглашения, противоречащего не утратившим юридической силы итогам Всесоюзного референдума, М. Горбачев тем самым нарушил законодательство СССР.

Ответственность Л. Кравчука, как одного из партийных руководителей УССР и главы ее парламента, никоим образом не может быть списана на счет второстепенности его статуса. В отличие от М. Горбачева, он совершил государственное злодеяние не по наитию, а осознанно, поставив 7 декабря 1991 года свою подпись как один из членов нелегитимной «черной тройки» под противоправным Беловежским соглашением.

Отдавая дань игре на политическом поле СССР 1985–1991 годов основными фигурам, не могу обойти вниманием и иных участников политической игры — национал-демократов и народные массы (источник власти).

Отечественные национал-демократы на общем фоне происходящих событий выступали в роли своего рода революционеров, и в этом смысле имеют моральное преимущество перед основными фигурами и суверен-коммунистами.

Речь идет не о приобщившихся к дележу «властного пирога» случайных попутчиках, политических конъюнктурщиках с партийным билетом, а о тех борцах за украинские национальные идеалы, ради которых они жертвовали своей свободой и жизнью. Они вполне осознанно, но не без лукавства действовали по принципу «чем хуже положение СССР, тем оно лучше у нас». Но в 1991 году они еще не понимали, чем закончится их многолетняя борьба за построение украинского суверенного государства. Это государство де-юре состоялось, а де-факто к власти в нем при помощи национал-демократов и суверен-коммунистов пришла «третья сила», контуры которой на политическом небосклоне начала 1990-х годов были едва заметны.

Народ Украинской ССР в основной своей массе был представлен субпассионарным большинством, действующим по принципу «пусть будет как будет, ведь никогда не было, чтобы никак не было». С его молчаливо согласия произошло то, результаты чего пожинаят старшие и современное поколение украинских граждан, испытывающих социально-экономический дискомфорт, но до сих пор не осознающих меру своей личной ответственности за то, что произошло ранее и продолжает происходить сейчас. Немалая часть украинского народа воспринимает свободу не как осознанную необходимость, а суверенитет не как завоеванное кровью и потом украинскую государственность, а как дар судьбы. В головах и душах многих граждан Украины напрочь отсутствует потребность в обращении к своему прошлому.

Я отнюдь не призываю жить прошлым, но рекомендую думающей части социума разобраться в своем прошлом и стараться действовать с соблюдением трех жизненно важных принципов, как для страны, так и для каждого ее гражданина. Первый принцип — познай себя, второй — реализуй себя, третий — оставайся самим собой.

2. ИГРА С НЕПРЕДСКАЗУЕМЫМ ИТОГОМ

Деятельность государственного деятеля, взявшего на себя бремя ответственности за инициируемые им реформы, оценивается не по их целям, а по конечным результатам. В случае с М. Горбачевым мы имеем дело с реформатором, во-первых, не обладающим ни необходимым для этого уровнем знаний, ни достаточным опытом и не отдающим себе отчета в последствиях провала реформы, во-вторых, глубоко не проанализировавшим тенденции развития советского общества накануне старта реформы.

Человеку, проявляющему интерес к «перестройке», не следует целиком полагаться на историографию проблемы, а пытаться при возможности обращаться к собственному социальному опыту и не забывать включать логику мышления.

В контексте данного научного дискурса представление периода 1970–1985 годов под одним углом зрения, исключительно в негативном свете, является по меньшей мере проявлением необъективности и научной недобросовестности.

Оценивая Л. Брежнева как руководителя страны времен «застоя», следует учитывать ряд обстоятельств. Первое связано с решениями XX и XXII съездов КПСС, на первом из которых был осужден культ личности И. Сталина, а на втором — принята программа коммунистического строительства в СССР. Далее спустя три года ярый критик и одновременно верный соратник И. Сталина, а также коммунистический романтик — Н. Хрушев, на заре строительства светлого будущего всего человечества, вследствие тайного сговора с активным участием своего преемника, был смещен с олимпа власти. И все эти метаморфозы произошли в течение каких-то восьми лет. Как показало последующее время, с таким багажом парадоксальных и во многом аморальных решений психологически не справилось не только партийно-советское руководство, а и советский народ, окончательно утративший веру в торжество коммунизма. Второе обстоя-

ительство имеет отношение к неудавшейся хрущевской политике «совнархозанизации». Третье — ассоциируется с революционными экономическими идеями Е. Либермана, насторожившими задремавших на цековской ветке «кремлевских снегирей», и тем самым невольно способствующими, в числе других факторов, блокировке косыгинских реформ. Наконец, сыграло немаловажную роль и то обстоятельство, что начиная с 1961 года вся страна сосредоточилась на выполнении триединой задачи коммунистического строительства (создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека), в контексте которых любой кардинальный шаг в другую сторону рассматривался как ревизия ранее принятых решений или отступничество.

Таким образом, следует вести речь не столько о «застое» в социально-экономическом развитии страны, сколько о «застое» в головах людей, призванных своевременно принимать ответственные решения по вопросам государственной важности.

Обращение к историческому контексту «перестройки» как общественному процессу, происходящему в строго заданных временных рамках, побуждало меня к рассмотрению альтернативных вариантов развития советского общества в их соотношении с действием внешне-го фактора.

Запад, олицетворяемый США, учитывая сложившуюся не в его пользу в послевоенный период внешнеполитическую конъюнктуру, успешно использовал все средства и способы ведения идеологической войны с целью подрыва могущества СССР изнутри.

Этому благоприятствовала внутривнутриполитическая ситуация, складывающаяся в Советском Союзе со второй половины 1950-х годов.

Спустя четыре десятка лет после победы Октябрьской революции 1917 года в активную жизнь страны включилось два поколения советских людей — преодолевших все тяготы военного времени и их дети. Первые, пройдя фронтовыми дорогами, воочию убедились в том, что капитализму предстоит еще долго загнивать, а вторые уже не принимали сталинскую формулу о том, что «думать о быте несоциалистично».

С наступлением «оттепели» глоток свободы получили граждане, вышедшие из сталинских лагерей, которые с новой силой взяли в более благоприятных, чем ранее, условиях за старое дело — критику недостатков существующего общественного строя.

Политический же климат в стране мало изменился. Октябрят, пионеров и комсомольцев по-прежнему наставляли тому, что «Ленин и теперь живет всех живых», «КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи», «Народ и партия — едины» и что «Советский Союз догонит и перегонит Соединенные Штаты Америки». Но проходили годы, и советская молодежь входила в полосу общественной турбулентности: потоки реальной жизни бросали ее на камни преткновений, заставляющие делать выбор между правдой и неправдой, добром и злом. И после этого они усвоили простую истину, что говорить правду, следовать ей — только себе во вред, а жить с ней — просто мучительно. Одновременно притуплялось чувство социальной справедливости и человеческой солидарности. Однако оставались еще и активные в социальном отношении члены общества не только протестного плана, а и творческого, созидательного характера.

Но такие личности как правило в силу известных причин и селективного отбора оседали на нижних ступенях социальной и властной иерархии. По этой причине партийно-государственный аппарат не подвергался должной ротации, что делало невозможным естественное обновление руководства страны, которая крайне нуждалась в постоянной модернизации и обновлении, учитывая ее техническую и технологическую отсталость (ВПК здесь не в счет). Но основные ресурсы страны были сосредоточены на поддержании на надлежащем уровне военного паритета с Западом.

Поскольку главный лейтмотив темы очерка связан с ролью «перестройки» в становлении независимости Украины, выполнение данной исследовательской задачи потребовало соответствующего исторического экскурса, позволившего учесть не только временную, а и смысловую связь между различными этапами борьбы украинского народа за свою государственную независимость.

При характеристике социальных и национально-освободительных движений в Украине на всех трех этапах становления ее независимости присутствовал российский (советский) фактор. Влияние внешнего фактора на этот процесс усиливалось вхождением украинских земель также в другие государственные образования, в частности в состав Польши и Австро-Венгрии.

Все это повлияло на формирование комплекса политической неполноценности, отсутствия общности интересов украинского этноса. На завершающем, «перестроечном» этапе становления независимости данная неполноценность украинского этноса дополнялась

страхом утраты идентичности представителями других этносов, относящих себя к новой исторической общности — советскому народу. Данная часть русскоязычного населения УССР, как и ее население польского, венгерского, буковинцев румынского, молдавского, болгарского, гагаузского происхождения являлись носителями переселенческой субкультуры и соответствующего менталитета.

Выход за хронологические рамки исследования и обращение к событиям, берущим свое начало с 1917 года, позволили сделать вывод о том, что протестные движения различных этносов, проживающих в территориальных границах молодой советской республики и СССР, в разные исторические периоды носили не только национально-освободительный характер, а и имели антикоммунистическую и антисоветскую направленность, а их выразителями были представители различных этносов и социальных слоев.

Носителями национальной идеи в период 1917–1920 годов были преимущественно украинские социал-демократы, не признавшие власть большевиков. Все последующие национально-освободительные движения были следствием его поражения в период существования УНР, насильственной советизации в довоенный и послевоенный периоды, насаждением в общественном сознании диктатуры одного класса, конституционного установления господства КПСС и единомыслия, недопущения плюрализма общественного мнения, недостаточного учета исторических, этнических и социокультурных интересов и потребностей народов, входящих в СССР. В отдельные периоды советской истории национально-освободительные движения дополнялись протестами социального характера, вызванными ущемлением социально-экономических и политических интересов различных слоев советского общества. К этому следует добавить постоянное присутствие в идеологическом и политическом пространстве СССР различного рода диссидентских и откровенно антисоветских движений и проявлений.

Учитывая изложенное, было бы легкомысленным и легковесным сводить все причины и проявления протестных национально-освободительных и социальных движений в УССР периода «перестройки» к проявлениям исключительно националистического толка, хотя такие в этот период, в силу известных причин, были доминирующими.

В конце 1980-х годов на фоне ослабления власти союзных властных структур украинское национально-освободительное движение перешло к выдвижению и защите политических требований. Вер-

шиной его деятельности стало создание «Народного руха Украины за перестройку», участники которого реализовали на практике многовековые чаяния своих предшественников, связанные с созданием украинского суверенного государства. Однако воспользовались плодами их борьбы иные политические и социальные силы.

Термин «перестройка» и все производные от него слова используются в тексте книги в завышенном виде по двум причинам: в силу целевой и смысловой неопределенности, а также различной его содержательной наполняемости.

«Перестройка» как процесс имела своего инициатора (М. Горбачев), «прораба» (А. Яковлев), «могильщика» (Б. Ельцин) и «социальных гиен» (одна из них — Л. Кравчук).

«Перестройка» обнажила «язвы» советского общества, заставив задуматься о смысле социалистического бытия трезвомыслящую часть социума, и в этом ее единственное позитивное значение.

В годы «перестройки», которая безусловно не прошла стороной Украинскую ССР, республика имела собственную логику развития, обусловленную как тенденциями общественного развития, так и национальными особенностями. Симптоматичным в этом плане был 1989 год, ознаменованный уходом с поста многолетнего руководителя республики В. Щербицкого, совпавший по времени с переходом «перестройки» в ниспадающую и деструктивную фазу, придавшей ей суверенную направленность. Два последующих года прошли под знаком борьбы за власть между национал-демократами и суверен-коммунистами, однако в конечном итоге плодами этой борьбы в полной мере воспользовался зарождающийся класс крупных собственников.

Развитие «перестроечных» процессов в УССР имело и обратное влияние на ход событий в столице СССР, ускорив развал союзного государства.

В период «перестройки» в Украине на первый план вышли вопросы не социально-экономического, а политико-идеологического и культурно-исторического характера. Именно они составляли основное содержание борьбы за суверенитет Украины, а их практическое разрешение рассматривалось как способ становления независимого Украинского государства, что было возможно лишь при условии развала СССР. Это обстоятельство и определило основное содержание борьбы за суверенизацию Украины, в которой в одной связке оказались национал-демократы и суверен-коммунисты, верхний слой ко-

торых был представлен работниками аппарата ЦК Компартии Украины во главе с Л. Кравчуком.

«Перестройка» в Одесской области не имела той новизны, как в центре или в других регионах УССР. Дело в том, что дух свободомыслия здесь присутствовал всегда. Во все времена протестные движения в Одессе носили социальный, а не националистический характер. По этой причине процесс суверенизации в области начался на год позже, чем в Киеве или во Львове.

Участники новых общественных движений, среди которых было немало интеллигенции, долгое время питали надежду на успех «перестройки» и более критично относились к местным властям, чем к руководству страны.

Высокой активностью отличались и местные газеты, в которых публиковались критические материалы о деятельности партийных комитетов и советских органов.

Определенный задел прочности существующей общественной системы в умонастроениях жителей области задавали ее достаточно мощный экономический и научный потенциал, а также одесская ментальность.

В Одессе во второй половине 1980-х годов наиболее массовым и влиятельным неформальным общественным движением была, как и в целом в республике, краевая организация НРУ, у истоков создания которой, как и других неформальных организаций, стояли местные правозащитники.

Таким образом, история современной Украины, точкой отсчета которой являются сложные и далеко неоднозначные процессы завершающего этапа ее советского периода, заслуживает более внимательного и уважительного отношения к ней, в противном случае можно впасть в беспамятство. Всякая уважающая себя политическая нация, как и личность, принимает свою биографию такой, каковой она есть, без купюр.

Один из уроков нашей истории заключается в осознании личной ответственности каждого из нас за свою собственную судьбу и судьбу нашей страны.

В современных условиях появилась реальная возможность для повышения роли отдельной личности в управлении не только делами своей территориальной общины, а и делами государственными.

Общественная гармония не наступит до тех пор, пока каждый отдельный индивид не превратится в гражданина, способного реали-

зовать свои естественные права как первичного субъекта самоуправления и представителя народа — единственного источника власти в Украине.

Только свободный гражданин, уважительно относящийся к своему прошлому и настоящему, имеющий право осознанного выбора в принятии судьбоносных решений за будущее своей страны по настоящему в состоянии давать оценку тем, кому он делегирует свои властные полномочия как единственный источник власти в Украине.

Ответы на вопросы о том, почему «перестройка» так надолго задержалась в Украине, я дам в следующей книге «Президенты Украины: глашатаи счастья завтрашнего дня».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абалкин Л. И. Трудная школа перестройки. Уроки горькие, но необходимые: сборник / сост. В. С. Молдаван, А. Г. Гридчина. М.: Мысль, 1988. С. 261–274.
2. Аганбегян А. Г. Советская экономика: взгляд в будущее. М.: Экономика, 1991. 254 с.
3. Андропов Ю. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. *Коммунист*. 1983. № 3. С. 9–23.
4. Андрищенко Е. С. Українські праворадикальні організації у контексті суспільно-політичних процесів (кінець 1980-х – 2015рр.): дис. ... канд. істор. наук: спец. 07.00.01. Запоріжжя: Запорізький націон. ун-т, 2015. 284 с.
5. Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! М.: Яуза; Эксмо, 2005. 672 с.
6. Арбатов Г. Кого обманывает наш ВПК. *Московские новости*. 1991. 22 ноября.
7. Аузан А. Третья попытка. *Международ. науч.-обществ. журн*. 2020. № 4. С. 16–20.
8. Бажан О. Г. КДБ УРСР та неформальні об'єднання в період «горбачовської перебудови». *Наукові записки НаУКМА*. Історичні науки. 2010. Том 104. С. 68–77.
9. Барладяну-Бирладник Василь Володимирович. Розмова. URL: <https://rozmova.wordpress.com/2020/05/04/vasyl-barladyanu-byrladnyk/> (дата обращения: 20.08. 2021).
10. Барсенков А. С. «Новое мышление» Горбачева. *Внешняя политика СССР в первые годы перестройки. Живая история*. 2017. Том 5. № 5. С. 32–39.
11. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.
12. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. URL: https://royallib.com/book/berdyayev_nikolay/istoki_i_smysl_russkogo_kommunizma.html (дата обращения: 21.06. 2021).
13. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство кесаря. URL: <https://predanie.ru/book/69718-carstvo-duha-i-carstvo-kesarya/> (дата обращения: 01.06. 2021).
14. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 234 с.
15. Боделан Р. Б. Исповедь. К.: Cusnir & Co SRL, 2009. 400 с.
16. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический проспект, 207. 335 с.
17. Бойко О. Д. Нариси з історії України (1985–1991 рр.): навч. посіб. для вищ. навч. закладів. Харків: Кондор, 2004. 356 с.

18. Бойко О. Д. Україна: від путчу до Пущі (серпень—грудень 1991 р.). Ніжин: Аспект-Поліграф, 2006. 221 с.
19. Бойко О. Україна 1991—1995 рр.: тіні минулого чи контури майбутнього? К.: Абрис, 1996. 208 с.
20. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 20: Плата — Проб. 3-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1975. 608 с.
21. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964—1994: пер. с итал. М.: Международные отношения. 1996. 318 с.
22. Бритвин В. Г., Караханян М. А. Гласность: состояние, проблемы, перспективы (По данным социологических опросов). URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Britvin_1991_3.pdf (дата обращения: 22.07.2021).
23. Брюм А. В. Закат Главлита: как разрушалась система советской цензуры: документальная хроника 1985—1991 гг. Исследования и материалы. М.: ТЕРРА, 1995. Сб. 71. С. 168—187.
24. Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.
25. Бурлацкий Ф. М. Михаил Горбачев — Борис Ельцин. Схватка. М.: Собрание, 2008. 294 с.
26. Бурлацкий Ф. М. Новое мышление: диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М.: Политиздат, 1989. 431 с.
27. Бутенко А. О революционной перестройке государственно-административного социализма. Перестройка: гласность, демократия, социализм. *Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему*. М.: Прогресс, 1988. С. 551—569.
28. В 1997 году Михаил Горбачев снялся в рекламе Pizza Hut. Журнал «Foreign Policy» рассказал, как создавался этот ролик. URL: <https://esquire.ru/articles/140514-v-1997-godu-mihail-gorbachev-snyalsya-v-reklame-pizza-hut-zhurnal-foreign-policy-rasskazal-kak-sozdavalsya-etot-rolik/> (дата обращения: 10.06.2021).
29. Валентина Шевченко: никому не удастся поссорить меня с Украиной. *Киевские новости*. 1993. 30 апреля.
30. Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов. М.: Политиздат, 1991. 438 с.
31. Василь Володимирович Барладяну-Бирладник: біобібліогр. покажчик / упоряд. А. В. Іванченко; авт. вступ. ст. В. О. Шлапак; рецензент С. В. Дмитрієв; ред. І. С. Шелестович. Одеса: ОННБ, 2016. 126 с.
32. Веденеев Д. В., Биструхін Г. С. «Повстанська розвідка діє точно й відважно...». Документальна спадщина підрозділів спеціального призначення Організації українських націоналістів та Української повстанської армії. 1940—1950-ті роки / Національна академія Служби безпеки України; Український ін-т військової історії. К. : К. І. С., 2006. 568 с.

33. Виталий Аверьянов: Царская и советская традиции созидания соединятся в новой традиции XXI века. URL: <https://izborsk-club.ru/19300> (дата обращения: 20.06.2021).
34. Владимир Максимович: как все начиналось в Одессе. URL: http://politikum.net/asosiasia/kak_vse_nachinalos.htm (дата обращения: 19.07.2021).
35. Внутренняя политика государственной власти в СССР к началу 1980-х гг. Особенности идеологии, национальной и социально-экономической политики. URL: http://surazhspk.narod.ru/kop/Istoria_Eymk/public_html/page1.html (дата обращения: 20.05.2021).
36. Врублевский В. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы: записки помощника: воспоминания; документы, слухи, легенды, факты. К.: Довіра, 1993. 256 с.
37. Вятрович В. Досі триває наша столітня війна за свободу. URL: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/viatrovych/58cbde2177a8d/> (дата обращения: 03.08.2021).
38. Вячеслав Игрунов: «Я был диссидент в диссидентстве». URL: <https://www.colta.ru/articles/dissidents/5746-vyacheslav-igrunov-ya-byl-dissident-v-dissidentstve> (дата обращения: 21.08.2021).
39. Вячеслав Килеса. СИД. URL: <http://www.kilesa.ru/books/sid.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).
40. Гайдаенко І. Український культурологічний клуб як один із складових молодіжного руху в Україні в другій половині 80-х років ХХ ст. *Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний ун-т імені Григорія Сковороди»*. Філософія. 2014. № 35. С. 249–256.
41. Гай-Нижник П. Теоретичні засади фінансової системи Української держави в 1917–1919 роки. *Український історичний журнал*. 1998. № 4. С. 3–17.
42. Гарань О. Убити дракона: З історії Руху та нових партій України К.: Либідь, 1993. 200 с.
43. Глушков В. М. Заветные мысли для тех, кто остается. ОГАС. URL: <http://ogas.kiev.ua/sites/default/files/docs/2011/02/09/htm/zavet.htm> (дата обращения: 23.07.2021).
44. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. Санкт-Петербург: Нева, 2004. 416 с.
45. Гончарук Г. Народний Рух України: історія. Одеса: Астропринт, 1997. 378 с.
46. Горбачев М. С. Жизнь и реформы: в двух книгах. Кн. 2. М.: Новости, 1995. 656 с.
47. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.
48. Горбачев раскладывал свой политический пасьянс, сути которого не представлял. URL: <https://versia.ru/razval-sovetskogo-soyuza-byl-predopredelyon-eshyu-pri-brezhneve> (дата обращения: 22.05.2021).

49. «Горбачева буквально разрывал внутренний конфликт». Как СССР повлиял пост президента и почему изменение Конституции не спасло Союз. URL: https://lenta.ru/articles/2020/03/16/president_of_ussr/ (дата обращения: 11.07.2021).
50. Грицак Я. Й. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст.: навч. посібник. К.: Генеза, 1996. 360 с.
51. Грицак Я. Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад. К.: Критика, 2011. 176 с.
52. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор», 1997. 255 с.
53. Гунчак Т. ОУН і нацистська Німеччина: між колабораціонізмом і резистансом. *Український визвольний рух*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Центр досліджень визвольного руху, 2007. Збірник 11. 264 с.
54. Даниленко В. М. Україна в 1985–1991 рр.: остання глава радянської історії. К.: Інститут історії України НАН України, 2018. 278 с.
55. Даниленко В. М. Українська інтелігенція як об'єкт репресивної політики сталінського режиму в повоєнний період (1946–1953 рр.). *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки*: міжвідомчий зб. наук. пр. 2003. Вип. 7. С. 406–420.
56. Даниленко В. М., Смольницька М. К. Шлях до незалежності: громадські рухи й суспільні настрої в УРСР другої половини 1980-х рр. *Україн. істор. журн.* 2011. № 4. С. 4–22.
57. Дашкевич Я. Політичне ошуканство чи провокація? Крах українізації 20–30-х рр. *Літературна Україна*. 1990. 4 жовтня.
58. Декларація Народних Зборів Західної України про возз'єднання Західної України з Українською Радянською Соціалістичною Республікою (1939 р., жовтня 27). *Історія України*: хрестоматія / упоряд. В. М. Литвин. К.: Наук. думка, 2013. С. 703–704.
59. Декларація про державний суверенітет України: прийнята Верховною Радою Української РСР 16 липня 1990 року № 55-XII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/55-12#Text> (дата обращения: 20.08. 2021).
60. Джемаль Г. Жандарм Евразии. Мондиалистская версия перестройки СССР. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/1991/10/index.html> (дата обращения: 08.09.2021).
61. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Прегер, 1961. 248 с.
62. Дзюба І. М. Інтернаціоналізм чи русифікація? К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 1998. 276 с.
63. Диссидент, который стал идеологом Путина. Полная история Глеба Павловского — человека, придумавшего современную российскую власть. URL: <https://meduza.io/feature/2018/07/09/dissident-kotoryy-stal-ideologom-putina> (дата обращения: 20.08. 2021).

64. Дисиденти не знищили систему. Вони знищили міф про систему — Йосиф Зісельс, дисидент та український громадський діяч. URL: <https://www.prostir.ua/?news=dysydeny-ne-znyschyly-systemu-vony-znyschyly-mif-pro-systemu-josyf-zisels-dysydent-ta-ukrajinskyj-hromadskyj-diyach> (дата обращения: 16.06.2021).
65. Дисидентський рух в Україні у 60–80 рр. URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-10004.html> (дата обращения: 10.04.2021).
66. Довідка П'ятого Управління КДБ УРСР про самодіяльні угруповання ворожого спрямування станом на 6 вересня 1988 р. *Шлях до незалежності: суспільні настрої в Україні кін. 80-х рр. ХХ ст.* : документи і матеріали [гол. ред. колегії В. А. Смолій]. К. : Інститут історії України НАН України, 2011. 626 с.
67. Драч: Я би поміняв п'ятьох наших президентів на одного Назарбаєва. URL: <https://gordonua.com/ukr/publications/-drach-ja-b-pominjav-p-jatoh-nashih-prezidentiv-na-odnogo-nazarbajeva-196016.html> (дата обращения: 10.08.2021).
68. Дудник С. И. Сталинская модернизация как исторический опыт. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 394–405.
69. Елисеєва Н. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы. URL: <http://gefter.ru/archive/7823> (дата обращения: 02.07.2021).
70. Елисеєва Н. В. «Ускорение» и «перестройка». 1986–1988 годы. URL: <http://ru-90.ru/node/299> (дата обращения: 07.07.2021).
71. Ельцин в октябре. Как выступление первого секретаря МГК КПСС изменило ход истории страны. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3441660> (дата обращения: 10.03.2021).
72. Етапи перебудови в СРСР. URL: https://mtt.in.ua/1985-1991_etapy-regebudovy-v-srsr/ (дата звернення: 18.07.2021).
73. Жив'юк А. За московським часом: контрверсії радянізації Рівненщини (кін. 1930-х — кін. 1950-х рр.). Рівне: ВАТ «Рівненська друкарня», 2011. 186 с.
74. З доповідної записки голови КДБ при Раді Міністрів СРСР до ЦК КПРС про антирадянську діяльність творчої інтелігенції (1965 р., грудня 11). *Історія України: хрестоматія / уряд. В. М. Литвин. К.*: Наук. думка, 2013. С. 846–848.
75. З історії створення та діяльності крайової організації «Народний Рух України за перебудову» (з нагоди 25-ї річниці створення громадсько-політичної організації). URL: https://cv.archives.gov.ua/narodnij_rux.html (дата обращения: 16.08.2021).
76. З наказу рейхсміністра у справах окупованих східних територій А. Розенберга щодо вивчення службовцями рейхскомісаріатів «Остланд» та «Україна» мов місцевого населення (1942 р., червня 6). *Історія України: хрестоматія / уряд. В. М. Литвин. К.*: Наук. думка, 2013. С. 747.

77. Зареєстровано Дворянське зібрання. *Вечерня Одеса*. 1991. 20 листопада.
78. Захаров Є. Дисидентський рух на Україні (1954–1987). URL: <http://archive.khpg.org/index.php?id=1256737855> (дата звернення: 09.07.2021).
79. Звездун О. М. До питання про створення Одеської обласної організації НРУ за перебудову. *Інтелекція і влада*. 2010. № 20. С. 130–137.
80. Зиновьев А. Горбачевизм. URL: <http://coolib.net/b/89038/read> (дата звернення: 11.07.2021).
81. Зиновьев Александр. Русская трагедия (гибель утопии). URL: <http://www.armath.spbu.ru/cnsa/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf> (дата звернення: 10.08. 2021).
82. Іван Плющ: «Незалежність України — процес закономірний. Ми пішли прямо, але в чомусь поступилися». URL: <http://www.golos.com.ua/article/208242> (дата звернення: 08.08. 2021).
83. Ігнатів В. О., Левенець Ю. А. Український націоналізм. *Мала енциклопедія етнодержавознавства* / НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корещького; рекол.: Ю. І. Римаренко (відп. ред.) та ін. К.: Довіра: Генеза, 1996. 942 с.
84. Изюмов А., Кортунов А., Тепляков Ю. Чудовище. Штрихи к портрету ВПК. *Московские новости*. 1991. 3 марта.
85. Ільницька О. Ефект матрешки. *Вечерня Одеса*. 1991. 25 листопада.
86. Іноземцев В. Умный и нравственный народ власти не нужен. URL: <https://pugachevskoevremya.ru/v-inozemcev-umnyj-i-nravstvennyj-narod-vlasti-ne-nuzhen> (дата звернення: 16.06.2021).
87. Іноземцев В. Человек, в сложную пору почувствовавший нерв своего времени. *Международ. науч.-обществ. журн.* 2020. № 4. С. 63–66.
88. Иоффе Я. А. Мы и планета: цифры и факты. 6-е изд., доп. М.: Политиздат, 1985. 224 с.
89. Исаев И. А. *Politica hermetica*. Скрытые аспекты власти. М.: Юристь, 2002. 411 с.
90. Ішук О. С. Молодіжні організації ОУН (1939–1955 рр.). Львів; Торонто: Літопис УПА, 2011. 944 с.
91. Ішук О. С., Ніколаєва Н. Б. Стратегії ОУН «Дажбог», «Орлик» і «Олег». *Український визвольний рух: наук. зб.* Львів; 2014. № 19. С. 309–361.
92. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009. 576 с.
93. Казарезов В. В. Самые знаменитые реформаторы России. М.: Вече, 2002. 480 с.
94. Канарш Г. Ю. Опыт и уроки советской модернизации. Часть I. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-i-uroki-sovetskoj-modernizatsii-chast-i> (дата звернення: 08.05.2021).
95. Кіндрачук Н. М. За Україну незалежну (Роль Народного Руху України у здобутті незалежності України: 1989–1991 рр.): монографія. Івано-Франківськ: НАІР, 2013. 208 с.

96. Кобринская С. «Мемориал»: вчера и сегодня. *Знамя коммунизма*. 1990. 3 октября.
97. Кольцов В. История экономики России: учеб. пособие. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2002. 68 с.
98. Коммунистическая партия Украины. Досье. URL: <https://tass.ru/info/2141893> (дата обращения: 18.08. 2021).
99. Коммунистическая партия Украины. Хроника запрета. Донецк: СП «Интербук», 1992. 119 с.
100. Конференція поневолених московським большевизмом народів. *Анти-большевицький Блок Народів*: збірка документів 1941–1956 рр. Б. м.: Видання ЗЧ ОУН, 1956. 368 с.
101. Кончаловский А. От Андропова к Горбачеву. URL: http://www.konchalovsky.ru/works/articles/from_Andropov_to_Gorbachev/ (дата обращения: 20.06.2021).
102. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия. *Вопросы истории*. 1993. № 7. С. 25–38.
103. Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ ст. / пер. з англ. В. Івашка, В. Корнієнка. К.: Основи, 1997. 423 с.
104. Кремень В., Табачник Д., Ткаченко В. Україна: альтернативи поступу: критика історичного досвіду. К.: Фірма «ARC-UKRAINE», 1996. 793 с.
105. Кремень В. Росія — Україна — Білорусь: чи можливий східнослов'янський трикутник? *Нова політика*. 1995. Червень—липень. С. 18.
106. Крючков Г., Шпак І. Леонид Кравчук. Испытание властью. К.: АДЕФ-Украина, 2020. 244 с.
107. Кульчицький С. Історичне місце української радянської державності. К.: Ін-т історії України НАН України, 2002. 62 с.
108. Кульчицький С. Україна між двома війнами (1921–1939). К.: Альтернативи, 1999. 336 с.
109. Курас І., Солдатенко В. Погляд із сьогодення на Донецько-Криворізьку республіку. *Історія України*. 2000. № 29–32. С. 2–6.
110. Курт Хагер. URL: <http://wikipedia.ru.nina.az/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%80,%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%82> (дата обращения: 16.06. 2021).
111. Кучма Л. Д. Доклад на урочистих зборах у зв'язку з 400-річчям з дня народження Б. Хмельницького. *Український історичний журнал*. 1996. № 4. С. 3–12.
112. Кушнір В. В. Ліга Націй та українське питання. 1919–1934 рр.: автореф. дис. ... канд. істор. наук: спец. 07.00.02: захист 29.02.2000 /наук. керівник Швагуляк М. М. Львів: Львівський націон. ун-т ім. І. Франка. 2000. 16 с.
113. Ларионов С. Шли быстро, пришли в никуда. *Рабкор*: интернет-журн. 2014. 20 декабря. URL: <http://rabkor.ru/columns/edu/2014/12/20/walked-fast-came-to-nowhere/> (дата обращения: 10.05.2021).

114. Латиш Ю. Володимир Щербицький: людина та її епоха. URL: <https://commons.com.ua/ru/volodimir-sherbickij/> (дата обращения: 05.08. 2021).
115. Латыш Ю. В. Украинская историография перестройки. *Вестн. СПбГУ. История*. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 975–989.
116. Левко Лукьяненко: в 1991-му незалежними ми не стали. URL: <https://www.dw.com/uk/> (дата обращения: 20.08. 2021).
117. Левчук К. І. Громадські організації України: створення та діяльність (1985–1996 рр.): монографія. Вінниця: ПП «Едельвейс і К», 2009. 320 с.
118. Ленин В. И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918. *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* Изд. пятое. Т. 36. М.: Изд-во полит. л-ры, 1974. С. 529–533.
119. Либерман Е. План, прибыль, премия. *Историко-экономические исследования*. 2016. Т. 17, № 3. С. 420–432 (первоисточник: Правда. 1962. 9 сентября).
120. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. Писані 1919–1926 р. URL: <https://diasporiana.org.ua/wp-content/uploads/books/3615/file.pdf> (дата обращения: 16.06. 2021).
121. Лисовицкий В. Н. Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы. *Историко-экономические исследования*. 2016. Т. 17, № 3. С. 433–452.
122. Лист А. Гітлера Й. В. Сталіну (1939 р., серпня 21). *Історія України: хрестоматія / упоряд. В. М. Литвин*. К.: Наук. думка, 2013. С. 700–701.
123. Лист секретаря ЦК КПУ М. В. Підгорного ЦК КПРС про небажаність повернення звільнених з ув'язнення колишніх учасників ОУН і УПА та членів їх сімей на постійне проживання у західні області України (1956 р., вересня 25). *Історія України: хрестоматія / упоряд. В. М. Литвин*. К.: Наук. думка, 2013. С. 826–829.
124. Лисяк-Рудницький І. П. Генеза українського націоналізму. *Мала енциклопедія етнодержавознавства / НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького; рекол.: Ю. І. Римаренко (відп. ред.) та ін.* К.: Довіра: Генеза, 1996. 942 с.
125. Литвин В. Історія України: підручник. 5-те доп. вид. К.: Наук. думка, 2010. 831 с.
126. Литвин В. Крах перебудовної політики. *Політична система для України: історичний досвід і виклики сучасності / [гол. ред. В. Литвин; авт. кол.: О. Аркуша, С. Біла, В. Верстюк та ін.]*; НАН України. Ін-т історії України; Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Кураса. К., 2008. С. 586–616.
127. Литвин В. На фініші історії: будівельники та руйнівники СРСР. URL: <http://www.golos.com.ua/article/339014> (дата обращения: 16.06.2021).
128. Литвин В. Політична арена України: дійові особи та виконавці. К.: Абрис. 1994. 495 с.

129. Литвин В. Устроители и разрушители СССР — в одной ипостаси. К.: Парлам. изд-во, 2021. 368 с.
130. Літопис нескореної України: Документи, матеріали, спогади. Кн. 2 / підгот. Я. Лялька, Р. Коритко, М. Онишкевич та ін. Львів: Галицька видавнича спілка, 1997. 664 с.
131. Луканов Ю. Куди піде рухівський «тризуб». *Сучасність*. 1992. № 5. С. 100–107.
132. Лук'яненко Л. До історії Української Гельсинської спілки. К.: Фенікс, 2010. 320 с.
133. Макклоскі Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара: Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
134. Мамонтов І. О. Український націоналістичний рух у протистоянні антидемократичним режимам у 1920–1930-х рр.: історико-правове дослідження: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01: захист 31.05.2016 /наук. керівник Макарчук В. С. Львів: Націон. ун-т «Львівська політехніка», 2016. 230 с.
135. Маринович М. Дисент, засмічений національними вимогами. URL: <http://ukrzurnal.eu/ukr.archive.html/875/> (дата обращения: 20.04.2021).
136. Маркс К. К критике политической экономии. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Изд. второе. Т. 13. М.: Госуд. изд-во полит. л-ры, 1959. С. 1–167.
137. Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссак» «Король прусский и социальная реформа». *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Изд. второе. Т. 1. М.: Госуд. изд-во полит. л-ры, 1955. С. 430–448.
138. Маркс К. Экономическо-философские рукописи. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 42. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 41–174.
139. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. Соч. Изд. второе. Т. 2. М.: Госуд. изд-во полит. л-ры, 1955. С. 3–230.
140. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Шёловой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 663 с.
141. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. М.: Политиздат, 1988. 160 с.
142. Мельник І. А. Міжнародні відносини: радянський експеримент та історичні реалії: монографія. К.: Либідь, 2006. 465 с.
143. Мельникова О. С. Особливості дисидентських комунікацій в Україні 1960 — початку 1990 рр.: дис. ... канд. наук із соц. комунікацій: спец. 27.00.01. Дніпро: Дніпровський націн. ун-т імені Олеся Гончара, 2018. 399 с.

144. Меморандум Антибольшевицького Бльоку Народів (АБН). *Антибольшевицький Блок Народів*: збірка документів 1941–1956 рр. Б. м.: Видання ЗЧ ОУН, 1956. 368 с.
145. Меморандум колишнього уряду карпатської України до міністра закордонних справ Німеччини І. Ріббентропа (1939 р., листопада 30). *Історія України: хрестоматія* / упоряд. В. М. Литвин. К.: Наук. думка, 2013. С. 705–707.
146. «Меморіал» готується до конференції. *Чорноморська комуна*. 1991. 29 жовтня.
147. Мироненко В. Счастливый человек. Междунар. науч.-обществ. журн. 2020. № 4. С. 94–99.
148. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская. *Вестн. Санкт-Петербургского ун-та*. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 54–82.
149. Михайлов В. В. Політичне протистояння неформальних громадських об'єднань та Комуністичної партії на Одещині наприкінці 80-х — на початку 90-х рр. ХХ ст. *Наук. пр. історичного факультету Запорізького національного ун-ту*. 2013. Вип. XXXV. С. 209–216.
150. Михальченко Н., Андрущенко В. Украина разделенная в себе: от Леонидии к Виктории. Т. І. К.: ИПиЭНИ имени И. Ф. Кураса НАН Украины, 2012. 584 с.
151. Мірчук П. Українська Повстанська Армія. 1942–1952. Мюнхен: Цицерон, 1953. 319 с.
152. Мухин М. «Почему распался СССР?» — пара слов о застое или что собственно «застоялось»? URL: <http://actualhistory.ru/ussr-breakup-1> (дата обращения: 26.06.2021).
153. Мякшев А. П. Национальные элиты в позднем СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к развалу единого государства. *Изв. Саратов. ун-та*. Сер.: История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 521–528.
154. На чому тримається незалежність України: відповідають науковці, письменники, підприємці, спортсмени. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/na-chomu-trymaetsya-nezalezghnist/30793874.html> (дата обращения: 20.08.2021).
155. На шляху до незалежності (1986–1991). URL: <http://www.territoryterror.org.ua/uk/history/1986-1991/> (дата обращения: 30.07.2021).
156. Народна Рада в парламенті України. *Літературна Україна*. 1990. 14 червня.
157. Народное хозяйство СССР в 1975 году: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1976. 846 с.
158. Народное хозяйство СССР в 1980 году: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1981. 583 с.
159. Народное хозяйство СССР в 1985 году: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1986. 581 с.

160. «Несостоявшаяся встреча». *Аргументы и факты*. 1991. № 25.
161. О перестройке и кадровой политике партии. URL: http://www.vidania.ru/personnel/kadrovaya_politika_v_usloviyakh_perestroyki.html (дата обращения: 23.07. 2021).
162. Общественные фонды потребления. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.06.2021).
163. Овчар І. В. Суспільно-політичні наслідки перетворень у СРСР (1985–1991 рр.). *Віче*. 2007. № 21/22. С. 24–26.
164. Одеса: товариство мови. *Культура і життя*. 1989. 8 січня.
165. Организация Объединенных Наций: сборник документов / В. В. Вахрушев [и др.]. М.: Наука, 1981. 647 с.
166. Остання адреса. До 60-річчя соловецької трагедії: в 3 т. Т. 3 / відп. ред. А. Зінченко; упоряд. П. Кулаковський [та ін.]. К.: Сфера, 1997. 325 с.
167. Павлов А. На переломе. *Знамя коммунизма*. 1990. 24 февраля.
168. Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские». *Политические исследования*. 1993. № 2. С. 49–56.
169. Переворот мнимый и настоящий. *Гласность*. 1993. 21 января.
170. Петраков Н. Я. Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность М.: Мысль, 1971. 134 с.
171. Питер Л. Дж. Принцип Питера, или Почему дела всегда идут вкривь и вкось. URL: <https://ppqm-nline.com/assets/files/lib/books/piter.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).
172. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза / пер. с англ. С. Гирик, С. Лунин, А. Саган. М.: Согрус, 2016. 624 с.
173. Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. *Экономическая история. Обзорение* / под ред. Л. И. Бородкина. 2002. Вып. 8. С. 146–168.
174. Политика «гласности», провозглашенная генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. URL: <https://tass.ru/info/2691509> (дата обращения: 22.07. 2021).
175. Политические отношения и политический процесс в современной России: хрестоматия. Т. 1 / ред. и сост. Е. Г. Пономарева. М.: ИНИОН РАН, 2007. 218 с.
176. Польшов М. Ф. Экономические предпосылки перестройки в СССР. *Вестн. Санкт-Петербургского ун-та*. Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 95–107.
177. Полянський О. Український рух опору в 1921–1939 рр. Тернопіль: Підручники і посібники, 2004. 64 с.
178. Помер Василь Барладяну. URL: <https://helsinki.org.ua/articles/pomer-vasyl-barladyanu/> (дата обращения: 20.08. 2021).
179. Попович М. Червоне століття. К.: АртЕк, 2005. 887 с.
180. Поппер К. Открытое общество и его враги: в двух томах. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие пророки. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

181. Порошенко: СРСР не припинив існування, і Україна воює, щоб поховати його. *Радіо Свобода*. 2016. 2 грудня. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/news/28153119.html> (дата звернення: 04.08.2021).
182. Постанова Політбюро ЦК КП (б) У «Про видачу зброї партійно-радянським і комсомольським працівникам західних областей УРСР» (1940 р., квітня 7). *Історія України: хрестоматія / упоряд. В. М. Литвин*. К.: Наук. думка, 2013. С. 710–711.
183. Постанова Президії ЦК КППС про політичне і господарське становище західних областей Української РСР (1953 р., травня 23). *Історія України: хрестоматія / упоряд. В. М. Литвин*. К.: Наук. думка, 2013. С. 819–822.
184. Постановелення Політбюро ЦК КПСС об образovanні Комісії Політбюро ЦК КПСС по доповнительному изученію матеріалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. 28.09.1987. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/66060> (дата звернення: 22.07. 2021).
185. Появились подробности противостояния Ельцина и Горбачева. URL: <https://lenta.ru/news/2020/12/29/ussr/> (дата звернення: 23.07. 2021).
186. Президент Украины Леонид Кравчук отвечает на вопросы заместителя главного редактора «Московских новостей» Людмилы Телень. *Московские новости*. 1993. 4 апреля.
187. Прес-конференція Голови Верховної Ради УРСР Л. М. Кравчука. *Радянська Україна*. 1990. 26 липня.
188. Прес-конференція Голови Верховної Ради УРСР Л. М. Кравчука. *Радянська Україна*. 1990. 14 вересня.
189. Про економічну самостійність Української РСР: Закон УРСР від 3 серпня 1990 року № 142-ХІІ. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/142-12#Text> (дата звернення: 20.08. 2021).
190. Про правонаступництво України: Закон України від 12 вересня 1991 року № 1543-ХІІ. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1543-12#Text> (дата звернення: 20.08. 2021).
191. Про проголошення незалежності України: постанова Верховної Ради Української РСР від 24 серпня 1991 року № 1427-ХІІ/ URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1427-12#Text> (дата звернення: 20.08. 2021).
192. Про реалізацію Закону «Про економічну самостійність Української РСР»: постанова Верховної Ради Української РСР від 3 серпня 1990 року № 143-ХІІ. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/143-12#Text> (дата звернення: 20.08. 2021).
193. Проблема ОУН–УПА: Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА. Основні тези з проблем ОУН–УПА (історичний висновок) / Л. А. Гречина (підгот.), Л. В. Дубич (підгот.). К.: Інститут історії України НАН України, 2004. 96 с.
194. Проголошення незалежності України зараз підтримало б 80 % українців — опитування. URL: <https://gordonua.com/ukr/news/politics/>

- progoloshennja-nezalezhnosti-ukrajini-zaraz-pidtrimali-b-80-ukrajintsiv-opituvannja-1568330.html (дата обращения: 20.08. 2021).
195. Пустовіт С. Народний рух України: проблема виникнення. URL: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/35> (дата обращения: 16.08. 2021).
196. Радянська Україна. 1989. 10 грудня.
197. Радянська Україна. 1990. 30 травня.
198. Распад Советского Союза и политическая ситуация в Украине в 1985–1991 гг. URL: <http://uhistory.ru/history/novvtvy-hour/73-disinteration-of-the-soviet-union-and-political-situation-in-ukraine-in-1985-1991-gg.html> (дата обращения: 30.07. 2021).
199. Реабілітовані історією. Одеська область. Книга перша / упоряд. Л. В. Ковальчук, Е. П. Петровський. Одеса: АТ «ПЛАСКЕ», 2010. 800 с. + вкл. 64 с.
200. Реєнт О. Нариси з історії Української революції. *Історія України*. 2000. № 29–32. С. 7–79.
201. Решетников О. М. Кризис государственного управления в СССР. *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 12 (часть1). С. 36–38.
202. Романець Л. М., Романюк І. М. Оплата праці науково-педагогічних працівників вищої школи у перші повоєнні роки. *Наукові записки Вінницького ДПУ ім. Михайла Коцюбинського*. Серія: Історія. 2009. Вип. 16. С. 87–89.
203. Романюк І. М., Романець Л. М. Кадрове забезпечення сільських шкіл України вчителями в кінці 1950-х — на початку 1960-х років. *Український селянин*: зб. наук. пр. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, Черкас. держ. ун-т ім. Богдана Хмельницького, 2008. Вип. 11. С. 176–177.
204. Русначенко А. Національно-визвольний рух в Україні: середина 1950-х — початок 1990-х років К.: Видавництво ім. О. Теліги, 1998. 720 с.
205. Русначенко А. М. Національно-визвольний рух в Україні — середина 1950-х — початок 1990-х років: автореф. дис. ... д-ра істор. наук: спец. 07.00.01. К.: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 1999. 42 с.
206. РУСО. Профессор Владислав Гросул: «Когда Горбачев стал предателем?». URL: <https://krpf.ru/guso/199688.html> (дата обращения: 10.08. 2021).
207. Рябчук М. Дві України: реальні межі, віртуальні ігри. К.: Критика, 2003. 336 с.
208. Рябчук М. Постколоніальний синдром. Спостереження. К.: К. І. С., 2011. 240 с.
209. Рязанов В. Т. Кризис индустриализма и перспективы индустриального развития России в XXI веке. *Постиндустриальный мир и Россия* / [отв. ред. В. Г. Хорос, В. А. Красильщиков]. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 506–527.

210. Саттер Д. Век безумия: распад и падение Советского Союза: пер. с англ. М.: ОГИ, 2005. 397 с.
211. Свадебя Л. Не вважаю себе перевертнем. *Товарищ*. 1993. № 25.
212. Свідерська Н. Ю. Українське питання в європейській політиці навесні 1939 року. *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Львів, 2000. Вип. 7. С. 445–458.
213. Сворак С. Д. Народна освіта у західноукраїнському регіоні: історія та етнополітика (1944–1964 рр.). К.: Правда Ярославичів, 1998. 239 с.
214. Сворак С. Д. Освіта на західноукраїнських землях у повоєнний період. *Україн. істор. журн.* 1997. № 2. С. 28–42.
215. Сергійчук В. І. Політика нацистів щодо ОУН. *Українська державність у ХХ столітті (Історико-політологічний аналіз)*. URL: <http://litopys.narod.ru/ukrxh/r13.htm> (дата обращения: 20.07. 2021).
216. Симоненко Р. Перший український радянський уряд. *Історія України*. 2000. № 34. С. 3–6.
217. Сирота В. О. Чи розколовся Одеський «Меморіал». *Чорноморська комуна*. 1990. 5 жовтня.
218. Смолій В. Історичні уроки української революції. До 80-ї річниці ІV Універсала УНР. *Літературна Україна*. 1998. 29 січня. С. 1–2.
219. Собчак А. Жила-была коммунистическая партия. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001165961-zhilabyla-kommunisticheskaya-partiya-anatolij-sobchak> (дата обращения: 10.09. 2021).
220. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 11: Пергам–Ренувен М.: Государств. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1968. 1024 столб.
221. Согрин В. Перестройка: итоги и уроки. *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 133–148.
222. Согрин В. В. Уроки российской истории и современные реформы. *Вопросы философии*. 2002. № 11. С. 3–23.
223. Солдатенко В. Українська революція: історичний нарис: монографія. К.: Либідь, 1999. 976 с.
224. Союз можно было сохранить. *Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / Вебер А. Б., Логинов В. Т., Остроумов Г. С., Черняев А. С.; Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд)*. М.: Апрель-85, 1995. 567 с.
225. Становлення багатопартійної системи в Україні (кінець 1980-х — перша пол. 1990-х рр.). URL: <https://studfile.net/preview/5601772/page:97/> (дата обращения: 17.08. 2021).
226. Старжець В. І. Боротьба радянської влади і українського підпілля за вплив на освітній простір західних областей УРСР у післявоєнний період (1944–1953 рр.): дис. ... канд. істор. наук: спец. 07.00.01: захист

- 07.03.2019 /наук. керівник Давидюк Р. П. Рівне: Рівненський державний гуманітарний університет, 2019. 257 с.
227. Статистический ежегодник стран-членов Совета Экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. 663 с.
 228. Степико М. Т. Українська ідентичність: феномен і засади формування: монографія. К.: НІСД, 2011. 336 с.
 229. Струкова Е. Н. О проекте «Библиотека самиздата 1960 — первая половина 1980-х гг.». URL: [http://www2001.shpl.ru/shpage.php %3Fmenu=999.html](http://www2001.shpl.ru/shpage.php%3Fmenu=999.html) (дата обращения: 20.08. 2021).
 230. Стус В. Вікна в позাপростір. Вірші, статті, листи. Щоденникові записи. К.: Веселка, 1992. 262 с.
 231. Субтельний О. Україна: історія / пер. з англ. Ю. І. Шевчука; вст. ст. С. В. Кульчицького. К.: Либідь, 1991. 512 с.
 232. Товарищ. 1993. № 3. Январь.
 233. Тойнбі А. Дослідження історії: у 2 томах. Т. 1 / пер. з англ. В. Шовкуна. К.: Основи, 1995. 614 с.
 234. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц., предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
 235. Томахів В. Я. Сталінізм як різновид тоталітаризму (Історико-політологічний аспект): автореф. дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.01: захист 29.05.2001 / наук. керівник Поліщук М. В. Львів: Львів. націон. ун-т ім. І. Франка, 2001. 18 с.
 236. Трушков В. Фальшивый мед перестройки. *Правда России*. 1995. 18 мая.
 237. Украина, Россия и провал имперского проекта; под. ред. А. Гараня. К.: СтилоС, 2011. 76 с.
 238. Україна в період перебудови (1985–1991 рр.). URL: https://pidruchniki.com/1019020944793/istoriya/ukrayina_period_perebudovi_1985-1991 (дата обращения: 18.07. 2021).
 239. Україна крізь віки: у 15 тт. Т. 14: Литвин В. М. Україна на межі тисячоліть (1991–2000 рр.) / за заг. ред. В. Смолія; НАН України. Інститут історії України. К.: Альтернативи, 2000. 260 с.
 240. Українська революція і державність (1917–1920 рр.). К.: Парламентське видавництво, 1998. 248 с.
 241. Українська РСР в міжнародних відносинах. Міжнародні договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Української РСР, або до яких вона приєдналася (1945–1957). К.: АН Української РСР, 1959. 751 с.
 242. Улітова Н. С. Основні тенденції та процеси у справі відновлення діяльності закладів освіти в повоєнній Україні. *Чорноморський літопис*: наук. журн. Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, ЧДУ ім. Петра Могили. 2012. Вип. 6. С. 161–165.
 243. Установчий з'їзд Народного Руху України. *Література України*. 1989. 14 вересня. С. 4.

244. Уточним названія. *Вечерняя Одесса*. 1992. 28 мая.
245. Федоренко Н. П. Россия. Уроки прошлого и лики будущего. М.: Экономика, 2001. 489 с.
246. Феномен Горбачева. Понимание личности мирового масштаба / сост. Михаэль С. Карлен; пер. с англ. М.: Весь Мир, 2021. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/books/catalog/political/4415/> (дата обращения: 20.05.2021).
247. Филатов С. Причины и процесс распада СССР. URL: <http://www.sfilatov.ru/publication/165в> (дата обращения: 18.07.2021).
248. Фромм Э. Концепция человека у Маркса. *Фромм Э. Душа человека*. М.: АСТ–ЛТД, 1998. С. 565–646.
249. Фурман Д. Е. Наша странная революция. *Свободная мысль*. 1993. № 1. С. 9–17.
250. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.
251. Самарская Е. А. Сфера политического в интерпретации Р. Арона. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppу_1/3.pdf (дата обращения: 16.10.2021).
252. Черняев А. С. Был ли у России шанс? Он — последний. М.: Sобрание, 2003. 286 с.
253. Чинники і тренди економічного зростання в Україні: колективна монографія / за ред. М. І. Скрипниченко. К.: Ін-т екон. та прогнозув. НАН України, 2018. 386 с.
254. Чтобы жить по-человечески. *Вымпел*. 1990. 20 ноября.
255. Шаповал Ю. Війна після війни. *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність*. Львів, 2004. Вип. 11, спец. С. 184–201.
256. Шаповал Ю. Україна ХХ століття: Особи та події в контексті важкої історії. К.: Генеза, 2001. 560 с.
257. Шаталин С. Жизнь, не похожая ни на чью. М.: ИД «Экономическая газета», 2004. 624 с.
258. Швед В. Н. Горбачев — эпохальное ничтожество. URL: <http://www.spcnaz.ru/articles/198/27/1807.htm> (дата обращения: 14.07.2021).
259. Шевцова Л. Великое то было время! *Международ. науч.-обществ. журн.* 2020. № 4. С. 175–180.
260. Шевченко О. Це солодке слово «свобода» здобувалось гіркою ціною. *Голос України*. 1993. 21 серпня.
261. Шипотілова О. П. Становлення громадсько-політичного руху на Півдні України. URL: http://projects.dune-hd.com/bitstream/handle/2010/27456/PS_2-11.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 09.07.2021).
262. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. 528 с.
263. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. 624 с.

264. Щербицкий сказал — какой дурак придумал слово «перестройка?». URL: <https://leonid-kravchuk.com.ua/shherbytskyj-skazal-kakoj-durak-prydumal-slovo-perestrojka/> (дата обращения: 31.07. 2021).
265. Экономика в 1970-е — первой половине 1980-х гг. URL: <https://history.wikireading.ru/12438> (дата обращения: 20.08. 2021).
266. Экспресс-информация идеологического отдела Одесского обкома Компартии Украины (для служебного пользования). Выпуск от 24 января 1990 года. 14 с.
267. Экспресс-информация идеологического отдела Одесского обкома Компартии Украины (для служебного пользования). Выпуск от 22 августа 1990 года. 39 с.
268. Юнг К. Г. Архетип и символ. Подход к бессознательному. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4231>(дата обращения: 08. 11. 2021).
269. Юрійчук Є. П. Становлення і характер радянської влади в Україні. Історико-правові аспекти (1917–1922 рр.). К.: ІЗМН, 1998. 124 с.
270. Яковлев А. Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему идет дело. URL: https://www.ng.ru/ideas/2003-12-02/1_yakovlev.html (дата обращения: 10.07.2021).
271. Яковлев І. В. Громадсько-політична діяльність Івана Драча: дис. ... канд. істор. наук: спец. 07.00.01; наук. керів. Г. І. Гончарук. Одеса — Миколаїв: Одеський націон. політехніч. ун-т; Миколаївський націон. ун-т імені В. О. Сухомлинського, 2018. 200 с.
272. Ян Э. «Перестройка»: крах реформы социалистической системы и конституционного коммунизма. *Полис*. 1998. № 4. С. 37–51.
273. Ярещенко О. Т. Одеська «Просвіта»: історія, сучасність: істрико-популярний нарис. Одеса: Маяк, 1998. 112 с.
274. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
275. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967. 64 с.
276. Aron R. 18 Lectures on Industrial Society Paperback. January 1, 1968. URL: <https://www.amazon.com/Lectures-Industrial-Society-Raymond-Aron/dp/B000SAAQXS> (дата обращения: 24.06.2021).
277. Popper K. Self and Its Brain. Springer International, 1977. 596 p.
278. Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Volker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtssch — reiber Leipzig /Berlin. 1824. URL: <https://archive.org/details/geschichtenderro00rankuoft> (дата обращения: 20.08. 2021).
279. Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida. March, 8, 1983. Ronald Reagan Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/remarks-annual-convention-national-association-evangelicals-orlando-fl> (дата обращения: 20.09. 2021).

280. Robinson N. «The Party is sacred to me»: Gorbachev and the place of the party in soviet reform, 1985–1990. *Discussion Paper*. Series: Russian and Soviet Studies Centre. University of Essex. June. 1991. № 10. P. 1–32.
281. Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United State and the U. S. S. R. to the Mixed Sociocultural type. *International Journal of Comparative Sociology*. 1960. Vol. 1 (2): 143. Sep 1. URL: <https://www.deepdyve.com/lp/sage/mutual-convergence-of-the-united-states-and-the-u-s-s-r-to-the-mixed-wqeAaeBRc2> (дата обращения: 24.06.2021).
282. Washington Post. December15, 1991.

Кожному із сучасників, вільно чи не вільно, рано чи пізно доводиться переконуватись у користі знань минулого для прогнозування та успішного вибудовування майбутнього.

Ця книга є науково-популярним виданням, заснованим на різних джерелах, у тому числі й особистих враженнях автора від тих подій, до яких він був причетний.

Науково-популярне видання

ПАВЛОВ Олександр Іванович

**СТАНОВЛЕННЯ
НЕЗАЛЕЖНОСТІ УКРАЇНИ:
«ПЕРЕБУДОВНИЙ» ЕНДШПІЛЬ**

Історичний нарис

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*

Редактор *Н. Я. Рихтік*

Технічний редактор *М. М. Бушин*

Дизайнер обкладинки *О. А. Кунтарас*

Коректор *І. В. Шепельська*

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 16,28.

Тираж 300 прим. Зам. № 163 (111).

Видавництво і друкарня «Астропринт»

65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21

Тел.: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855

e-mail: astro_print@ukr.net; www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.